

Издается при содействии Института стратегических исследований и прогнозов Российского университета дружбы народов.

Геополитический журнал

Номер свидетельства
ПИ № ФС 77 - 56382

Наименование СМИ
Геополитический журнал

Форма распространения
печатное СМИ журнал

Территория распространения
Российская Федерация,
зарубежные страны

Адрес редакции
105062, г. Москва,
Подсосенский пер., д. 26, стр. 3

Языки
русский, английский

Редакционный совет журнала:

Шутов А. Д. – председатель,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор исторических наук,
профессор

Бажанов Е. П. – заслуженный деятель
науки РФ, доктор исторических
наук, профессор

Гарбузов В. Н. – доктор исторических
наук, профессор

Громыко А. А. – доктор политических
наук, профессор

Ивашов Л. Г. – доктор исторических
наук, профессор

Карпович О. Г. – доктор
политических наук, доктор
юридических наук, профессор

Манойло А. В. – доктор политических
наук

Пономарева Е. Г. – доктор
политических наук, профессор

Филимонов Г. Ю. – доктор
политических наук

Орлов Е. Э. – ответственный
редактор

Полная или частичная перепечатка
материалов без письменного разре-
шения авторов статей или редакции
преследуется по закону

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОПОЛИТИКА

Достоевский Ф. М.

Одно совсем особое слово о славянах 2

Фельдман П. Я.

Геополитический клиентелизм в международных
отношениях: стратегия и тактика Запада. 6

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС НА УКРАИНЕ

Манойло А. В.

Вооруженный мятеж на Украине: Тень Арабской
Весны 10

Бородинов Е. Н.

Анализ особенностей государственного
переворота на Украине, прогнозы дальнейшего
развития ситуации. 19

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Сизоненко А. И.

Россия — Бразилия: богатые традиции, хорошее
настоящее и перспективное будущее. 26

Чарковская Э.

Центральная Азия — ось сотрудничества и
соперничества в Российско-китайских отношениях . . 32

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Семченков А. С.

Системная дестабилизация современных государств 45

МЯГКАЯ СИЛА

Чихарев И. А., Столетов О. В.

К вопросу разумного использования мягкой
силы во внешней политике России. 55

Косенко С. И.

Фактор «мягкой силы» в культурной дипломатии
Франции. 72

Демидов А. В.

От «мягкой силы» к «управляемому хаосу» 86

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

Пеньков В. Ф., Коврикова О. И., Дьяконов А. А.

Политический процесс в России:
культурологическое и аксиологическое измерение . . 94

ГЕОПОЛИТИКА

ОДНО СОВСЕМ ОСОБОЕ СЛОВЦО О СЛАВЯНАХ

Достоевский Ф. М.

Один из самых значительных и известных в мире русских писателей и мыслителей.

В статье отмечается, что — по внутреннему убеждению автора — не будет у России, и никогда еще не было, таких завистников, клеветников и даже явных врагов, как славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными. России отнюдь не надо требовать от славян благодарности. Начнут же они, по освобождению, свою новую жизнь с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают.

Ключевые слова: славянские племена, враждебная настроенность, Россия, благодарность за освобождение, защита от России как освободителя.

Dostoevskij F. M.

ONE ABSOLUTELY SPECIAL WORD ABOUT SLAVS

In article it is noticed that the author's inner conviction that Russia doesn't have such enviers, slanderers and even obvious enemies as Slavic tribes, as soon as Russia release them, and Europe agree to recognize them emancipated. Russia shouldn't demand gratitude from Slavs at all. After liberation they will begin a new life with elicitation from Europe, England and Germany the guarantee and protection of their freedom, and though Russia also participates in the concert of the European powers, but they will make it protecting themselves against Russia.

Keywords: the Slavic tribes, hostile mood, Russia, gratitude for release, protection against Russia as liberator.

Кстати, скажу одно особое словцо о славянах и о славянском вопросе. И давно мне хотелось сказать его. Теперь же именно заговорили вдруг у нас все о скорой возможности мира, то есть, стало быть, о скорой возможности хоть сколько-нибудь разрешить и славянский вопрос. Дадим же волю нашей фантазии и представим вдруг, что все дело кончено, что настояниями и кровью России славяне уже освобождены, мало того, что турецкой империи уже не существует и что Балканский полуостров свободен и живет новой жизнью. Разумеется, трудно предречь, в какой именно форме, до последних подробностей, явится эта свобода славян хоть на первый раз, — то есть, будет ли это какая-нибудь федерация между освобожденными мелкими племенами (NB! федерации, кажется, еще очень, очень долго не будет) или явятся небольшие отдельные владения

в виде маленьких государств с призванными из разных владетельных домов государями? Нельзя также представить: расширится ли, наконец, в границах своих Сербия или Австрия тому воспрепятствует, в каком объеме явится Болгария, что станется с Герцеговиной, Боснией, в какие отношения станут с новоосвобожденными славянскими народцами, например, румыны или греки даже — константинопольские греки и те, другие, афинские греки? Будут ли, наконец, все эти земли и землицы вполне независимы или будут находиться под покровительством и надзором «европейского концерта держав», в том числе и России (я думаю, сами эти народики все непременно выпросят себе европейский концерт, хоть вместе с Россией, но единственно в виде покровительства их от властолюбия России) — все это невозможно решить заранее в точности, и я не

берусь разрешать. Но, однако, возможно и теперь — наверно — знать две вещи:

1) что скоро или опять не скоро, а все славянские племена Балканского полуострова непременно в конце концов освободятся от ига турок и заживут новою, свободною и, может быть, независимою жизнью и

2)... Вот это-то второе, что наверно, вернейшим образом случится и сбудется, мне и хотелось давно высказать,

Именно это второе состоит в том, что — по внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, — не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! И пусть не возражают мне, не оспаривают, не кричат на меня, что я преувеличиваю и что я ненавистник славян! Я, напротив, очень люблю славян, но я и защищаться не буду, потому что знаю, что все точно так именно сбудется, как я говорю, и не по низкому, неблагодарному будто бы характеру славян, совсем нет, — у них характер в этом смысле как у всех, — а потому, что такие вещи на свете иначе и происходить не могут. Распространяться не буду, но знаю, что нам отнюдь не надо требовать с славян благодарности, к этому нам надо приготовить вперед. Начнут же они, по освобождению, свою новую жизнь, повторять, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия, отняв их у

турок, проглотила бы их тотчас же, «имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на порабощении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени». Долго, о, долго еще они не в состоянии будут признать бескорыстие России и великого, снятого, неслыханного в мире поднятия ею знамени величайшей идеи из тех идей, которыми жив человек и без которых человечество, если эти идеи перестанут жить в нем — коченеет, калечится и умирает в язвах и в бессилии. Нынешнюю, например, всенародную русскую войну всего русского народа, с Царем во главе, подъятую против извергов за освобождение несчастных народностей, — эту войну поняли ли, наконец, славяне теперь, как вы думаете? Но о теперешнем моменте я говорить не стану, к тому же мы еще нужны славянам, мы их освобождаем, но потом, когда освободим и они кое-как устроятся, — признают они эту войну за великий подвиг, предпринятый для освобождения их, решите-ка это? Да ни за что на свете не признают. Напротив, выставят как политическую, а потом и научную истину, что не будь во все эти сто лет освободительницы-России, так они бы давным-давно сами сумели освободиться от турок, своею доблестью или помощью Европы, которая, опять-таки не будь на свете России, не только бы не имела ничего против их освобождения, но и сама освободила бы их. Это хитрое учение наверно существует у них уже и теперь, а впоследствии оно неминуемо разовьется у них в научную и политическую аксиому. Мало того, даже о турках станут говорить с большим уважением, чем об России. Может быть, целое столетие, или еще более, они будут беспрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее. О, я не говорю про отдельные лица; будут такие, которые поймут, что значила, значит и будет

значить Россия для них всегда. Они поймут все величие и всю святость дала России и великой идеи, зная которой поставит ока в человечестве. Но люди эти, особенно вначале, явятся в таком жалком меньшинстве, что будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическому гонению. Особенно приятно будет для освобожденных славян высказать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации. У них, конечно, явится с самого начала конституционное управление, парламенты, ответственные министры, ораторы, речи. Их будет это чрезвычайно утешать и восхищать. Они будут в упоении, читая о себе в парижских и в лондонских газетах телеграммы, извещающие весь мир, что после долгой парламентской бури пало, наконец, министерство в Болгарии и составилось новое из либерального большинства и что какой-нибудь ихний Иван Чифтлик согласился, наконец, принять портфель президента совета министров. России надо серьезно приготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма, прежде чем постигнуть хоть что-нибудь в своем славянском значении и в своем особом славянском призвании в среде человечества. Между собой эти земли будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать. Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью. Как ни будут они ненавистничать, сплетничать и клеветать на нас Европе, заигрывая с нею и уверяя ее в любви, но чувствовать-то они всегда будут инстинктивно (конечно, в минуту

беды, а не раньше), что Европа естественный враг их единству, была им и всегда останется, а что если они существуют на свете, то, конечно, потому, что стоит огромный магнит — Россия, которая, неодолимо притягивая их всех к себе, тем сдерживает их целость и единство. Будут даже и такие минуты, когда они будут в состоянии почти уже сознательно согласиться, что не будь России, великого восточного центра и великой влекущей силы, то единство их мигом бы развалилось, рассеялось в клочки, и даже так, что самая национальность их исчезла бы в европейском океане, как исчезают несколько отдельных капель воды в море. России надолго достанется тоска и забота мирить их, вразумлять их и даже, может быть, обнажать за них меч при случае. Разумеется, сейчас же представляется вопрос: в чем же тут выгода России, из-за чего Россия билась из-за них сто лет, жертвовала кровью своею, силами, деньгами? Неужто из-за того, чтобы пожать столько маленькой смешной ненависти и неблагодарности? О, конечно, Россия все же всегда будет сознавать, что центр славянского единства — это она, что если живут славяне свободною национальною жизнью, то потому, что этого захотела и хочет она, что совершила и создала все она. Но какую же выгоду доставит России это сознание, кроме трудов, досад и вечной заботы?

Ответ теперь труден и не может быть ясен.

Во-первых, у России, как нам всем известно, и мысли не будет и быть не должно никогда, чтобы расширить за счет славян свою территорию, присоединить их к себе политически, наделая из их земель губерний и прочее. Все славяне подозревают Россию в этом стремлении даже теперь, равно как и вся Европа, и будут подозревать еще сто лет вперед. Но да сохранит Бог Россию от этих стремлений, и чем более она выкажет самого полного политического бескорыстия относительно славян, тем вернее достигнет объ-

единения их около себя впоследствии, в веках, сто лет спустя. Доставив, напротив, славянам с самого начала как можно более политической свободы, и устранив себя даже от всякого опекуинства и надзора над ними, и объявив им только, что она всегда обнажит меч на тех, которые посягнут на их свободу и национальность, Россия тем самым избавит себя от страшных забот и хлопот поддерживать силою это опекуинство и политическое влияние свое на славян, им, конечно, ненавистное, а Европе всегда подозрительное. Но, выказав полнейшее бескорыстие, тем самым Россия и победит, и привлечет, наконец, к себе славян; сначала в беде будут прибегать к ней, а потом когда-нибудь воротятся к ней и прильнут к ней все, уже с полной, с детской доверенностью. Все воротятся в родное гнездо. О, конечно, есть разные ученые и поэтические даже воззрения и теперь в среде многих русских. Эти русские ждут, что новые, освобожденные и воскресшие в новую жизнь славянские народности с того и начнут, что прильнут к России, как к родной матери и освободительнице, и что несомненно и в самом скором времени принесут много новых и еще неслыханных элементов в русскую жизнь, расширят славянство России, душу России, повлияют даже на русский язык, литературу, творчество, обогатят Россию духовно и укажут ей новые горизонты. Признаюсь, мне всегда казалось это у нас лишь учеными увлечениями; правда же в том, что, конечно, что-нибудь произойдет в этом роде несомненно, но не ранее ста, например, лет, а пока, и может быть, еще целый век, России вовсе нечего будет брать у славян ни из идей их, ни из литературы, и чтоб учить нас все они страшно не доросли. Напротив, весь этот век, может быть, придется России бороться с ограниченностью и упорством славян, с их дурными привычками, с их несомненной и близкой изменой славянству ради европейских форм политического и социального устройства,

на которые они жадно накинутся. После разрешения славянского вопроса России, очевидно, предстоит окончательное разрешение восточного вопроса. Долго еще не поймут теперешние славяне, что такое восточный вопрос! Да и славянского единения в братстве и согласии они не поймут тоже очень долго. Объяснять им это беспрерывно, делом и великим примером, будет всегдашней задачей России впредь. Опять-таки скажут: для чего это все, наконец, и зачем брать России на себя такую работу? Для чего: для того, чтоб жить высшею жизнью, великою жизнью, светить миру великой бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом; вознести, наконец, всех малых сих до себя и до понятия ими материнского ее призвания — вот цель России, вот и выгоды ее, если хотите. Если нации не будут жить высшими, бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить одним своим «интересам», то погибнут эти нации несомненно, окоченеют, обессилеют и умрут. А выше целей нет, как те, которые поставит перед собой Россия, служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности, служа их нравственному (а не политическому лишь) воссоединению в великое целое. Тогда только скажет всеславянство свое новое целительное слово человечеству... Выше таких целей не бывает никаких на свете. Стало быть, и «выгоднее» ничего не может быть для России, как иметь всегда перед собой эти цели, все более и более уяснять их себе самой и все более и более возвышаться духом в этой вечной, неустанной и доблестной работе своей для человечества.

Будь окончание нынешней войны благополучно — и Россия несомненно войдет в новый и высший фазис своего бытия...

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛИЕНТЕЛИЗМ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ЗАПАДА

Фельдман П. Я.

Кандидат политических наук.

Советник проректора Академии труда и социальных отношений.

В статье рассматривается государственный переворот, произошедший на Украине в феврале 2014г. Избрание нового западнорезориентированного президента страны и формирование соответствующей политической системы с большой долей вероятности может привести к тому, что границы Евросоюза вплотную соприкоснутся с территориями Брянской, Курской, Белгородской, Воронежской и Ростовская областей Российской Федерации. С военно-стратегической точки зрения, поступательное и неуклонное расширение сферы влияния Запада может рассматриваться как прагматичная политика, направленная на достижение мирового господства американско-европейской цивилизации. Для этого применяется целый комплекс инструментов политического, экономического, информационного воздействия на развивающиеся страны. Подобная стратегия может быть охарактеризована как *геополитический клиентелизм*, целью которого является установление иностранного контроля над национальными элитами и ключевыми институтами гражданского общества.

Ключевые слова: политика, система государства, клиентелизм, СМИ.

Государственный переворот, произошедший на Украине в феврале 2014г., в очередной раз нарушил баланс политических сил в восточной Европе. Избрание нового западнорезориентированного президента страны и формирование соответствующей политической системы с большой долей вероятности может привести к тому, что границы Евросоюза вплотную соприкоснутся с территориями Брянской, Курской, Белгородской, Воронежской и Ростовская областей Российской Федерации. С военно-стратегической точки зрения, поступательное и неуклонное расширение сферы влияния Запада может рассматриваться как прагматичная политика, направленная на достижение мирового господства американско-европейской цивилизации. Для этого применяется целый комплекс инструментов политического, экономического, информационного воздействия на развивающиеся страны. Подобная стратегия может быть охарактеризована как *геополитический клиентелизм*,

целью которого является установление иностранного контроля над национальными элитами и ключевыми институтами гражданского общества.

В Древнем Риме понятие «клиента» использовалось для обозначения особой формы социальной зависимости плебеев от патрициев. Под *клиентелизмом* в широком смысле понимаются *отношения зависимости*, складывающиеся между двумя акторами: «патроном» (господствующей стороной) и «клиентом» (стороной подчиненной). При этом «патрон» оказывает устойчивое покровительство своему «клиенту» в обмен и подконтрольность последнего. Обе стороны вступают в «патрон-клиентские» отношения *преимущественно добровольно*, однако условия для их формирования могут создаваться целенаправленными мерами. На международной арене клиентелизм выступает специфической формой отношений между сверхдержавами и зависимыми от них государствами. В основе подобных политических

отношений всегда лежит принцип обоюдной выгоды, который реализуется посредством обмена ресурсов на возможности. Страны — «патроны» предлагают своим «клиентам»:

- 1) материальные вливания, поддержку национальных производителей на мировом рынке;
- 2) военно-политическое покровительство и защиту;
- 3) возможность политической и экономической интеграции;
- 4) информационную и имиджевую поддержку.

Государства — «клиенты», в свою очередь, принимают на себя следующие обязательства:

- 1) предоставлять «патрону» право вмешиваться в свою внутривнутриполитическую жизнь;
- 2) публично поддерживать инициативы «патрона»;
- 3) принимать участие в совместных военных операциях, размещать на своей территории вооружение «патрона»;
- 4) сохранять политическую преданность «патрону» и отказываться от сотрудничества с его стратегическими противниками.

Формирование «патрон-клиентских» связей на международном уровне начинается с установления отношений зависимости между различными элементами политических и экономических систем государств. В качестве «клиентов» на различных этапах данного процесса выступают общественные организации, представители финансово-промышленной элиты (олигархия), лидеры мнений, отдельные журналисты и СМИ, политические деятели. Постепенная трансформация вышеперечисленных акторов в «клиентов» иностранных правительств в конечном итоге приводит к частичной или полной утрате государственного суверенитета.

Предпосылки клиентелизма, как правило, коренятся в экономической сфере.

Представители элиты развивающихся стран зачастую хранят свои сбережения в американских и европейских банках, владеют зарубежной недвижимостью, временно или постоянно проживают в США или Евросоюзе, что позволяет иностранным правительствам оказывать на них давление посредством «заморозки» счетов, ареста собственности или ограничения въездного режима. Кроме того, ориентация производителей на западные рынки порождает конфликты интересов, при которых стремление крупного бизнеса к увеличению прибыли становится угрозой для экономической стабильности национальных экономик. Ярким примером в данном случае может служить лоббистская деятельность украинского предпринимателя и политика П. А. Порошенко, направленная на подписание соглашения об ассоциации с ЕС. При всей очевидности негативных последствий данного шага для экономики Украины, владелец кондитерской корпорации «Roshen» выступил в качестве убежденного сторонника евроинтеграции.

«Клиентами» иностранных «патронов» зачастую становятся средства массовой информации, которые принадлежат западнориентированным бизнесменам или получают финансирование из зарубежных фондов. Такие СМИ зачастую применяются как инструменты мобилизации населения к протестной активности. На пространстве развивающихся стран ведутся информационные войны, целью которых является формирование в массовом сознании «клиентелистской» идеологии, основанной на вере в стремление Запада экономически и политически поддерживать лояльные к нему страны. Подобная кампания возымела успех на Западной Украине, где среди граждан утвердилось мнение о том, что Евросоюз и США не допустят дефолта в стране.

На современном этапе чрезвычайно широко применяется такая политиче-

ская технология, как создание и поддержка «клиентелистских» организаций третьего сектора из-за рубежа. Подобные «институты гражданского общества» под видом правозащитной и гуманитарной деятельности выполняют функции агентов иностранного влияния. Давая интервью немецкой телерадиокомпании ARD весной 2013 г., В.В.Путин отметил, что в России действуют 654 неправительственные организации с зарубежным финансированием, которые прямо или косвенно занимаются политической деятельностью.¹ В соответствии с законодательством, данные организации обязаны раскрывать источники своих доходов, что служит поводом для многочисленных упреков в адрес российских властей со стороны западных политиков и правозащитников.

В январе 2014 г. Верховной Радой был принят законопроект, согласно которому статус «иностранного агента» должны были получить неправительственные организации, которые «принимают участие в политической деятельности» и при этом спонсируются из-за рубежа.² Предполагалось, что данные организации лишатся налоговых льгот и будут обязаны представлять отчеты о своих доходах в контролирующие органы. Месяцем позже НКО, подпадающие под действие соответствующего Закона, стали ключевыми участниками совершенного на Украине политического переворота. Едва ли это можно рассматривать как случайное совпадение.

Благодаря своим «клиентам» в некоммерческом секторе западные демократии получают возможность опосредованного вмешательства в политическую жизнь развивающихся стран, следствием чего, как правило, становится рост протестных, сепаратистских и националистических настроений. При этом осуществляется манипулирование мнением международной общественности, поскольку протестная активность финансируемых с Запада НКО выглядит со стороны как

волеизъявление самих граждан. Подобные «революционные сценарии» уже неоднократно реализовывались на Ближнем Востоке, в Грузии, Киргизии, а теперь и на Украине, однако вполне оправданное и законное стремление национальных властей к усилению контроля деятельности прозападных НКО публично осуждается американскими и европейскими политиками.

Наряду с формированием отношений зависимости в экономической и общественно-политической сферах, имеет место «культурный клиентелизм». По всему миру США активно содействует продвижению представителей шоу-бизнеса, ориентированных на западные ценности и поддерживающих проамериканские политические силы (при этом качество творческого продукта никакой роли не играет).

«Клиентами» зарубежных «патронов» зачастую становятся национальные меньшинства и анклав. Установление иностранного контроля над ними особенно опасно, поскольку оно неизбежно связано с разжиганием межнациональной и межэтнической розни. Попытки построения «клиентелистских» отношений с народами российского Кавказа неоднократно предпринимались властями США, похожая политика проводится ими в отношении крымских татар. Частью данной стратегии является взаимодействие с духовными лидерами и религиозными организациями. Стоит отметить, что после смены власти на Украине в феврале 2014 г. сразу же возникла угроза выхода Украинской православной церкви из Московского патриархата. При этом на Западе страны активно распространяется католицизм, что способствует расширению культурно-духовного пространства Евросоюза на восток.

С учетом того, что США и Евросоюз не собираются отказываться от стратегии наращивания своего влияния в мире, России следует выработать опре-

деленные механизмы, позволяющие сохранить баланс политических сил на международной арене и обеспечить национальную безопасность. Для этого необходимо реализовать комплексные меры по двум направлениям:

1) интенсифицировать политику применения «мягкой силы» в международных отношениях;

2) не допустить попадания российских элит, средств массовой информации, некоммерческих организаций в «клиентелистскую» зависимость от Запада.

Первая цель может быть достигнута за счет усиления экономического, гуманитарного, культурного и политического сотрудничества с развивающимися странами. Необходимо расширение сети партнерских институтов гражданского общества на постсоветском пространстве. Позитивную роль при этом могли бы сыграть, например, профессиональные союзы СНГ, сохранившие солидарность с Федерацией независимых профсоюзов России после распада СССР (именно объединения наемных работников в ходе протестных акций на Майдане подвергались наиболее жесткой агрессии сторонников евроинтеграции).

Достижение второй цели требует решительных мер внутривластного характера. Наличие у представителей власти собственности и банковских вложений за рубежом является существенной проблемой для национальной безопасности РФ, поскольку власти США и Евросоюза активно используют стремление элит к сохранению зарубежных активов как основание для полити-

ческого давления и шантажа. Очевидно, что должностные лица, чье благосостояние зависит от действий иностранных правительств, не способны принимать политико-управленческие решения в интересах своего государства. Соответственно, необходимо совершенствование законодательства и недопущение во власть лиц, прямо или опосредованно владеющих активами в Европе и США.

Установление зарубежного «патронажа» над экономическими, политическими, социальными и духовными институтами развивающихся стран приводит к тому, что отдельные государства в полной мере становятся «клиентами» иностранных правительств. Однако интеграция в Западное сообщество не только не приносит им стабильности, но и делает их зависимыми от иностранных кредитов, гуманитарной помощи, налоговых льгот. Подобные страны превращаются в поставщиков дешевой рабочей силы для Евросоюза и полностью теряют потенциал суверенного развития. Как показывает практика, «патрон-клиентские» отношения с Западом приносят краткосрочную выгоду для элит, однако на социально-экономическом положении зависимых странах они сказываются губительно. Об этом убедительно свидетельствуют примеры государств-осколков Югославии. В данных условиях Российская Федерация, заботясь о собственной национальной безопасности и выступая гарантом стабильности в мире, должна своевременно выработать стратегию противодействия западной политике *геополитического клиентелизма*.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1 См.: Официальный сайт Президента РФ, <http://www.kremlin.ru/transcripts/17808>

2 См.: <http://www.kommersant.ua/doc/2385070>

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС НА УКРАИНЕ

ВООРУЖЕННЫЙ МЯТЕЖ НА УКРАИНЕ: ТЕНЬ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

Манойло А. В.

Заместитель декана,

профессор кафедры российской политики факультета политологии

МГУ имени М. В. Ломоносова,

доктор политических наук.

Настоящая статья посвящена рассмотрению следа революций арабской весны в событиях на Украине, приведших к отстранению от власти законного правительства В. Януковича в результате государственного переворота, осуществленного «Правым сектором». Автор обращает внимание на признаки, позволяющие отнести «революцию» на Украине к категории цветных революций, и подчеркивает схожесть сценария цветной революции 2013-14 гг. на Украине с цветными революциями 2011-2013 гг. на Ближнем Востоке и в Северной Африке, получивших название «арабской весны». В статье выдвигается и обосновывается тезис о том, что революция на Украине является модификацией схемы цветных революций, обкатанных в Египте, Тунисе, Ливии, Сирии. Их схожесть позволяет предположить, что волна революций арабской весны повернула на север, на пространство СНГ к границам России, которая в свете указанных событий представляется их главной мишенью. В статье также приводятся рекомендации по разрешению украинского кризиса и противодействию цветным революциям в России и на пространстве СНГ. Отдельное внимание уделено сравнительно-историческому анализу блокадной политики нынешнего президента США Барака Обамы и политики Континентальной блокады императора Наполеона Бонапарта, которые имеют несомненное сходство.

Ключевые слова: Россия, Украина, США, Египет, внешняя политика, конфликт, политический кризис, международная безопасность, цветные революции, управляемый хаос, Арабская Весна, санкции, континентальная блокада.

Сегодня внимание всего мира приковано к событиям на Украине. Жестокость и непримиримость борьбы, за считанные дни переросшей из отдельных столкновений хулиганов и полиции в организованный вооруженный мятеж, не может не оставаться без внимания: уличные бои в столице соседнего государства, в котором участвуют представители славянского народа, неразрывно связанного исторической судьбой с русским народом, не может не тревожить российскую общественность, правительство и руководство Российской Федерации. Украинские националисты,

идушие на острие таранного удара, нанесенного действующей власти, называют эти события «революцией», хотя на самом деле это можно рассматривать исключительно как государственный переворот, вооруженный мятеж с целью захвата власти, известный в современном мире под общим названием «цветная революция». Этот вывод далеко не случаен: в событиях на Украине угадываются признаки, которые всем нам хорошо знакомы по цветным революциям на пространстве СНГ, в Грузии, в Центральной Азии, в оранжевом безумии, охватившем Украину в начале двухты-

сячных годов, а также в недавних революциях арабской весны.

Сравнивая украинскую (цветную) революцию 2.0 с недавними событиями на Ближнем Востоке и в Северной Африке, нельзя не отметить, что сценарий украинской революции 2014 года один в один повторяет революцию в Египте, в ходе которой был уничтожен режим Х. Мубарака, а сам египетский президент смещен со своей должности и заключен в тюрьму. Совпадений слишком много:

- это и характер народных волнений, переросших в массовые беспорядки, которые выдавались за стихийные, но на самом деле таковыми не являлись;
- и хорошо организованное протестное движение, подкрепленное военизированными формированиями боевиков — украинских националистов, переброшенных в Киев из западных областей Украины, где они все эти годы тренировали свое боевое умение в специальных лагерях, изучая тактику сопротивления спецформированиям МВД и СБУ, а также тактику войны в городских условиях;
- это отличное оснащение боевиков, противостоящих Беркуту, — шлемы-сферы, щиты, бронежилеты и штурмовые латы, наколенники и налокотники, принятые на вооружение в подразделениях армии США, несущих службу в Афганистане;
- оружие, в том числе боевое огнестрельное, для завладения которым националисты захватили несколько армейских складов;
- блокада органов власти, захват (по ленинскому принципу) стратегических и жизненно важных объектов столичной инфраструктуры;
- использование механизмов конфликтной мобилизации населения, вовлечение его в конфликт на сто-

роне «представителей восставшего народа», разжигание ненависти к правящему режиму, широкая идеологическая обработка попавших под влияние националистов-революционеров;

- масштабная информационная война;
- грамотно организованное снабжение восставших всем необходимым для продолжения борьбы, включая спецсредства, одежду, питание, финансовые средства, идущие на оплату услуг наемников и провокаторов.

Этим сходства египетской и украинской революции не исчерпываются: и в том и в другом случае под прикрытием восставшего народа в вооруженную борьбу включаются организованные и хорошо вооруженные отряды мятежников, в Египте — исламисты, на Украине — западные националисты (в Крыму — крымские татары). При этом обществу эта борьба, имеющая все признаки начала гражданской войны, по-прежнему преподносится как национально-освободительное движение, развернутое восставшим народом против преступного правящего режима. В этом и суть любой цветной революции, ведь цветная революция — это технология организации государственного переворота в условиях искусственно созданной политической нестабильности, к которой давление на власть осуществляется в форме политического шантажа, а основной движущей силой таранного удара по власти выступает специально организованное молодежное протестное движение.

И в том, и в другом случае «восставшему народу» противостоит слабая, нерешительная и коррумпированная власть, которая боится предпринимать решительные меры, медлит перед лицом выбора, мечется между недавними союзниками, которые в новых услови-

ях стремятся от нее дистанцироваться, делает противоречивые заявления, демонстрируя свою беспомощность и дискредитируя тем самым себя едва ли не более эффективно, чем это пытаются сделать ее противники. Именно так вел себя Мубарак: он до последнего момента верил, что США придут ему на помощь и спасут его от разыгранного ими же спектакля цветной революции, надеялся, что это всего лишь воспитательная мера. Однако его надежды не оправдались, как не оправдались и ожидания Януковича, что почти европейская Украина, подарившая мировой цивилизации и (заодно) «москалям» Киевскую Русь, — это не дикий Египет, украинцы — не безграмотные арабы, все само собой рассосется.

Янукович несколько лет спустя в точности повторил поведение Мубарака: несмотря на явную угрозу со стороны разрастающегося мятежа, который начался с пустяковых (по сути) волнений на так называемом майдане, он ничего не сделал для того, чтобы пресечь этот переворот. Вместо того, чтобы жёсткими, но справедливыми мерами навести порядок — так, как это сделал с «васильковой революцией» Лукашенко — Янукович затеял непонятную политическую игру, заигрывая то с Западом (Евросоюзом и США), то с Россией, надеясь на фоне «предназначенной ему великой роли сдерживания хаоса» на Украине получить очередные финансовые транши и от тех, и от других. Эта слабость Януковича и стала причиной того, что сначала он потерял поддержку своего электората, а затем от него отвернулись и сторонники, начавшие стремительно разбегаться или просто перебегать в лагерь противника. В этих критических условиях Янукович, отдав приказ о силовом подавлении майдана (который настолько фатально запоздал, что уже ничего изменить не мог, только привел к многочисленным человеческим жертвам с обеих сторон и подставил защитников государственности — силовиков, Бер-

кут), но до конца его выполнить у него не хватило силы воли: с того момента, как мятежники подтянули на майдан незаконные вооруженные формирования националистов и стали формировать из основной массы протестующих отряды самообороны (то есть городскую милицию), подавление мятежа стало возможным только ценой большой крови. Вот на это Янукович и не решился, опасаясь при этом не столько за загубленные жизни, сколько за сохранность своих капиталов и счетов в зарубежных банках, которых его в одночасье могли лишить, признав «международным уголовным преступником». Его заигрывания с Евросоюзом также сыграли фатальную роль: ЕС сначала настаивал на том, чтобы Янукович решительно подавлял беспорядки в столице, восстанавливая законность, а когда он наконец начал это делать и пошли первые жертвы, ЕС тут же начал вопить о соблюдении прав человека и о геноциде режимом Януковича собственного народа, а также о необходимости срочно пойти на уступки мятежникам и вступить с ними в переговоры. Когда Янукович, следуя этой рекомендации, пошел на переговоры с мятежниками, они сочли это признанием слабости власти и резко активизировали свои действия, вступив в фазу непримиримой вооруженной борьбы. В результате Янукович и его приспешники, вместо того, чтобы продолжать борьбу или отвечать за свои действия, просто бежали из столицы: 23 февраля 2014 года появилась информация, что Янукович тайно пытался скрыться, вылетев за рубеж на самолете без опознавательных знаков, но украинские пограничники его вернули. Таким образом, он не только оказался слабохарактерным руководителем, способным только выкачивать из страны ресурсы в доход собственного клана (то есть грабить страну, по той же схеме, как это делал Бакиев с Кыргызстаном), но и стал предателем для всех тех граждан Украины, особенно ее восточных и

южных областей, которые его поддерживали, видя в нем пророссийски настроенную силу, способную сохранить целостность государства и защитить его граждан от национализма.

Различия между Египтом и Украиной на самом деле невелики: в Египте на площади Каира вышли арабы, в Киеве — украинские националисты и просто граждане, недовольные засильем донецкого клана. И в том, и в другом случае катализатором цветной революции стала «усталость от власти» — от режима Мубарака и от режима Януковича. К этому и пытаются апеллировать националисты, забывая о той очевидной аналогии, которая прослеживается между украинскими и египетскими сценариями. В аналогичных революциях в Сирии и Ливии против правящего режима выступили исламисты, с которыми эти режимы на протяжении десятилетий вели непримиримую борьбу; на Украине в составе националистов много католиков, грекокатоликов и адептов многочисленных протестантских сект, в основном носящих тоталитарный характер и проповедующих экстремизм. И в том, и в другом случае успех переворота стал возможным только благодаря слабости и бесконечным колебаниям правящего режима, первоначально чрезвычайно самоуверенного, а затем быстро павшего духом и самым своим примером давшего сигнал своим сторонникам «спасаться, кто как может». И в Египте, и на Украине цветные революции осуществлялись в несколько этапов — речь идет о революциях 2.0, к которой можно отнести события на Украине. Просто между украинскими революциями (оранжевой и нынешней) прошло 10 лет, а между египетскими — около года. В Египте после переворота к власти пришли умеренные исламисты, на Украине власть захватили крайние националисты, что примерно одно и то же.

Следуя общей логике развития мировых процессов, можно предположить,

что Януковича теперь ждет участь других лидеров государств, смещенных в результате цветных революций — Каддафи, например. Его сделают международным преступником, будут гоняться по всему миру, найдут где-нибудь в Африке или Латинской Америке и выдадут «оранжевым». По дороге он может пострадать «при попытке к бегству», или какой-нибудь ярый западенец случайно разрядит в него свой дробовик, не справившись с эмоциями, нахлынувшими на него на чужбине. Потому что кто знает, что обещали Януковичу западноевропейцы и американцы, подталкивая сначала на силовое подавление протестов, а затем на переговоры и фактическую капитуляцию, сопровождающуюся сдачей всех пророссийских позиций и завоеваний.

Опасность сегодняшней ситуации на Украине, прежде всего, состоит в том, что вооруженный мятеж, поднятый радикальными националистами, имеет все шансы перерасти в гражданскую войну, поскольку уже сейчас опьяневшие от вседозволенности мятежники вылавливают по всему Киеву сторонников рухнувшего режима, жестоко избивают их и, возможно, даже уничтожают (что в этих условиях вполне вероятно). Вместе с ними вылавливают сотрудников Беркута и СБУ. Отсюда недалеко и до начала «революционного террора».

Из Германии срочно прибывает Тимошенко — и сразу же на майдан, руководить революцией. Не правда ли, что-то напоминает? Большевики вместе с Лениным тоже прибыли из Германии, в plombированном вагоне. Спустя сто лет сценарий повторяется даже в мелочах. Только теперь лидер новых революционеров избирает своей трибуной не броневик, а инвалидную коляску, в которой Тимошенко, скорее всего, не нуждается.

Цветная революция 2.0 в Киеве поставила Украину на грань гражданской войны и распада государства по геополитическими линиям напряженности,

который абсолютно точно не будет проходить мирно и безболезненно: в случае распада Украину ждет югославский сценарий, война всех против всех, геноцид, террор, иностранная интервенция (как со стороны западных государств, так и со стороны Турции, посягающих на Крым и активность крымских татар), в ходе которых число жертв будет исчисляться сотнями тысяч. Все это сильно ударит по безопасности соседних государств, на которые может перекинуться пламя цветной революции. Последствия реализации такого сценария для России даже страшно представить. Революции арабской весны, прокатившись по пространству СНГ и ударив по России, могут стать началом «христианской зимы».

В течение всего времени, пока по Северной Африке и Ближнему Востоку неслось цунами цветных революций арабской весны и внимание мировой общественности было приковано к трагедии Ливии и Сирии, в России не переставали спорить, куда повернет эта волна цветных революций, когда будет сметен последний бастион — режим Башара Асада. То, что новые технологии реализации цветных революций, основанные на управляемом хаосе, пройдя обкатку на Арабском Востоке, этим самым Востоком не ограничатся — это было для всех более-менее очевидно. Возник вопрос: для какой же страны готовится эта мясорубка? Для Ирана, где в 2009-м году почти достигла своей цели так называемая Зеленая революция?

В качестве следующих целей цветных революций назывались государства Центральной Азии, где предыдущая модель цветных революций не смогла обеспечить стабильности марионеточных режимов, пришедших на волне цветной революции к власти; вспоминали про Беларусь, которая своей партизанщиной давно уже является сильным раздражителем для всего Запада, чем-то напоминая режим Каддафи; кое-кто упоминал Китай. Вместе с тем волна

цветных революций не продолжила форматировать мусульманский Восток, а неожиданно проявилась на Украине — непосредственно у границ России. Отсюда следует очевидный вывод: цель новой волны цветных революций — не Украина и не режим Януковича, а Россия, ее суверенитет, территориальная целостность. Потому что цветные революции — это изобретение англосаксов, североамериканцев, и только они эти технологии умеют применять на практике. Можно сказать, что цветные революции — это их фирменный почерк. Но менять Януковича на того же Кличко или Тимошенко для США нет никакого резона: все эти годы Янукович, делая вид, что он всем сердцем с Россией, на самом деле проводил полностью прозападную и проамериканскую политику, был послушным исполнителем воли Вашингтона и Брюсселя, подставляя Россию каждый раз, когда это было выгодно интересам его клана или его западным «партнерам» и «наставникам». То есть, был абсолютно — с американской точки зрения — лояльным. Менять его для США не было никакого резона, так же как не было необходимости смещать Мубарака, одного из самых верных и преданных союзников США в арабском мире. Поэтому американцы на начальных этапах развития цветной революции предпочитали управлять событиями, находясь в глубокой тени и вообще особо не напрягались — ведь, кто бы ни победил, он все равно будет в конюшне внешней политики Соединенных Штатов. Если бы победил Янукович — цветная революция стала бы для него предупреждением и уроком, как в свое время выступление Окруашвили против Саакашвили в Грузии. Если придет к власти Кличко или Тимошенко — они первые побегут к Соединенным Штатам за внешнеполитической поддержкой и признанием, поскольку только влияние и авторитет США способны сделать из обыкновенных мятежников и бандитов

европолитиков, с которыми будет говорить цивилизованная Европа.

У мятежников, уничтоживших режим Януковича, после захвата власти встанет одна кардинальная проблема: им достанется нищая страна с разрушенной и разворванной экономикой, находящаяся в перманентном кризисе, с пустым бюджетом, с огромными долгами, с коррумпированными органами власти. На преодоление этого кризиса новой власти потребуются деньги, и деньги немалые. Кроме того, необходимо будет расплатиться со сторонниками и иными «преданными борцами», которые в случае победы очень рассчитывают на свою долю бывшей госсобственности, на возможность пограбить. Да и самим лидерам не чуждо желание приумножить свое материальное положение за счет «боевых трофеев» в отданном на разграбление, фактически взятом штурмом городе и такой же стране. Где же их взять, эти деньги?

И тут на память приходит кредит в 15 млрд долларов, выделенный Украине Россией для преодоления кризисных явлений в украинской экономике. И понимание того, что кредит давался стране, а не режиму, и смена режимов не освобождает Россию от добровольно взятых на себя обязательств. Есть над чем задуматься. Похоже, финансовые затраты на организацию и проведение революции «украинской весны» будут покрываться за счет российского кредита, то есть за счет средств российского бюджета. В этом плане можно лишь поаплодировать американцам: они, наконец, нашли способ, как заставлять одни страны платить за проамериканские перевороты в других странах, даже если эти другие являются родственными и по культуре, и по языку, и по крови. И пожалуй славянские народы бывшего СССР, для которых именно Советский Союз («тюрьма народов», «коммунистическая империя») был единственной гарантией безопасности и мирного существования.

России, опираясь на украинский опыт, необходимо готовиться к тому, что она станет следующей в перечне мишенной англосаксонских цветных революций, обкатанных как в условиях традиционных обществ восточного типа, так и в условиях сверхцентрализованного государства, построенного по принципу «вертикали власти» и не имеющего подушки безопасности в виде гражданского общества, способного противостоять подрывным операциям организаторов цветных революций. В этом плане предпринимаемые российским руководством усилия по связыванию пассионарной активности основной массы молодежи, которая является движущей силой любой цветной революции, в форме вовлечения в различные формальные проправительственные движения («Наши», «Молодая Гвардия» и т.д.), и пресечение деятельности на территории РФ иностранных фондов-агентов, на счета которых и заканчиваются финансовые средства на организацию цветных революций, дают хотя и важный, но, в целом, все же незначительный эффект. Это — профилактика цветных революций, а не борьба с ними. Стране в современных условиях, многократно подчеркнутых вооруженным мятежом 2014 года на Украине, необходима государственная концепция по противодействию цветным революциям, как в России, так и в целом на пространстве СНГ, подкрепленная дорожной картой ее реализации. Наивно надеяться, что и на этот раз волна цветных революций обойдет Россию стороной — в политике чудес и исключений не бывает. Просто американцы долго искали подходы к России, основываясь на опыте пробной цветной революции — так называемой «революции белых ленточек» — и, наконец, такой подход нашли. Украина — это не что иное, как последняя генеральная репетиция такой революции, обкатка ее на стране со сходным менталитетом, культурой и цивилизационной идентичностью.

В сложившейся ситуации становится не совсем ясно, какое будущее ждет В. Януковича. Так, выступление В. Януковича перед журналистами 11 марта 2014 года и сделанный им ряд публичных заявлений произвели в целом неоднозначное впечатление. Вряд ли можно говорить о каком-либо резонансе — эффект от второго выступления Януковича был намного слабее, чем его первая пресс-конференция в Ростове-на-Дону. Это свидетельствует о том, что образ преследуемого главы своей страны, бежавшего в Россию от фашизма, начинает выдыхаться и скоро станет совсем неубедительным. Следовательно, надо многое успеть до того, как он окончательно выдохнется. Третий брифинг Януковича, если он будет проведен по ростовской схеме, с вероятностью в 100% превратится в посмешище.

В выступлении Януковича прозвучало несколько важных моментов, которые получили тем самым нормативное закрепление:

- команда Януковича, потерявшая власть в результате переворота, наконец, осознанно заявила о себе как о единственной легитимной власти на Украине, а Янукович заявил о себе как о законном действующем президенте, не сложившем своих полномочий, и как о верховном главнокомандующем, в прямом подчинении которого остается армия, МВД, СБУ;
- цветная революция названа антиконституционным вооруженным переворотом, а его организаторы и исполнители — мятежниками;
- борьбе с мятежниками придана форма борьбы с неонацизмом и неофашизмом;
- признано, что мятеж был поддержан, а возможно и инсценирован внешними силами, под которыми подразумеваются, прежде всего, США; Западу сделан упрек в поддержке неонацистов на Украине;

- Януковичем признана вина перед украинским народом «за то, что не смог сохранить стабильность».

Янукович, несмотря на все его недостатки, фигура, которой еще можно поиграть в российских интересах. Все-таки он — всенародно избранный президент Украины, единственно легитимный глава государства, вынужденный пребывать в изгнании в России, потому что в стране совершен фашистский переворот. Именно об этом он сегодня и заявил, подчеркнув свой официальный статус главы государства и верховного главнокомандующего.

Первый его статус — единственно законного главы Украины — не признается мятежниками, но сохраняет свое значение и вес в отношениях с иностранными государствами, прежде всего — странами ЕС. Для них он остается легитимным президентом, по меньшей мере до назначенной мятежниками даты выборов нового президента. Второй статус — главнокомандующего — ставит перед честными офицерами украинской армии и спецслужб непростой выбор: либо следовать присяге, подчиняясь приказам главнокомандующего, получившего эти полномочия из рук народа, либо переходить на сторону мятежников, фактически эту присягу нарушая. Многие из них, даже не симпатизируя Януковичу, все же пойдут выполнять именно его приказ — по крайней мере до момента новых выборов президента.

В моральном плане Янукович — фигура, вышедшая в расход: он полностью себя дискредитировал и как главу государства, и как личность своим бегством из страны, единственным мотивом которого было спасти свою шкуру. Причем победа мятежников во многом кроется именно в том, что власть фактически сдала им страну, малодушно отказавшись от сопротивления в том самый момент, когда Беркут еще вел уличные бои с боевиками. Тем самым Янукович

показал себя предателем народа, который сегодня пытается изображать из себя жертву обстоятельств. Если бы он был настоящим борцом, он не бежал бы в Россию, а переместился бы в Донецк или Крым и там продолжил борьбу с нацистами. Любая связь с такого рода фигурой должна быть кратковременной, поскольку Янукович уже окончательно состоявшийся политический труп, никакой властью он не обладает (его не поддерживает даже его родной донецкий клан), но своей скандальной репутацией вполне еще может замазать всех, кто с ним продолжает иметь дело. Полагаю, что после того, как Янукович выполнит возлагаемые на него задачи, необходимо будет аккуратно вывести эту фигуру из медиа-поля и дистанцироваться от нее.

В формально-юридическом плане в переговорах с США и ЕС Янукович будет сохранять за собой статус всенародно избранного главы государства — по крайней мере, до начала новой внеочередной избирательной кампании, инициированной нацистами.

И этот статус делает Януковича фигурой, интересной для проведения оперативной игры с США и ЕС, а также для воздействия на армию и силовые структуры Украины. Она может выстраиваться в нескольких направлениях:

- ▶ Янукович может выступить с воззванием к мировому сообществу (в ООН!) и к главам европейских государств с призывом сплотиться против фашизма и положить конец новому нацистскому мятежу. Этот призыв может содержать идею о созыве под эгидой СБ ООН международной мирной конференции (ялтинского аналога Женевы-2), которая вместе с волей украинского народа должна решить судьбу страны. В случае, если страны ЕС не откликнутся на эту инициативу, Янукович может попросить Россию о направлении на Украину миротворческого контингента для вос-

становления конституционного порядка на всей территории страны.

- ▶ Янукович может обратиться к военнослужащим Украины, честному офицерству, принимавшему присягу своему народу, а не правительству. Это обращение может носить характер не абстрактного призыва, а иметь форму приказа, который отдает действующий верховный главнокомандующий. Приказ должен вывести большую часть армии из подчинения мятежников и переподчинить их новому командованию, которое надо срочно сформировать в любом центре, противостоящем мятежникам: Донецке, Симферополе, Николаеве.
- ▶ Янукович должен предложить народу Украины программу выхода из кризиса, включающую в себя федерализацию Украины, предоставление ее регионам на выбор широкой автономии или права войти в состав России; объединение Украины и России в евразийскую конфедерацию на новой идеологической платформе. Этой платформой может быть идея о новой антинацистской коалиции — «третий (по историческому счету) фронт» мировой фашистской угрозе.
- ▶ Янукович должен временно оттянуть на себя негативную полемику Запада с российским руководством. Он может стать украинским аналогом Байдена, побив США их же картой.
- ▶ Наконец, после исполнения всех перечисленных выше задач Янукович обязан легитимно уйти со сцены, передав свои полномочия преемнику строго по действующей конституции и обеспечив запуск конституционной процедуры смены власти.

Разрешение кризиса на Украине возможно при соблюдении четырех основных условий.

Первое условие — невмешательство во внутренние дела Украины, России и славянского мира вооруженных сил стран Запада (США и их партнеров по НАТО) — в форме прямой военной интервенции по гренадскому или панамскому сценарию.

Второе условие — мирное урегулирование кризиса путем созыва мирной конференции (например, в Ялте), в которой должны принять участие все государства, обеспокоенные событиями на Украине, заинтересованные в скорейшем урегулировании кризиса мирным путем и видящие в этом единственную цель своей миротворческой миссии. Безусловно, в мирной конференции по Украине, созываемой под эгидой СБ ООН по примеру Женевы-2, должны принять участие не только Украина и Россия, но и западные страны — США, государства ЕС, а также новые мировые полюса, связанные с Россией различны-

ми форматами партнерских отношений: Китай, Бразилия, Индия.

Третье условие — это скорейшая федерализация Украины и превращение ее из унитарного государства в конституционную асимметричную федерацию, состоящую, как минимум, из четырех регионов — центрального округа во главе с Киевом, запада, востока, юга. Только этот шаг позволит избежать распада страны по образцу Югославии.

Четвертое условие — легитимная передача власти от Януковича любому из претендентов, который придет к власти законным путем, с помощью свободных и демократических выборов, являющихся единственным легитимным механизмом смены, обновления и воспроизводства государственной власти. Разумеется, таким кандидатом не может стать нацист или лицо, запятнавшее себя сотрудничеством с украинскими нацистами, устроившими вооруженный мятеж.

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА НА УКРАИНЕ, ПРОГНОЗЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ.

Бородинов Е. Н.

*Аспирант 1-го Института Государственной службы
и управления персоналом РАНХиГС.*

В статье рассматриваются основные факторы государственного переворота на Украине, который был поддержан так называемыми “демократическими” государствами, странами ЕС и США. А заявление США о том, что профашистские организации сыграли “конструктивную роль” в этой кровавой вакханалии, указывает заказчиков и спонсоров этой спецопераций.

Ключевые слова: международные отношения, политика, безопасность, Украина, цветная революция, государственный переворот, евромайдан, вооруженный мятеж, Россия, угрозы региональной стабильности, конфликт.

За более чем 20 лет независимости украинская власть не предприняла ни одной попытки для того, чтобы сформировать или хотя бы начать формировать единый украинский народ. За все это время противоречия между Западом и Востоком Украины росли. Они обусловлены несколькими факторами. **Первым** из них является социально-экономический фактор. Ни для кого не секрет, что Запад Украины обеспечивается за счет более развитого в промышленном плане Востока. В основном, юго-восточные регионы являются регионами-донорами запада страны, поскольку там находятся основные промышленные объекты. **Второй** причиной раскола является культурно-исторический фактор. Как известно, ранее западные области Украины были в составе Польши, а потом Австро-Венгрии, как, например, Львовская область. В результате сформировался совершенно иной менталитет. В то время как некоторые юго-восточные области в составе Украины стали относительно недавно¹.

Также нельзя забывать тот факт, что вся промышленность Юго-Востока ори-

ентирована и имеет непосредственные связи с промышленностью России. Это обусловлено тем, что промышленность Украины была создана во время СССР и была ориентирована на удовлетворение потребностей внутри СССР. За годы независимости Украина так и не смогла диверсифицироваться от тесных экономических связей и коопераций с РФ. На сегодняшний день основным партнером для Украины по экспорту и импорту является Российская Федерация, это соответственно 25,6% и 32,4%.²

Все вышеперечисленные факторы присутствовали на момент провозглашения государственной независимости Украины.

Некоторые из них со временем еще более усугубились. Так, например, одним из этих факторов стали противоречия внутри страны, усугубившиеся в результате государственной политики нацистроительства, или точнее ее отсутствия, а также ввиду политики конфронтации с РФ некоторых “оранжевых” лидеров. Другим важным фактором является экономическое положение. За 23 года независимости экономическое

положение страны ухудшилось и Запад еще больше стал отставать от Востока. В результате так называемых “газовых” войн в первую очередь страдало население Украины. Третьим немаловажным фактором, представляется усталость населения Востока от “революций”. Начиная с 1990-х годов, на Украине произошли две так называемые “революции”, основу которых составляли, как правило, выходцы с Западной Украины. Естественно, в этих условиях противоречия и недопонимание между Западом и Востоком только крепло, так как “неработающий” Запад Украины навязывал свои идеалы и ценности “работающему” Востоку и, по сути, малая часть народа Украины решала за всю страну, как жить и куда дальше двигаться.

Помимо вышеперечисленных факторов, которые повлияли на развитие напряженной ситуации на Украине, есть также ряд других, которые начали появляться сразу после развала СССР.

Во-первых, благодаря попустительству органов государственной безопасности были созданы тепличные условия для формирования и развития праворадикальных организаций на западе Украины. Начиная с 1990 года, праворадикалы только и делали, что готовились в нужный момент захватить власть. Так, в 1990 году была создана организация “УНА-УНСО”³, чьи боевики воевали в Карабахе, Приднестровье, Абхазии, Чечне, Косово и Южной Осетии⁴, где они получали боевой опыт, денежные средства и оружие. В 1993 году была создана организация “Тризуб”⁵, предшественник появившегося позже “Правого Сектора”. В 1999 году лидером данной организации стал Дмитрий Ярош⁶, лидер “Правого Сектора”. Ими были созданы устойчивые бандформирования по военному принципу и тренировочные лагеря на Западе Украины.

Во-вторых, одним из факторов усиливших раскол, стали заигрывания государства с праворадикальными орга-

низациями. Так, звание Герой Украины было присвоено Роману Шухевичу (командующему УПА)⁷, а также его сыну Юрию Шухевичу⁸, создателю и лидеру УНА-УНСО. Помимо этого, президент Украины Ющенко присвоил звание Героя Украины и Бандере. Правда, при Януковиче это награждение было отменено судом с формулировкой “не являлся гражданином Украины”⁹. Более того, на западе страны были установлены памятники Бандере и Шухевичу. В ряде городов Западной Украины были названы улицы в честь бойцов дивизии СС «Галичина». Ветераны этой дивизии, как и УПА во Львове, были приравнены к ветеранам ВОВ и стали получать дополнительные социальные надбавки¹⁰.

В-третьих, необходимо также отметить отсутствие сформированной, взвешенной и последовательной политики как внешней, так и внутренней. Во внешней и внутренней политике Украины можно выделить определенные циклы. К примеру, при Кравчуке вектор внутренней политики был смещен на Запад страны, так он поддержал создание Украинской Православной церкви Киевского Патриархата. Президентство Кучмы можно характеризовать смещением внутренней политики на восток, как раз при нем начался приход к власти Виктора Януковича, которого он сделал премьер-министром. Президентство Ющенко можно снова охарактеризовать перегибом в сторону западных областей Украины, началась реабилитация украинских пособников нацистских преступников и так далее, о чем упоминалось выше.

Президентство Януковича явилось попыткой “усидеть на двух стульях”, постоянным метанием между Россией и ЕС.

И, наконец, **в-четвертых**, тотальная коррупция и засилье олигархов также повлияли на политику. Так, коррупцией на Украине поражены все ветви и уровни власти. По сути, борьбу за власть на

Украине ведут не политики, а олигархи, которые контролирует и спонсирует политиков.

Во-первых, основным фактором, влияющим на ситуацию в стране в период президентства, является слабая экономика. В 2013 г. она доведена до преддефолтного состояния. В связи с намерением подписать соглашение об Ассоциации с ЕС Российская Федерация устроила краткосрочную “торговую войну”, что имело негативные последствия для украинского бизнеса.

Во-вторых, увеличилось количество олигархов во власти, в частности, так называемого “Донецкого клана”. Таким образом, Янукович не мог проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, так как он напрямую зависел от людей, которые привели его к власти. За период его правления данная зависимость только увеличилась. Власть олигархов и распространение “кумовства” на Украине привели к тому, что Янукович начал терять поддержку даже на традиционно лояльном ему востоке страны. Также были случаи, когда бизнесменов заставляли отдавать свой бизнес людям из окружения Януковича.

В-третьих, в стране процветала коррупция. На фоне ухудшающейся экономики страны личное положение президента и приближенных к нему людей только улучшалось, что естественно вызывало недовольство у основной массы граждан. Также следует сказать о неопределенности внешней политики Украины. Так, постоянные заигрывания с Россией и странами Запада негативно сказались на популярности Януковича на востоке страны, а поскольку на западе Украины он никогда и не имел поддержки, то можно констатировать, что накануне Евромайдана Янукович имел наиболее низкую электоральную поддержку за всё время. Помимо этого, невозможно не упомянуть уголовное дело против Ю. Тимошенко, которое на фоне падения благосостояния граждан, роста

коррупции и обогащения приближенных к президенту людей, сыграло отрицательную роль на популярности Януковича и явилось фактором объединения оппозиции.

Проанализировав факторы, которые обусловили разделение страны на Восток и Запад и спровоцировали появление Евромайдана, важно рассмотреть те ошибки, которые были допущены властью во время протестных настроений в столице.

Естественно, необходимо понимать, что все события, которые происходили на Украине и которые пытаются выдать за стихийные, в действительности таковыми не являются. Все было спланировано заранее, изначально сроки этой спецоперации скорее всего были иные, фактически она готовилась под выборы президента Украины, которые должны были состояться в 2015 году, это подтвердил и бывший глава СБУ¹¹ Якименко. В пользу данной версии свидетельствует длительность операции, которая продолжалась три месяца — рекордное для “цветных революций” время, которые, как правило, и не длятся больше месяца. В качестве катализатора проведения данной акции стал отказ правительства Украины от подписания Ассоциации с ЕС.

13 ноября 2013 г. бывший министр МВД Луценко обратился к лидерам оппозиционных парламентских фракций об организации массовых акций в случае отказа от подписания Соглашения об ассоциации с ЕС. 21 ноября состоялся митинг на Майдане численностью около 1000 человек, на котором выступили Кличко, Яценюк и Тягнибок, лидеры трех парламентских партий. 22 ноября акцию подхватил уже Львов.

Вот здесь и начали появляться первые ошибки Януковича в борьбе за власть. Первой из них стало его бездействие. Он не предпринял ничего, чтобы предупредить появление протестных настроений в столице. Разгон митинга произошел

только 30 ноября, когда он приобрел более массовый характер. Уже 1 декабря на Майдане начали появляться радикально настроенные организации, такие как “Правый сектор”. Начались захваты административных зданий, были заняты здания Киеврады, “Дома профсоюза”, была предпринята попытка штурма “Администрации Президента”. На следующий день протестующие сорвали работу кабинета министров. 21 декабря, выступая в Верховной Раде, Олег Тягнибок призвал всех “продолжить борьбу”. 4 декабря в столицу прилетел глава МИД Германии, который посещает лагерь протестующих и встречается с Кличко и Яценюком. Также в Киев прибыл Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Эштон, которая довела до Яценюка позицию ЕС по решению данного вопроса мирным путем. Утром “Беркут” попытался взять штурмом здания киевской мэрии, но в результате активного противостояния был вынужден отступить. После этого участники Евромайдана восстановили и укрепили баррикады, а президент Украины Янукович пригласил оппозицию на переговоры.

Но нельзя не отметить и ошибки, допущенные им.

Во-первых, протестующие не были отрезаны от подкреплений, в результате чего на площади стали появляться подготовленные и хорошо оснащенные боевики из числа праворадикальных организаций.

Во-вторых, в данной ситуации он не сделал ничего для того, чтобы “обезглавить” протестные настроения, а дал возможность лидерам оппозиции призывать народ к продолжению борьбы.

В-третьих, допустил появление в лагере протестующих министра иностранных дел Германии Гидо Вестервелле, его встречу с лидерами протестного движения. Таким образом, была представлена возможность выразить поддержку протестующим и лидерам протестующих.

Им дали понять, что Европа санкционирует любые их действия, что в конечном итоге развязало им руки.

В-четвертых, садиться за стол переговоров в данных условиях было ошибкой, тем самым Янукович показал, что он боится использовать силовой вариант решения проблемы.

В январе ситуация на Украине продолжала ухудшаться. 12 января состоялось так называемое “Народное вече”, в котором приняли участие от 50 до 200 тысяч человек.

В этой сложной ситуации Верховная рада приняла ряд поправок к законам, которые лидеры оппозиции и некоторые СМИ назвали “диктаторскими”, хотя они не являлись таковыми на самом деле. В результате 19 января в Киеве на Народное Вече уже собралось от 100 до 500 тысяч протестующих, тогда же начались столкновения с правоохранительными органами. 22 января на улице Грушевского снова вспыхнули противостояния. По официальным данным, в этот день погибли трое протестующих.

Тогда же начались захваты районных администраций в регионах. Под давлением протестных настроений Янукович снова сел за стол переговоров с оппозицией. Были достигнуты договоренности о перемирии, об амнистии. Можно отметить следующие ошибки, допущенные президентом Украины:

Во-первых, несмотря на то, что лидеры оппозиции призывали людей к борьбе против законной власти, не выполняли условий соглашений, не контролировали ситуацию на Майдане, Янукович, однако, сел за стол переговоров с ними. Это подрывало его авторитет среди силовиков, снижало его поддержку на юго-востоке страны, а также стало знаком для протестующих, что им можно делать все что угодно.

Во-вторых, одной из ошибок Януковича стала его боязнь применить силу. В итоге этих полумер протестное настроение еще больше радикализирова-

лось, а отсутствие политической воли у Януковича еще больше усугубляло ситуацию.

Так как за 2 месяца лидеры протестных движений и их спонсоры не смогли достигнуть основной цели, операция по проведению государственного переворота перешла в ключевую фазу. Фазу, когда проливается кровь “невинных и мирных” протестующих с целью того, чтобы радикализировать протест, консолидировать людей и оправдать любые шаги против действующей власти.

В феврале Кличко и Яценюк приняли участие в Мюнхенской конференции, где в очередной раз заручились поддержкой стран ЕС и США.

Все это время сторонники протестующих могли беспрепятственно снабжать лагерь мятежников всеми необходимыми вещами, подтягивать подкрепления из регионов, координировать свои действия как в столице, так и в регионах, что в итоге привело к масштабной акции по захвату власти, которая охватила всю страну. 18 февраля начались очередные столкновения между протестующими и полицией. В результате события вышли из-под контроля правоохранительных органов. Появились снайперские группы, которые стреляли как по правоохранителям, так и по протестующим. Также появились провокаторы, переодетые в сотрудников “Беркута”, которые вели огонь по протестующим из стрелкового автоматического оружия, в то время как силовики не имели оружия.

В это время на западе Украины начались масштабные захваты органов государственной власти: городских и областных администраций, зданий полиции и СБУ. Радикалы захватили армейские склады с вооружением. В результате чего около 1500 тысяч армейского стрелкового оружия оказалось у праворадикальных групп¹².

В этой ситуации был издан приказ о выдаче сотрудникам правоохранительных органов оружия, однако столица не

была блокирована. На Майдан продолжали подтягиваться подкрепления, исправно функционировала связь, интернет, подвозилось снабжение. Оппозиция при посредничестве глав МИД Польши, Германии и Франции снова призвала сесть Януковича за стол переговоров, в результате чего были подписаны соглашения от 21 февраля, которые предполагали решение данного политического кризиса мирным путем.

22 февраля из города были выведены ВВ, силы МВД и “Беркут”, а Янукович бежал из столицы и фактически потерял контроль над страной.

Ошибки, допущенные Януковичем и приведшие к трагедии, очевидны.

1. В течение 3 месяцев президент Украины показывал нерешительность в подавлении протестных настроений на Украине. В результате из немногочисленных и относительно мирных они переросли в масштабные, неконтролируемые. Боевики были хорошо обучены и оснащены. Также им удалось захватить армейские склады и получить вооружение.

В результате своей нерешительности Янукович потерял сторонников не только среди силовиков и губернаторов на востоке Украины, но и среди простого населения.

2. Свободный доступ на Майдан и в Киев. Янукович позволил спокойно стягивать подкрепление вооруженных радикалов в столицу, в лагерь протестующих свозились необходимые ресурсы: снаряжение, еда, дрова и так далее.

3. Возможность лидерам протестных настроений вести антигосударственную деятельность. Лидеры оппозиции и праворадикалов не были отрезаны от протестующих, продолжали свою антигосударственную деятельность, хотя их следовало арестовать или по крайней мере изолировать от протестующих, чтобы обезглавить протест.

4. Возможность протестующими пользоваться средствами коммуникации. Они активно использовали современ-

ные средства коммуникации: интернет (социальные группы спокойно работали и не были заблокированы), мобильный интернет (для координации действий использовали программы Zello-рация), сотовые телефоны, рации.

В результате они могли организовать снабжение всем необходимым лагерь протестующих на Майдане, планировать и организовать акции и диверсии, вербовать сторонников и так далее.

5. Вывод силовиков из Киева. После подписания соглашения Янукович фактически “сдал” столицу, выведя правоохранительные органы из Киева. Таким образом, выполнение соглашения не было ничем гарантировано и зиждилось исключительно на доверии, а учитывая, что лидеры оппозиции неоднократно нарушали условия перемирий, это было недальновидно.

6. Отсутствие контроля над ситуацией лидерами оппозиционных парламентских фракций. Ни один из лидеров парламентских фракций не мог контролировать или влиять на ситуацию на Майдане. Майдан контролировали лидеры праворадикальных организаций, которые обеспечили захват власти в Киеве. Участники данных организаций не подчинялись никому кроме своих лидеров, а их лидеры не собирались ни с кем договариваться и идти на компромиссы. В этой связи договариваться с лидерами парламентских оппозиционных партий не имело никакого смысла.

7. Боязнь Януковича за свое будущее, за будущее своих счетов и счетов своего близкого окружения, которые находились в иностранных банках, не позволили ему применить силу. Слепая вера в гарантии от европейских глав МИД стоила ему страны.

Говоря о тех событиях и процессах, которые происходят на Украине, можно сделать выводы о том, что Украина фактически потеряла территориальную целостность. Крым де-факто и де-юре уже независимый регион от Киева. На рефе-

рендуме 16 марта, он провозгласил себя в качестве субъекта Российской Федерации. Подошли к этому рубежу и регионы Юго-Востока Украины.

В этой ситуации, очевидно, неизбежно свержение новой власти в лице премьер-министра Яценюка и его кабинета министров, а также президента Турчинова. Тенденций к улучшению экономического положения в стране нет: Украина собирается принять условия МВФ; Газпром объявил о решении поднять цены на газ; решение новой власти подписать соглашение об Ассоциации с ЕС. Все эти шаги только ухудшат и без того тяжелое финансовое положение страны, что, безусловно, настроит народ против нового правительства и те же люди, которые вчера приводили его к власти, сами же и свергнут его, так как оно не представляют интересы людей, которые стояли на Майдане: это правительство состоит из таких же коррумпированных чиновников, как и их предшественники.

Единственным вариантом для урегулирования ситуации в стране представляется следующее:

1. Выполнение соглашений от 21 февраля 2014 года.

2. Уход в отставку и.о Президента, премьер-министра и кабинета министров. Отказ от власти людей, которые её захватили в результате государственного переворота.

3. Разоружение праворадикальных организаций и арест их лидеров. Для того, чтобы избежать эскалации насилия, необходимо срочно арестовать лидеров праворадикальных организаций, а их боевиков разоружить, так как они представляют угрозу стабильности на Украине.

Ухудшение социально-экономического положения граждан может привести к новому государственному перевороту, что вызовет дальнейшую дестабилизацию обстановки в стране. Для решения проблемы нужен конструктивный диалог всех заинтересованных сторон.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 (приазовская часть Области Войска Донского, центр современного Станично-Луганского района Луганской области),1925: Путивльский уезд (без Крупецкой волости), Креничанская волость Грайворонского уезда и две неполные волости Грайворонского и Белгородского уездов Курской губернии ,1926: Семёновская волость Новозыбковского уезда Гомельской губернии, Троицкая волость Валуйского уезда Воронежской губернии, часть Донецкого округа Северо-Кавказского края (восток современного Станично-Луганского района Луганской области),1954:Крымская область)
Задорожнюк Э. Г. Украина как «ось консолидации» в 1990-х годах // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе : сборник. — Москва, 2004.
- 2 <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/up.html>
- 3 <http://una-unso.in.ua/about/>
- 4 Там же.
- 5 <http://politbyro.in.ua/part/746-trizub-imeni-stepana-bandery-patrioty-terroristy.html>
- 6 Там же.
- 7 УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ № 965/2007 “О присвоении Р.Шухевичу звания Герой Украины” от 12 октября 2007 года
- 8 УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ № 703/2006 О присвоении Ю.Шухевичу звания Герой Украины от 19 августа 2006 года.
- 9 Донецкий суд отменил указ Ющенко о присвоении Бандере звания Героя. УНИАН от 02.04.2010.
- 10 Во Львове у ветеранов дивизии СС «Галичина» льготы стали больше, чем у воинов Советской армии. Эксперты говорят — это повредит имиджу Украины. УНИАН от 17.04.2013.
- 11 Экс-глава СБУ: к власти на Украине приходят люди, которых назначают не на майдане, а в США.ИТАР ТАСС от 13.03.2014
- 12 Радикалы на Украине получили доступ к 1,5 тыс единиц оружия. РИА Новости от 19.02.2014

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

РОССИЯ — БРАЗИЛИЯ: БОГАТЫЕ ТРАДИЦИИ, ХОРОШЕЕ НАСТОЯЩЕЕ И ПЕРСПЕКТИВНОЕ БУДУЩЕЕ

Сизоненко А. И.

Доктор исторических наук.

Ведущий научный сотрудник

Института Латинской Америки РАН.

Статья посвящена истокам, традициям и современному состоянию отношений России с крупнейшим государством Южной Америки — Бразилией. Подчеркивается стремление обеих сторон к сотрудничеству, расширению связей во всех областях. Особое внимание уделяется встречам и переговорам лидеров двух стран в последние два года, проходившим в обстановке взаимопонимания и близости интересов РФ и Бразилии.

The article is dedicated to traditions and the contemporary position of Russian — Brazilian relations. The most attention is paid for meetings of leaders of both countries during the last two years.

Ключевые слова: Россия, Бразилия, традиции, истоки, сотрудничество, современный этап отношений.

В последние годы название «Бразилия» все чаще и чаще на слуху в России. Эту далекую и во многом еще экзотичную страну Южной Америки посещали наши руководители В. В. Путин и Д. А. Медведев, а в Москву приезжали бразильские президенты Игнасио да Силва Лула и Зелма Роусефф. Бразилия стала главным торговым партнером России в этой части света, между ними активно развивается научно-техническое сотрудничество, в том числе за счет появления в нем новых форм, крепнут культурные и научные связи.

Однако уровень российско-бразильского сотрудничества не ограничивается только двусторонними контактами, обе страны тесно взаимодействуют в БРИКС, тем самым выходя на новые горизонты международных отношений. Значимость всего этого сотрудничества тем более повышается, если иметь в виду тот факт, что Бразилия входит в список семи наиболее развитых экономик мира (Россия в него пока не входит).

Особенно важно отметить, что характеру сотрудничества России и Бразилии присущи дух взаимопонимания, желания двигаться дальше и выходить на новые рубежи деловых контактов, опирающиеся на прагматизм и соответствие своим национальным интересам. Если обозреть феномен российско-бразильских отношений, то нельзя не напомнить и об их истоках и интересных традициях, берущих начало еще в XV111 в. и далеко не всегда известных у нас. Любопытно, что еще во времена Петра I со стороны группы иностранных купцов в адрес царя поступали предложения взять во владение, а по сути дела просто захватить, часть «бесхозной» бразильской территории, тогда португальской колонии. Такие предложения поступали со стороны иностранных коммерсантов и после смерти Петра I. Явно отдававшие авантюризмом все эти предложения российской стороной были отвергнуты. В связи с этим подчеркнем, что как в данном случае, так и других Россия не

только отказалась от захвата каких-либо колониальных владений в Латинской Америке, но и никогда их там и не имела, в отличие от целого ряда европейских держав.

Что же касается первых двусторонних чисто «человеческих» контактов, то они состоялись во второй половине XXIII в., когда в Бразилии побывали русские моряки, проходившие практику на английских судах. Россия проявляла интерес к этой далекой стране, к ее, как тогда говорили, «колониальным» товарам. А в Бразилии, несмотря на тысячи миль, отделявших эту страну от России, с чувствами симпатии и поддержки следили за борьбой русского народа против нашествия Наполеона. Там, в Бразилии, не забывали, что в 1807 г. адмирал Д.Сенявин, командовавший русской эскадрой, стоявшей в порту Лиссабона, несмотря на давление Наполеона и англичан, выпустил в Атлантике почти весь португальский флот, который ушел в Бразилию.

В 1828 г. Бразилия стала первым из получивших независимость стран Латинской Америки, которую признала Россия и установила с ней дипломатические отношения. В те же 20-е годы серьезный вклад в изучение Бразилии внес русский ботаник и этнограф Г. Лангсдорф.

Потом уже не раз и не два Бразилию посещали русские мореплаватели, оставившие об этом интересные записки и воспоминания. А в 1867 г. Россию посетил бразильский император Педру II. Формат этого посещения был необычным: бразильский правитель путешествовал по Европе в неформальном порядке, как турист. После Петербурга и Киева Педру II посетил Ливадию, где его тепло приняла отдыхавшая там царская фамилия.

В начале XX в. контакты двух стран поднялись на более высокий уровень: Бразилия в числе других латиноамериканских стран приняла участие во 2-ой конференции мира в Гааге, одним из

инициаторов которой была Россия. Со второй половины XIX в. в Россию пошли продукты бразильского экспорта: кофе, сахар, пряности. Тогда же зародились и культурные связи: одними из первых здесь стали гастроли в Бразилии в 80-е гг. знаменитого в то время русского певца-тенора Николая Фигнера. В Бразилии стали известными имена и произведения Л.Толстого, Ф.Достоевского, М.Горького.

В те же времена в Бразилию переселились из России тысячи россиян, внесших существенный вклад в развитие сельского хозяйства этой страны. Напомним, что во время Первой мировой войны Бразилия и Россия выступали вместе в рядах Антанты.

Таким образом, более чем очевидно, что на основе приведенных фактов (а их список можно расширить) в российско-бразильских отношениях накопился определенный опыт еще до Первой мировой войны сложились положительные традиции, крепи дружеские связи народов обеих стран. Это, в свою очередь, подчеркивало, что обе страны стремятся к развитию контактов, хотят расширить их круг.

К сожалению, после Октября 1917 г. дипотношения между обеими странами были прерваны на два с лишним десятилетия. Однако несмотря на это, контакты продолжались через советское акционерное общество «Южамторг» (его главная контора находилась в Буэнос-Айресе), шла небольшая торговля, в культурно-научном плане наиболее заметное место заняла поездка по Бразилии в начале 1933 г. знаменитого советского ботаника-генетика академика Н. И.Вавилова. И совсем у нас малоизвестно, что второй знаменитый беспосадочный перелет в США в 1937 г. советских летчиков под командой М.Громова мог бы состояться вовсе не в США, а в Бразилию. Так его намечал Громов, но тогдашние бразильские власти, явно встревоженные народным восстанием в

стране в 1935 г., не дали разрешения на этот перелет.

Когда фашистская Германия напала на Советский Союз, широкие народные массы и прогрессивные организации в Бразилии выступили в поддержку СССР. Вскоре войну Германии объявила и Бразилия, вступив в вооруженную борьбу против держав «оси» и отправив в 1943 г. в Африку бразильский экспедиционный корпус, перенесший затем свои боевые действия на территорию Италии и оплатив победу тысячами погибших солдат этого корпуса¹.

Став союзником СССР в годы войны, Бразилия предложила ему восстановить дипотношения, что и было сделано 2 апреля 1945 г. К сожалению, в разгар «холодной войны» в 1947 г. они вновь были прерваны и только в 1961 г. были окончательно восстановлены. Приятно отметить, что важную роль в том событии сыграл наш первый космонавт Ю.Гагарин, побывавший в стране в 1961 г., где вручил Президенту страны Послание Верховного Совета СССР.

С тех пор отношения наших стран не прерывались. Этот пространный экскурс в историю мы предприняли не только ради знакомства с тем периодом. На наш взгляд, сейчас, когда мы говорим об устранении идеологических барьеров, очень важно подчеркнуть, что наши нынешние отношения значительно быстрее и активнее развиваются во многом и в силу тех добрых традиций, которые лежали и лежат в основе отношений России с той же Бразилией. Но не нужно думать, что все активизировалось только в связи с исчезновением идеологических препонов. За те 30 лет, что оставались с 1961 г. до распада СССР, они вместили в себя достаточно емкий комплекс межгосударственных связей, естественно ограничивавшихся пределами характером времен 60-90-х гг., сотрудничество в ООН и других международных организациях, оживилась торговля: в Советский Союз стали поступать бразильские

кофе и сахар, с большим успехом прошла советская национальная выставка в Рио-де-Жанейро. Довольно быстро развивались спортивные контакты, несколько раз встречались сборные двух стран по футболу, в Бразилию приглашались прославленные советские спортсмены — вратарь Л.Яшин и гребец В.Иванов.

В целом итоги развития советско-бразильских отношений к концу 1991 г. можно расценить как положительные, исходившие как из тогдашних потребностей, так и их реальных возможностей. В результате обе стороны сумели сохранить положительный настрой на их дальнейшее развитие. Это стремление в целом успешно разворачивается в наши дни, когда и Россия и Бразилия, вступив в новый этап своего развития, опираясь на прагматизм и свои национальные интересы, на доброжелательную в их отношениях атмосферу, демонстрируют, что можно добиться в таких условиях.

Изменения в отношениях России и Бразилии начали происходить после визита в Бразилию в 1997 г. Е.М.Примакова, позже они пошли по самым разным направлениям, обогащаясь новыми формами (встречи и переговоры на высшем уровне), быстрым ростом товарооборота и его диверсификацией, постепенным приближением к сотрудничеству в будущем БРИКС и др. Особо следует сказать и о помощи России в подготовке для Бразилии молодых кадров специалистов. Так, только главный центр такой подготовки — Университет дружбы народов (Москва) в 1966-2008 гг. окончили 186 молодых бразильцев, что составило 3,8% всего количества выпускников РУДН из Латинской Америки. Подготовка специалистов для Бразилии продолжается в России и в настоящее время. Ход и результаты того процесса до начала второго десятилетия нашего XXI в. уже не раз освещались в российских публикациях по международной тематике, в том числе и на страницах нашего журнала. Особую роль в отношениях двух

стран сыграли официальные визиты в Бразилию российских руководителей. Поэтому целесообразно основное внимание в данной статье сосредоточить на тех важнейших событиях, которые в них произошли совсем недавно — в 2012–2013 гг., что пока еще не нашло своего цельного освещения в нашей печати.

В этот период наиболее заметным событием стали встречи на высшем уровне: в декабре 2012 г. в Москве президента РФ В. В. Путина с Президентом Бразилии Зелмой Роусефф и в феврале 2013 г. официальный визит в Бразилию Председателя Правительства РФ Д. А. Медведева. Для главы бразильского государства этот визит стал ее первым официальным визитом в Россию. Состоявшиеся в Кремле переговоры наглядно отразили линию двух стран — как стратегических партнеров в ООН и БРИКС. Обе стороны вновь сошлись на том, что по главным международным проблемам подходы России и Бразилии во многом совпадают.

Это нашло свое отражение в подписанном главами государств документе «Дальнейшие шаги по выполнению Плана действий стратегического партнерства между РФ и Федеративной республикой Бразилия». Это основополагающий документ в отношениях двух стран на предстоящие годы.

Вместе с тем в Москве в присутствии президентов была подписана и серия других документов². Это является подтверждением общей динамики делового сотрудничества двух стран. Бразильский рынок осваивают российские металлургические компании, в частности «Мечел», «Северсталь», «КАМАЗ», совместно с компанией «Маркополо» производит в Нефтекамске (Башкортостан) бразильские автобусы (мощность 6 тыс. автобусов в год). Начинает развиваться сотрудничество в авиационной отрасли. Российская корпорация ОАО «Ависма» обеспечивает бразильской авиационной компании, «Эмбраер» потреб-

ность в титановых полуфабрикатах, «ОАО «Вертолеты России» поставляет в Бразилию вертолеты МИ-171.А для проведения геологоразведочных работ в бассейне Амазонки. Прорабатываются проекты поставок бразильской стороне российского гражданского самолета МС-21 и авиа-амфибии БЕ-200.

Особое внимание уделяется нефтегазовой отрасли, энергетике. Российская сторона подписывает соглашение о приобретении своей доли в проектах по добыче нефти и газа в разных частях Бразилии.

Продолжая традиционную линию на сотрудничество в энергетике, «Энергомашэкспорт» и ОАО «Силовые машины» поставляют пять турбин для различных бразильских ГЭС.

В ходе переговоров Путин-Роусефф были также обсуждены вопросы дальнейшего роста торгово-экономических связей. В 2011 г. товарооборот по сравнению с 2010 г. увеличился на 10%, его объем составил 6,5 млрд. долл. В этом плане Бразилия значительно опережает других партнеров России и Латинской Америки — Мексику, Аргентину и Эквадор.

Растет и российский экспорт в Бразилию: в 2011 г. он составил 1,9 млрд. долл. Обе стороны уверены, что есть все возможности довести товарооборот в ближайшие годы до 10 млрд. долл. В качестве одного из оснований для такого утверждения может служить и факт подписания в феврале 2013 г. соглашения о поставках в Бразилию российской пшеницы. Обе стороны выступили как за расширение номенклатуры торговли, так и за увеличение инвестиций не только в бразильские промышленность и энергетику, но и в ее оборонную сферу. Последнее ранее вообще отсутствовало.

Непосредственно сами главы государств подписали документ о развитии стратегического партнерства.

В связи с тем, что Россия и Бразилия — хозяйева Олимпиады в Сочи и чемпионата мира по футболу в 2014 г. в Бра-

зилии стороны подписали соответствующий меморандум о взаимодействии в ходе их подготовки.

Список подписанных в Кремле документов вновь подтвердил насколько далеко продвинулись обе страны в развитии двусторонних связей и открывает широкие перспективы для будущего сотрудничества.

На данный момент основное содержание российско-бразильских отношений — это их торгово-экономическая составляющая. Какова она на современном этапе? Бразилия — один из ведущих поставщиков на российский рынок сельскохозяйственной продукции и товаров широкого потребления (80% импортируемого Россией сахара-сырца, 41% — говядины, 26% — кофе, 23% — свинины (по данным ИТАР-ТАСС, 14 декабря 2012 г.)). Главными статьями российских закупок в Бразилии являются сахар и мясо (в 2011 г. закуплено более 2 млн. т сахара). О значении для России поставок бразильского сахара говорит такой факт: при общей ежегодной потребности в сахаре в России в среднем 3-3,5 млн. т, то есть более 40% этой потребности в таком продукте покрывает Бразилия.

И все же было бы ошибочным полагать, что дальнейшее развитие деловых связей двух стран — это гладкая и прямая дорога, их номенклатура пока остается довольно узкой: мясо, сахар, кофе со стороны Бразилии, а российский экспорт в Бразилию в основном ограничивается сельскохозяйственными удобрениями. Впрочем, проблемы могут вызываться и другими мотивами: достаточно мощным развитием самой Бразилии, которая нередко способна сама производить товары, которые она раньше закупала за рубежом.

На объем российско-бразильской торговли могут влиять и такие факторы как случаи несоответствия санитарным нормам поставляемого из Бразилии мяса, что периодически уже встречалось в практике торговли.

Очередной поступательный шаг вперед в развитии российско-бразильских отношений был сделан в феврале 2013 г. года в результате визита в Бразилию российского премьера Д.Медведева. Сама по себе форма этого визита была не менее примечательной: Медведев возглавлял делегацию РФ на заседании двусторонней комиссии высокого уровня по сотрудничеству. В ходе встречи глава делегации РФ встречался как с президентом Бразилии Д.Роуссефф, так и вице-президентом страны И.Тимеру.

Следует прежде всего отметить саму атмосферу состоявшихся переговоров, отличавшуюся доброжелательством, стремлением к взаимопониманию, настроением обеих сторон на перспективность их отношений. В ходе состоявшихся переговоров был обсужден широкий круг вопросов. Особо заметное место в них заняли проблемы военно-технического сотрудничества в области ПВО. В ходе обсуждения этой проблемы выяснилось, что Бразилия заинтересована в приобретении 3-х батарей зенитно-пушечного комплекса «Панцирь» и 2-х батарей «ИГЛА». В результате был подписан контракт на поставку в Бразилию из РФ современных систем ПВО на сумму в 1 млрд. долл., их сборку будут осуществлять на месте, в Бразилии, поэтому будет заключено соглашение о передаче соответствующей российской технологии («Независимая газета», 22.П.2013 г.). В ходе переговоров были также подписаны меморандумы о взаимопонимании и сотрудничестве в области образовательных программ. Выявились, что есть проекты дальнейшего сотрудничества в электро-, атомной и гидроэнергетике, нефтегазовой промышленности, в агропромышленном секторе. Реализация этих проектов поможет вывести и само сотрудничество и его содержание за рамки нынешнего в целом сырьевого содержания.

В этом же направлении должен действовать подписанный сторонами доку-

мент о сотрудничестве в сфере малого и среднего предпринимательства, открывающий более широкие горизонты для этих целей.

Интересен вопрос сотрудничества в области авиации. Пока не решен вопрос, в решении которого заинтересована РФ, о продаже Бразилии российских истребителей СУ-35. Бразилия, в свою очередь, предлагает поставить России к 2020 г. 150 пассажирских самолетов «ЕМБРАЕР». К 2013 г. Бразилия изготовила 800 самолетов этой марки. Данный вопрос достаточно сложный, поскольку Россия сама начинает производить самолеты такого типа — «СУПЕР ДЖЕТ 100» и естественно заинтересована в их выходе на мировой рынок.

В ходе этого визита обсуждались также вопросы российско-бразильского со-

трудничества в космической области, в частности, по программе «ГЛАНАС».

Таким образом, подводя итоги как последним двум встречам российских и бразильских лидеров, а также в целом отношениям двух стран на сегодняшний день, можно с удовлетворением констатировать, к каким плодотворным результатам может привести взаимодействие двух государств при наличии с их стороны доброй воли, учета взаимных интересов и отсутствия каких-либо идеологических препон. При опоре на дружеские связи их народов можно вполне полагать, что на этом пути стратегических союзников — Россию и Бразилию могут ждать только позитивные результаты, в полной мере отвечающие их национальным интересам.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 В связи с этим невольно возникает вопрос, почему до сих пор ветераны этого корпуса не отмечены российскими наградами и почему бы группу из его состава не пригласить в Москву на День Победы 9 мая? В Бразилии и память о солдатах этого корпуса запечатлена в монументальных памятниках в Рио-де-Жанейро.
- 2 Межправительственное соглашение о военном сотрудничестве, Контракт об основных условиях постановки российских вертолетов КА-62 бразильским партнерам; Меморандум о взаимопонимании между Минэкономразвития РФ и тремя бразильскими министерствами — МИД, Науки, технологий и инноваций, а также развития промышленности и внешней торговли;

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ — ОСЬ СОТРУДНИЧЕСТВА И СОПЕРНИЧЕСТВА В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Чарковска Э.

Кандидат политических наук, международник, адъюнкт Института политических наук Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша).

Потенциал сотрудничества в отношениях между великими державами (особенно имеющими общую границу) существенно меньше потенциала соперничества в силу существования объективных противоречий между ними. Имманентной чертой внешней политики великих держав является стремление к укреплению своего влияния в мире, в связи с чем они уделяют особое внимание регионам, важным для реализации их стратегических интересов.

В данном исследовании предпринята попытка представить существенную как для расстановки сил в регионе Центральной Азии, так и состояния российско-китайских отношений проблему сотрудничества и соперничества Москвы и Пекина. В настоящее время РФ и КНР демонстрируют в своих отношениях «стратегическое партнерство», но потенциальные и реальные элементы напряженности не исчезли и вероятность появления противоречий между ними прямо пропорциональна процессу ослабления роли России в регионе и постоянно усиливающейся позиции Китая в Центральной Азии.

Российско-китайское сотрудничество и соперничество существует в нескольких сферах — безопасности, экономической, политической, социально-культурной. Во всех этих областях Москву и Пекин объединяют прочные связи с регионом, как в двусторонних, так и многосторонних измерениях. Россия и Китай уделяют особое внимание безопасности и экономическому и энергетическому сотрудничеству. В статье проанализирована модель кооперации и соперничества в российско-китайских отношениях в регионе прежде всего в этих двух плоскостях.

Ключевые слова: Китай; Россия; внешняя политика; Центральная Азия, сотрудничество; соперничество; национальная и международная безопасность; экономическое и энергетическое сотрудничество.

CENTRAL ASIA — AXIS OF COOPERATION AND COMPETITION IN SINO-RUSSIAN RELATIONS

SUMMARY

The potential of cooperative relationships between great powers (especially those that combines common border), is more limited than competitive potential. There is, in fact, objective conflict of interest between the powers. Inherent feature of great power status of foreign policy is to strive to strengthen their influence in the world. Special attention they devote to the regions important from the point of view of the implementation of their strategic interests

In this article, is shown an attempt to scratch significant line up of power in Central Asia region, but also for the shape for the Chinese-Russian relations, the issue of cooperation and competition of Moscow and Beijing. At the moment these two superpowers expose in their relations "strategic partnership," however the potential and real elements of tension did not disappear and the probability of the emergence of conflict becomes directly proportional to the process of weakening the role of Russia in the region and constantly growing position of China in Central Asia.

Russian-Chinese cooperation and competition in Central Asia is held in several major areas — such as security, economic, political, cultural and social. In all these areas, Moscow and Beijing are strongly combined with the region in terms of both bilateral and multilateral level. Russia and China dedicate their particular attention to the safety and economic and energy cooperation. The article analyzes the cooperative- rivalry model of Russian-Chinese relations in the region on the basis of these factors.

Key words: China, Russia, foreign policy, Central Asia, cooperation; competition; national and international security; economic and energy cooperation.

Сотрудничество великих держав, как и их соперничество, — одна из ключевых проблем современной науки о международных отношениях. Поэтому отношения

между ведущими игроками на мировой сцене представляют собой особую задачу для практиков и теоретиков международных отношений. Потенциал сотруд-

ничества в отношениях между великими державами (особенно имеющими общую границу) существенно меньше потенциала соперничества в силу существования объективных противоречий между ними. Имманентной чертой внешней политики великих держав является стремление к укреплению своего влияния в мире, в связи с чем они уделяют особое внимание регионам, важным для реализации их стратегических интересов (определяемых в концепциях и доктринах как сферы жизненных интересов). В числе регионов, привлекающих сегодня внимание великих держав, находится и Центральная Азия.

В данном исследовании предпринята попытка представить существенную как для расстановки сил в регионе Центральной Азии, так и состояния российско-китайских отношений проблему сотрудничества и соперничества Москвы и Пекина. В настоящее время РФ и КНР демонстрируют в своих отношениях «стратегическое партнерство»¹, но потенциальные и реальные элементы напряженности не исчезли и вероятность появления противоречий между ними прямо пропорциональна процессу ослабления роли России в регионе и постоянно усиливающейся позиции Китая в Центральной Азии.

Наблюдение за современным состоянием модели взаимодействия–соперничества в отношениях между Россией и Китаем в Центральной Азии дает основание для утверждения, что все еще не пришло время для ответа на вопрос, удастся ли великим державам договориться о совместном контроле над этим регионом, или же Центральная Азия станет полем их взаимной конфронтации². Возможности развития партнерских отношений в регионе будут зависеть не только от положения дел в Центральной Азии, но и от будущего российско-китайского партнерства вне региона. Несомненно, Китай представляет для России серьезнейший долгосрочный вызов в контексте Центральной Азии, впрочем,

как и Россия для Китая. Оба государства являются партнерами в деятельности по ограничению влияния США в регионе и в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, но при этом они серьезные конкуренты в вопросах экономического влияния.

У России и Китая различное наследие в истории их отношений с Центральной Азией, на котором они могут строить свою политику в регионе. Специфический эмоциональный груз прошлого опыта, характерный для близких соседей, создает тот особый климат, который ставит обе державы перед все новыми вызовами. В российском взгляде на регион дает о себе знать имманентное стремление руководствоваться традиционной логикой исключительной сферы влияния, что политические элиты Центральной Азии воспринимают как угрозу своей двадцатилетней независимости. В свою очередь Китай опирается в своей центральноазиатской политике на противоположную российской модель партнерских отношений, стремясь сформировать в регионе положительный образ своего государства как серьезного и миролюбивого партнера.

Российско-китайское сотрудничество и соперничество существует в нескольких сферах — безопасности, экономической, политической, социально-культурной. Во всех этих областях Москву и Пекин объединяют прочные связи с регионом как в двусторонних, так и многосторонних измерениях. Россия и Китай уделяют особое внимание безопасности (в его различных ипостасях) и экономическому сотрудничеству (особенно в энергетике). Анализ модели кооперация-соперничество в российско-китайских отношениях в регионе следует вести прежде всего в этих двух плоскостях. Важно подчеркнуть, что на данном этапе оба государства не конкурируют в этих сферах друг с другом открыто, они скорее пытаются создать видимость взаимной конвергенции собственных интересов в Центральной Азии.

СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Общность интересов в сфере безопасности между Москвой и Пекином в Центральноазиатском регионе послужила основой для российско-китайской кооперации. Россия и Китай имеют схожие геополитические и геостратегические цели в Центральной Азии. К важнейшим из них относятся гарантирование безопасности и стабильности собственных границ с государствами Центральной Азии и всего региона³; борьба с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом («*three evils*»), особенно в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества⁴; противодействие активности и долговременному присутствию США в регионе; ограничение транзитной функции Центральной Азии в наркоторговле из соседнего Афганистана⁵. Этот общий знаменатель в сфере безопасности касается вопросов фундаментальной значимости не только для региональной политики России и Китая, но также сути их глобальной кооперации. Особую роль в российско-китайском сближении сыграл американский фактор, а также борьба с «тремя силами зла». Поэтому следует внимательнее присмотреться к этим двум направлениям сотрудничества.

Американский фактор играет особую роль в процессе формирования российско-китайских отношений⁶. В этом вопросе Москву и Пекин объединяет убеждение, что у Запада не должно быть возможности контролировать евроазиатское пространство, так как это угрожает интересам их безопасности. До 11 сентября 2001 г. спорадическое экономическое и политическое присутствие США в Центральной Азии не было особым вызовом. Исходным моментом к изменению подхода к присутствию американского фактора стало создание американских военных баз в Центральной Азии и антитеррористическая операция в соседнем Афганистане⁷. Китай рассматривал это как элемент, дестаби-

лизирующий расстановку сил в регионе, что затрагивало интересы Пекина⁸. В результате произошла радикальная переориентация китайских приоритетов в Центральной Азии. Активная политика Вашингтона в регионе стала рассматриваться Пекином как угроза собственной безопасности⁹. Его ответом явилось придание китайской политике в Центральной Азии более наступательного характера¹⁰. Китай находился в этом отношении в достаточно выгодном положении, так как уже до этого, в конце 1990-х гг. им была взята на вооружение стратегия укрепления двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами региона. Китайское руководство заметно активизировало сотрудничество со странами Центральной Азии в сфере безопасности. Началось создание модели тесного взаимодействия. Особо подчеркивалась необходимость укрепления ШОС, которая должна была стать своего рода противовесом американскому присутствию в регионе¹¹, эффективным механизмом защиты китайских интересов в Центральной Азии¹², а также важным звеном центральноазиатской стратегии Китая.

Российская оценка дипломатического и военного наступления Вашингтона в регионе была близка китайскому пониманию проблемы. Тем не менее, Москва в первое время после 11 сентября 2001 г. разыгрывала собственную «шахматную партию» с Соединенными Штатами, дав согласие на афганскую операцию и более весомое американское присутствие в регионе¹³, чем поразила своего китайского партнера. Дополнительным обстоятельством, обеспокоившим Китай, было улучшение российско-американских отношений¹⁴. Правда, российский маневр был недолгим, но он был скрупулезно отмечен и интерпретирован китайской стороной. В результате руководители КНР поняли, что на данном этапе раз-

вития ситуации в регионе они будут вынуждены использовать все доступные им инструменты для обеспечения собственных интересов в Центральной Азии. Сотрудничество с Россией, естественно, с учетом принципа ограниченного доверия, оказалось в резерве китайской политики в Центральной Азии. Тем более что потепление российско-американских отношений оказалось временной тенденцией, а президент В. Путин в ходе своего официального визита в Пекин в декабре 2002 г. подтвердил приоритетное место отношений с Китаем в своей внешней политике¹⁵.

Операция в Афганистане радикально повлияла на ухудшение региональной безопасности. Российские и китайские специалисты оценивали как весьма вероятное распространение нестабильности не только на пять центральноазиатских республик, но также на китайский Синьцзян и российский Кавказ¹⁶, что неизбежно повлекло бы за собой серьезные политические, экономические и социальные последствия¹⁷. Перспектива дестабилизации расстановки сил в регионе и возможность ухудшения внутреннего положения в России и Китае привели к тому, что на рубеже 2002-2003 гг. оба государства приступили к укреплению своих позиций в Центральной Азии.

В своей новой стратегии Россия и Китай стали активно использовать двусторонние каналы сотрудничества, а также многосторонние инициативы (особенно ШОС)¹⁸. Вначале они сконцентрировались на укреплении правовых и договорных основ Шанхайской Организации Сотрудничества¹⁹. Однако обеспокоенность активностью США в регионе подтолкнула Китай и Россию к более тесному сотрудничеству с целью ограничения влияния Вашингтона. В июне 2005 г. на саммите ШОС в Астане Пекин и Москва выступили инициаторами принятия декларации о присутствии американских военных баз в Центральной Азии²⁰. На основании этого документа, но главным

образом под влиянием напряженности в самом регионе, ташкентское руководство потребовало от американской стороны вывода военного контингента со своей территории²¹. Узбекистан вернулся к концепции опоры своей политики на более тесное сотрудничество с Россией, с которой в ноябре 2005 г. он подписал «Договор о союзнических отношениях». В ст.4 этого документа говорится о возможности взаимного предоставления права пользоваться военными объектами на их территории²². Однако следует подчеркнуть, что пророссийский поворот режима Каримова не нарушил общей конструкции узбекской внешней политики, то есть ее многовекторности. Узбекистан, как и другие центральноазиатские республики, умело использует козырь столкновения геостратегических интересов Москвы, Пекина и Вашингтона в регионе. В результате в Центральной Азии сложилась специфическая расстановка сил, при которой ни одна из держав не обладает решительным преобладанием. Как это ни парадоксально звучит, но государства региона, ставшего сферой интересов ведущих игроков международной сцены, обрели возможность более свободно реализовать цели и принципы своей внешней политики.

Политическое сближение и сотрудничество в сфере безопасности в рамках треугольника Россия — Китай — Центральная Азия сцементировала борьба с международным терроризмом, исламским экстремизмом и сепаратизмом. Москва и Пекин поддержали центральноазиатские режимы в этой борьбе по совершенно очевидным причинам. Эти явления представляли собой серьезную угрозу не только государствам региона, но и затрагивали национальную безопасность России и Китая (их территориальную целостность и стабильность, внутренний порядок и экономическое развитие). Российское руководство смотрело на проблему с точки зрения угрозы для «мягкого подбрюшья» своей

страны, то есть нестабильного Северного Кавказа²³. Для Пекина же эта проблема была тесно связана с граничащей с центральноазиатскими государствами провинцией Синьцзян²⁴ и уйгурским сепаратизмом²⁵.

Ощущение угрозы и общность интересов являются благоприятными предпосылками для углубления сотрудничества в сфере безопасности между Россией, Китаем и государствами Центральной Азии. Механизмом, интегрирующим усилия в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, стала Шанхайская Организация Сотрудничества. Уже на установочном саммите в июне 2001 г. была принята Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (15.06.2001 г.)²⁶. Итогом общности интересов членов ШОС стало создание в 2004 г. Региональной антитеррористической структуры (РАТС ШОС)²⁷, которая выполняет функции координации и информации, а также оказывает аналитическую поддержку соответствующим силовым структурам государств ШОС, которые занимаются антитеррористической деятельностью. Основные формы взаимодействия в этой области представлены в Концепции сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, принятой в Астане 5 июля 2005 г.²⁸ В качестве главных названы: согласование превентивных действий; консультации при проведении следственных мероприятий; ведение совместных антитеррористических операций; обмен информацией (в том числе и секретной); оказание правовой помощи; организация совместных антитеррористических учений; обмен опытом.

Скоординированное сотрудничество в области безопасности между Россией и Китаем возможно, в частности, потому, что Москва заняла позицию главного стратегического и военного партнера пяти центральноазиатских государств. Существенным условием является также то, что эти государства не совсем готовы к развитию сотрудничества между собой (слабая выучка войск, нехватка высококачественного военного снаряжения). В этих условиях Россия остается главным военным партнером, пользуясь в полном объеме привилегированной позицией (военные базы, совместные маневры, сотрудничество в области разведки и т.д.). Начиная с 2000 г., Кремль совместно с государствами Центральной Азии предпринял ряд многосторонних инициатив в сфере безопасности (в рамках СНГ, ОДКБ, ШОС)²⁹, прежде всего реализуя задачи собственной антитеррористической политики. В этой ситуации Китай, реально оценивая свои актуальные возможности в области военного сотрудничества с государствами региона, не ставит под сомнение российскую позицию.

Конечно, это временное состояние. В долгосрочной перспективе постоянно укрепляющаяся позиция Китайской Народной Республики на международной арене и утверждение ее статуса великой державы будут служить расширению китайской оферты сотрудничества также на сферу, в которой Россия доминирует. Но форма предоставления этой оферты будет в значительной степени зависеть от состояния и качества российско-китайских отношений, а также значения России во внешней политике Китая в будущем.

ЭКОНОМИКА И ЭНЕРГЕТИКА: СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВО?

Экономические вопросы — это ключевая проблема в дебатах о российско-китайском присутствии в Центральной Азии. Россия и Китай имеют в этой сфе-

ре определенный потенциал взаимодействия, но также и соперничества. Прагматический подход, который сегодня демонстрируют в своей внешней политике

оба государства, является достаточной предпосылкой для того, чтобы не прибегать к действиям, направленным против интересов партнера. Но ситуация как в региональном, так и глобальном измерении настолько динамична, что в научной и аналитической среде обсуждается вопрос о вероятности перехода России и Китая от формулы «стратегического партнерства» к «стратегическому соперничеству». Одной из нескольких взрывоопасных проблем в российско-китайских отношениях является Центральная Азия. Потенциальным источником существенной напряженности на линии Москва-Пекин являются различия в экономическом потенциале этих государств³⁰.

Китай систематически усиливает свое экономическое влияние в Центральной Азии³¹, которое составляет незначительную долю его активности в этой области на международной арене. Сейчас это второй после России торговый партнер Центральной Азии, а объем торговли Китая с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном практически приблизился к уровню торговли между Россией и этими странами³². Благоприятная для Китая ситуация берет свое начало в 2000 г. Если в 2000-2003 гг. торговый оборот между Россией и Центральной Азией оставался на уровне 1990-х гг. (6-7 млрд долларов в год), то торговля между Китаем и регионом увеличилась более чем на 200% (с 1 млрд до более 3 млрд долларов)³³, в 2007 г. торговля России с центральноазиатскими странами достигла более 22 млрд долларов, а Китая — более 19,5 млрд долларов³⁴.

Несомненно, в торговом балансе России и Китая особое место занимает экспорт из Центральной Азии энергетического сырья. Именно в этом контексте обе державы оценивают роль и значение региона в своей внешней политике и энергетической стратегии.

Китай, чья экономика испытывает зависимость от внешних источников по-

ставок энергоносителей³⁵, активно ищет возможность получения нефти и газа непосредственно от центральноазиатских государств, минуя «российское звено»³⁶. Постоянно растущая потребность в энергетическом сырье, а также динамичный рост цен на нефть стимулируют энергетическую стратегию Пекина, а также деятельность китайской дипломатии и деловых кругов в регионе Центральной Азии³⁷.

Китайская энергетическая политика в Центральной Азии в 1990-е гг. имела достаточно ограниченную формулу. Решения китайских энергетических компаний об инвестициях в Центральной Азии были приняты в 1997 г., однако их активность имела скорее экспериментальный характер³⁸. И лишь после 2001 г., под влиянием новых обстоятельств, положение изменилось. В числе благоприятствующих этому факторов можно назвать китайский энергетический «голод»³⁹ и рост цен на энергоносители на мировых рынках, а также необходимость диверсификации источников поставок энергетического сырья⁴⁰. Кроме того, события 11 сентября 2001 г. внесли коррективы в международную ситуацию (введение американских вооруженных сил в Центральную Азию, американская интервенция в Ираке, давление на Иран). В результате обострилось глобальное соперничество за доступ к мировым месторождениям сырья. Сложилось также убеждение, что регионы, которые до сих пор считались главными поставщиками энергетического сырья, могут подвергнуться серьезным долгосрочным потрясениям и дестабилизирующим факторам.

В связи с этим Центральная Азия стала для Китая одним из основных элементов энергетического «ребуса» в XXI в. Не подлежит сомнению, что китайские энергетические фирмы, инвестирующие на мировых рынках, в настоящее время пользуются дипломатической и финансовой поддержкой Пекина, что позволя-

ет успешно реализовать китайские интересы. Китай систематически расширяет свое поле маневра в регионе, включается в энергетические проекты в Центральной Азии. Особое внимание китайские энергетические компании обращают на возможности Казахстана, Туркмении и Узбекистана. Китайские компании имеют в регионе многочисленные энергетические проекты, находящиеся как в фазе планирования, так и реализации. Китай заинтересован в центральноазиатской нефти (краткосрочно) и газе (долгосрочно)⁴¹.

Первым энергетическим проектом, непосредственно соединившим Китай с Центральной Азией, стал нефтепровод от казахского побережья Каспийского моря до китайского Синьцзяна⁴². Строительство нефтепровода длиной 3040 км было разделено на три отдельных этапа⁴³, нефть из Казахстана стала поступать в Синьцзян в июле 2006 г.⁴⁴. Стратегию Китайского нефтяного концерна в отношении Казахстана следует рассматривать в контексте внутренней энергетической стратегии Китая, так как цель сделки между Пекином и Астаной заключается не только в доведении трубопровода до Синьцзяна, но и до густо заселенного и быстро развивающегося восточного побережья Китая⁴⁵. Таким образом, внешняя инвестиционная деятельность полностью подчинена долгосрочным социально-экономическим целям Среднего государства.

Туркмения и Таджикистан пошли в энергетическом сотрудничестве по пути, проложенному Казахстаном, видя в энергетическом сотрудничестве с Китаем не только экономические выгоды, но и своего рода противовес российскому влиянию, а также существенный элемент сбалансирования региональной расстановки сил, в которой Астана претендует на роль лидера⁴⁶. Пекин принял во внимание и положительные последствия ведения энергетических переговоров с государствами региона. Это

конечно же расширило возможности Китая как в связи с их стратегией диверсификации поставщиков энергоносителей, так и при согласовании содержания контрактов с российскими энергетическими «гигантами». Кроме того, китайские планы расширения сотрудничества приобрели реальное очертание после его допуска в сентябре 2004 г. к эксплуатации газопровода «Запад-Восток I», соединяющего Урумчи с Шанхаем. В результате китайская сторона заинтересовалась более широким сотрудничеством в газовой сфере с государствами Центральной Азии⁴⁷. Перелом в сотрудничестве в газовой области произошел в апреле 2006 г., когда КНР и Туркмения подписали стратегическое соглашение о развитии газового сектора, по которому предусматривалось строительство газопровода из Туркмении в Китай (мощностью в 30 млрд кубометров в год, сроком на 30 лет, с началом поставок в 2009 г.). Достаточно взгляда на карту, чтобы понять, что Пекин после реализации этой инвестиции привлек к сотрудничеству не только туркменского партнера, но и Узбекистан и Казахстан как транзитные государства и соединить трубопроводные системы Туркмении — Узбекистана — Казахстана — Китая⁴⁸. В результате 14 декабря 2009 г. начал действовать газопровод протяженностью в 1833 км (из Туркмении в Синьцзян), подключенный к китайской внутренней трубопроводной сети (общая протяженность 7 тыс. км)⁴⁹.

Реализация этого инвестиционного проекта влечет за собой существенные последствия для региона Центральной Азии, Китая, а также России. Этим Китай бросает вызов одной из основных стратегических целей Москвы — получению позиции монополиста, контролирующего транзит энергоносителей в Евразии⁵⁰. Поиск новых возможностей поставок энергетического сырья в Центральной Азии порождает вполне понятное напряжение в отношениях с рос-

сийским партнером. Конкуренция между российскими и китайскими энергетическими интересами — в более широком центральноазиатском контексте — набирает силу. Однако следует подчеркнуть, что в текущий момент эта борьба носит закулисный характер и не оказывает серьезного влияния на состояние двусторонних отношений. Россия стремится к повышению уровня энергетической зависимости Китая от своих ресурсов, а также ограничению возможностей действия других внешних компаний на центральноазиатском рынке, в том числе китайских. А Пекин решительно настроен на расширение числа поставщиков сырья на китайский рынок. Для этого он готов договариваться с государствами Центральной Азии напрямую, независимо от российского влияния. Однако это не означает, что в перспективе российские поставки нефти и газа могут быть заменены центральноазиатскими источниками. Но в энергетических отношениях в треугольнике Россия — Центральная Азия — Китай появился элемент конкуренции. Китай может рассчитывать на диверсификацию поставщиков и тем самым гарантировать себя на случай недобора в российском или центральноазиатском импорте. Кроме того,

контракты с Казахстаном, Туркменией и Узбекистаном могут служить Пекину средством давления на Москву, что, несомненно, открывает перед китайцами возможность для торга с россиянами относительно более выгодных цен⁵¹.

Двустороннее сотрудничество в экономической области является одной из опор отношений между Китаем, Россией и государствами Центральной Азии. Инструментом поддержки китайской экономической дипломатии стала Шанхайская Организация Сотрудничества⁵². Пекин с особой настойчивостью ставит экономические вопросы на форуме этой организации⁵³. Переход к китайской стороне инициативы в сфере экономики в рамках ШОС приводит к тому, что Россия, ограничивая свою активность в рамках этой структуры, поддерживает свое экономическое влияние в Центральной Азии с помощью ЕврАзЭС⁵⁴, а также двусторонних отношений со странами региона. Таким образом, Россия, исходя из понимания роли китайского фактора в собственном экономическом развитии, а также многостороннего сотрудничества с Пекином, одновременно обеспечивает геоэкономические интересы не только в отношениях с регионом, но и со своим китайским партнером.

ВЫВОДЫ

Общепризнанно, что Россия и Китай обладают определенным потенциалом в сфере как кооперации, так и соперничества в Центральной Азии. Но, как представляется, оба государства прекрасно понимают, что на данном этапе развития двусторонних отношений для них выгоднее сотрудничество (согласно правилу *win-win*). А жесткая конфронтация не только может нарушить российско-китайские отношения, но и привести к замедлению динамики экономического развития, снижению уровня безопасности и потерям в имидже обоих государств на международной арене. Праг-

матизм, которым пронизана российская и китайская внешняя политика, сегодня является достаточным тормозом безопасности в случае случайных конфликтов. Точно так же гибкость, присущая политике КНР и РФ, служит стимулятором сотрудничества в их взаимных отношениях.

Но не следует игнорировать тот факт, что динамичное вступление Китая в игру в Центральной Азии радикально изменило стратегическую картину. Со всей уверенностью можно утверждать, что это может иметь более длительные последствия для региона, чем американ-

ская активность. Китайское присутствие в этом регионе является следствием особого стечения обстоятельств. Китай возродил свой интерес к Центральной Азии вследствие нескольких устойчивых обстоятельств: географической близости, исторических условий, требований текущей безопасности и экономических расчетов. Процесс укрепления китайских отношений с Центральной Азией в области политики, экономики и региональной безопасности является устойчивой тенденцией. Что, вполне естественно, беспокоит Москву.

Поэтому обоснован поиск ответов на вопросы, окажет ли серьезное присутствие китайского фактора в формирова-

нии регионального порядка в Центральной Азии существенное влияние на «стратегическое партнерство» с Россией? Станет ли активность Китая источником напряженности или же руководители обоих государств продемонстрируют политическое чутье и сдержанность как в выстраивании двусторонних, так и в процессе укрепления многостороннего сотрудничества? Станет ли Центральная Азия по мере выравнивания пропорций влияния и статуса России и Китая на международной арене стимулятором постоянной конвергенции интересов или же сотрудничество по линии Пекин-Москва будет опираться только на их стремление сдержать США?

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Следует подчеркнуть, что для Китая термин «стратегическое партнерство» имеет иное значение, чем это принято в России и на Западе. Формула «стратегического партнерства» как с отдельными государствами, так и группами стран служит китайцам в качестве эффективного дипломатического инструмента, увеличивающего их влияние на международной арене. То есть, эта формула рассматривается китайцами не как прелюдия к тесному сотрудничеству в военной сфере и в вопросах безопасности в рамках союза, что предполагает использование термина «стратегическое», но в долгосрочной перспективе охватывает все аспекты двустороннего сотрудничества (политические, экономические, социально-культурные, безопасность), которое не подвержено случайным (краткосрочным) осложнениям и конфликтам интересов между Китаем и другими государствами (группами государств). См.: Medeiros E. S. *China's International Behavior, Activism, Opportunism and Diversification*. Santa Monica, 2009. P. 82-83.
- 2 Эту уверенность демонстрируют в своих публикациях только те исследователи, которые объясняют международную реальность с точки зрения собственной увлеченности геополитикой и связанной с ней, как им представляется, неизбежностью конфронтации между державами, для которых геополитическое доминирование — это единственная возможность гарантировать собственные интересы в регионе. Эта конфронтационная логика находит сторонников как в самой России, так и в западных научных и политических кругах. В этом отношении показательна монография: Lo Bobo. *Axis of Convenience Moscow, Beijing, and The New Geopolitics*. London, 2008. Ср. Лукин А. *Россия и Китай сегодня и завтра*, [в:] *Россия и Китай. Четыре века взаимодействия*. Москва, 2013. С. 640.
- 3 Burtles M. *Chinese Policy Toward Russia and the Central Asian Republics*. Santa Monica, 1999. P. 8-11.
- 4 Лузянин С. Г. *Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства*. М., 2009. С. 84; Bosbotinis J. *Sustaining the Dragon, Dodging the Eagle and Barring the Bear? Assessing the Role and Importance of Central Asia in Chinese National Strategy* // *China and Eurasia Forum. Quarterly*, 2010. Vol. 8. № 1. P. 68.
- 5 См.: Olcott M. B., Udalova N. *Drug Trafficking on the Great Silk Road: Security Environment in Central Asia* // Working Paper. № 11. Washington, 2000; Lubin N., Klaitis A., Barsegian I. *Narcotic Interdiction in Afghanistan and Central Asia: Challenges for International Assistance*. New York, 2002.
- 6 Czarkowska E. *Rola elit władzy w kształtowaniu stosunków z Chinami* // *Przywództwo i elity polityczne w krajach WNP*. Tom II. T. Bodio, W. Jakubowski (red.). Warszawa, 2010. S. 190.
- 7 Lachowki Z. *Foreign Military Bases in Eurasia* // SIPRI Policy Paper. 2007 (June). № 18. P. 47; Лузянин С. Г. *Политика России и Китая в „классической” Центральной Азии и формирование их*

- обновленного имиджа в регионе // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XIV. М., 2009. С. 89-91.
- 8 Т.н. цветная революция в Киргизии и события в Узбекистане в 2005 г. лишь подтвердили, по мнению многих экспертов, опасения Пекина относительно реальных планов Вашингтона в регионе и возможности влияния США на политическую ситуацию в Центральной Азии. См. в частности труды Bobo Lo, R.G. Sutter.
  - 9 Дополнительным импульсом для китайской дипломатии стала беспокоившая Пекин американская активность в Азиатско-Тихоокеанском регионе. См.: Roy D. China's Reaction to American Predominance // *Survival*. 2003 (Autumn). Vol. 45. Issue 3. P. 57-78.
  - 10 После появления американских баз в Центральной Азии Китай усилил свой военный контингент в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, на афганско-пакистанском и центральноазиатском участке границы. См.: Сыроежкин К. Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. Алматы, 2006. С. 249.
  - 11 Sutter R. G. Chinese Foreign Relations. Power and Policy Since the Cold War// Lanham, 2010. P. 256.
  - 12 О ШОС и ее значении в китайской внешней политике см.: Fei Gao. The Shanghai Cooperation Organization and China's New Diplomacy. Antwerp, 2010; Bailes A. J.K., Dunay P., Troitskiy M. The Shanghai Cooperation Organization. Stockholm, 2007; Чжао Хуашен. Китай, Центральная Азия и Шанхайская Организация Сотрудничества // Рабочие материалы. № 5. М., 2005.
  - 13 Trenin D. Contemporary Issues in International Security: Central Asia // Central Asian Security Trends : View from Europe and Russia, Strategic Studies Institute [US Army War College]. S. Blank (ed.). 2011. P. 44; Kuchins A. Russian Perspectives on China: Strategic Ambivalence // The Future of China-Russia Relations. J. Bellacqua (ed.). University Press of Kentucky, 2010. P. 41.
  - 14 В этом случае не по инициативе российской стороны. — Cheng J. Y. S. Chinese Perceptions of Russian Foreign Policy During the Putin Administration: U.S.-Russia Relations and "Strategic Triangle" Considerations // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2009. Vol. 38. № 2. P. 155.
  - 15 Визит президента В. Путина был первой официальной возможностью для встречи с новым китайским лидером Ху Цзиньтао. Момент выхода на политическую сцену «четвертого поколения» китайских руководителей представлялся идеальной возможностью для декларирования готовности к более тесному сотрудничеству.
  - 16 Васильев Л. Проблемы безопасности в Центральной Азии: борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в формате ШОС // Шанхайская Организация Сотрудничества. К новым рубежам развития. М., 2008. С. 225; Weitz R. The Limits of Partnership: China, NATO and the Afghan War // *China Security*. 2010. Issue 16. P. 21-38; Guang Pan. China's Policy on the Conflict in Afghanistan // *China and Eurasia Forum Quarterly*. 2010. Vol. 8. № 3. P. 115-120.
  - 17 В концепции внешней политики РФ можно найти прямое упоминание ситуации в Афганистане как дестабилизирующего фактора, который заставляет Россию предпринимать соответствующие действия для нейтрализации угрозы. С российской точки зрения конфликт в Афганистане является реальной угрозой для безопасности южных рубежей СНГ и «прямо нарушает российские интересы». Негативные явления, связанные с афганской войной, т.е. расширение этнических конфликтов, торговля наркотиками и оружием в массовом масштабе, международный терроризм, религиозный экстремизм влияют не только на Центральную Азию, но распространяются и на территорию России. Официальная интерпретация «южной угрозы» остается постоянно актуальной в российской внешней политике и политике безопасности.
  - 18 В июне 2002 г. по инициативе Китая и России была принята Хартия ШОС, в которой, наряду с определением прав и обязанностей государств-членов, была дана оценка новых, негативных тенденций в развитии ситуации в Центральной Азии и в ее непосредственном международном окружении. Текст Хартии ШОС см.: Основные документы и материалы по Шанхайской Организации Сотрудничества (Июль 2001- февраль 2005). М., 2005. С. 28-40.
  - 19 С правовой базой ШОС можно познакомиться на странице: <http://sectsco.org> [15.06.2011].
  - 20 Fei Gao. Op. cit. P. 15. Ситуация благоприятствовала китайско-российской инициативе, потому что авторитарные руководители центральноазиатских республик изменили отношение к американской политике в регионе. Корректировка мультивекторной политики государств региона произошла на волне событий, называемых «цветными революциями». В феврале 2005 г. «тюльпановая революция» привела к смене правительства в Киргизии, а в мае 2005 г. власти Узбекистана кроваво подавили бунт в Абиджане.

- 21 Gleason G. The Uzbek Expulsion of U. S. Forces and Realignment in Central Asia // *Problems of Post-Communism*. Vol. 53. № 2. 2006. P. 49-60. С аналогичным требованием выступили власти Киргизии, которые многократно выражали намерение закрыть американскую базу «Манас» на своей территории. Но в этом случае, несмотря на принятие в феврале 2009 г. решения о закрытии базы, Бишкек договорился с Вашингтоном (июнь 2009) о продлении аренды авиабазы «Манас». Поэтому можно полагать, что в случае Киргизии постановка этого вопроса была всего лишь своего рода переговорной тактикой с целью согласования с американской стороной наиболее благоприятных условий аренды. В результате Вашингтон увеличил арендуемую территорию, получил также право продления аренды без необходимости нового согласования условий и оплаты до июля 2014 г. Одновременно он обязался предназначить 36 млн долларов на реконструкцию международного аэропорта в Бишкеке.
- 22 Lachowki Z. *Op. cit.* P. 54.
- 23 См.: Oldberg I. *The War on Terrorism in Russian Foreign Policy*. Stockholm, 2006.
- 24 Haliżak E. *Polityka i strategia Chin w kształtowaniu międzynarodowego bezpieczeństwa* // *Żurawia Papers*. zeszyt 10. Warszawa 2007. S. 87; Бондаренко В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI века. М., 2011. Уйгурские сепаратисты нашли базу и особую поддержку в Центральной Азии, где уйгурская диаспора проживает в Казахстане, Киргизии и Узбекистане (она насчитывает от 500 тыс. до 1 млн чел.). В результате внутреннее положение в Уйгурском автономном районе и в государствах Центральной Азии, в которых проживает уйгурское меньшинство, накладывается друг на друга, создавая своеобразную систему сообщающихся сосудов. Это было особенно заметно в ходе беспорядков в провинции Синьцзян в июле 2009 г.
- 25 Подробнее см.: Bovingdon G. *Autonomy in Xinjiang: Han Nationalist Imperatives and Uyghur Discontent* // *East-West Center Policy Studies*. № 11. Washington, 2004; Xinjiang: China's Muslim Borderland. S.F. Starr (ed.). Armonk, New York, 2004; Clarke M. *China's Integration of Xinjiang with Central Asia: Securing a „Silk Road” to Great Power Status?* // *China and Eurasia Forum Quarterly*. 2008. Vol. 6. № 2. P. 89-111.
- 26 Важнейшие документы Шанхайской Организации Сотрудничества, относящиеся к антитеррористическому взаимодействию, см.: *Counter-Terrorism and Human Rights: The Impact of the Shanghai Cooperation Organization*. Hong Kong — New York, 2011. P. 127-212; [http://www.ecrats.com/ru/normative_documents/2172\[26.07.2010\]](http://www.ecrats.com/ru/normative_documents/2172[26.07.2010]).
- 27 Zhu Zhiqun. *China's New Diplomacy: Rationale, Strategies, and Significance*. Ashgate, 2010. P.120
- 28 *Counter-Terrorism ... Op. cit.* P.166-171.
- 29 См.: Paramonov V., Stolpovski O. *Russia and Central Asia: Multilateral Security Cooperation*. Defence Academy of The United Kingdom. March 2008; Никитина Я. А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М., 2009.
- 30 Если в начале 1990-х гг. Китай и Россия были близки по уровню экономического развития, то уже в 2008 г. китайская экономика превосходила российскую в 3,5 раза, а мировой финансово-экономический кризис только увеличил этот разрыв.
- 31 Об экономических отношениях между Китаем и Центральной Азией см.: Жуков С. В., Резникова О. Б. *Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации*. М., 2009.
- 32 Graham T. *The Sources of Russia's Insecurity* // *Survival*. 2010. Vol. 52. № 1. P. 63.
- 33 Paramonov V., Stokov A. *Ekonomicheskoe prisutstvie Rossii i Kitaja v Central'noj Azii* // *Central Asian Series, Conflict Studies Research Center, Defence Academy of the United Kingdom*, 2007. P. 3; Laurelle M., Peyrouse S. *Op. Cit.* P. 39-40.
- 34 Ziegler Ch.E. *Russia and China in Central Asia* // *The Future of China-Russia Relations*. James'a Bellacqua (ed.). Kentucky, 2010. P. 252-253.
- 35 Haliżak E. *Op. cit.* S. 124; Жуков С. В., Резникова О. Б. *Цит. произв.* С. 86-90.
- 36 Chow E. C., Hendrix L. E. *Central Asia's Pipelines: Field of Dreams and Reality* // *NBR Special Report*. (September) 2010. № 23. P. 36; Zhu Zhiqun. *Op. cit.* P. 111.
- 37 Подробнее см.: Guan Pan. *China and Energy Security in Central Asia* // *Central Asia and Caucasus*. 2007. Vol. 48. № 6. P. 85-91; Matveev V. *China's Gas Policy in Central Asia* // *Central Asia and Caucasus*. 2008. Vol. 53. № 5. P. 77-88.

- 38 В 1997 г. China National Petroleum Corporation (CNPC) подписала контракт, по которому китайская сторона получила право эксплуатации месторождения Актобе в Казахстане (в мае 2003 г. CNPC увеличила свою долю в Актобемунайгазе с 60,3% до 85,42%).
- 39 См.: Zweig D., Jianhai Bi. China's Global Hunt for Energy // *Foreign Affairs*. (September/October) 2005. Vol. 84. № 5. P. 25-38. Китай импортирует более 40% потребляемой им энергии, при этом полагают, что спрос на внешние источники энергии может возрасти до 85% в 2030 г. Китай сегодня второй после США потребитель энергии в мире.
- 40 Китай решил рассматривать проблему энергетических ресурсов как стратегическую и разработать новую энергетическую стратегию, отвечающую вызовам XXI в. Проблема диверсификации источников энергии стала одной из главных двигателей динамичного экономического развития. Если в 1989 г. у Китая было 5 источников поставок энергетического сырья, то в 2005 г. их было уже 32.
- 41 В настоящее время центральноазиатский газ покрывает лишь небольшую часть китайских энергетических потребностей, однако, по мнению экспертов, спрос на газ в Китае будет постоянно расти. См.: Garrison J. A. *China and The Energy Equation in Asia: The Determinants of Policy Choice*. Boulder, London, 2009.
- 42 Gleason G. *China, Russia, and Central Asia: Triangular Energy Politics // China's Energy Relations with the Developing World*. C. Liu i M. Dorraja (eds.). New York, London, 2011. P. 86.
- 43 Первый из них находится между Кенкияком и Атырау (западный участок). После подписания соглашения между CNPC и Казмунайгазом в октябре 2001 г., уже в мае 2002 г. началось строительство. Газопровод длиной в 448,8 км заработал в марте 2003 г. (пропускная способность — 5,9 млн тонн нефти в год). Вторая очередь инвестиции длиной в 962,2 км (центральный участок), расположенная между Атасу в Центральном Казахстане и Алашанькоу на казахстанско-китайской границе, соединяется с газопроводом Алашанькоу-Душанзи в Синьцзяне. Этот отрезок газопровода начал действовать в июле 2006 г. Третий отрезок, Кенкияк-Кумколь, должен соединить месторождения в Казахстане, обе стороны договорились об этом в августе 2007 г., полная пропускная способность всей инвестиции должна составить 20 млн тонн в год. См.: Castes R. *China's oil and gas supply strategy in its Western Margins (Xinjiang and Central Asia) // Материалы международной конференции «Центральная Азия-Китай: состояние и перспективы сотрудничества»*. Алматы, 2008. С. 104-105.
- 44 Blank S. *China's Emerging Energy Nexus with Central Asia // China Brief*. Vol. 6. 2006. № 15.
- 45 Laurelle M., Peyrouse S. *Op. cit.* P. 45.
- 46 На тему игры интересов государств региона см.: Олкотт М. *Второй шанс Центральной Азии*. Москва — Вашингтон, 2005; *Сотрудничество и безопасность в Центральной Азии в условиях политической и социально-экономической трансформации*. Алматы, 2007.
- 47 Сотрудничество в газовой сфере между Китаем и Центральной Азией является откровенным вызовом интересам и основам российской энергетической стратегии как в отношении китайского партнера, так и государств региона. По сути, укрепление этой кооперации осложняет главную и долгосрочную цель российской энергетической дипломатии — динамический выход на китайский (и шире — азиатский) рынок российских газовых компаний. Согласно оценке многих экспертов, не нефть, а газ в более длительной перспективе будет составлять главную статью российского экспорта в Китай. Конечно, достижение этой цели требует соответствующих финансовых и инфраструктурных инструментов, и Россия готова нести необходимые расходы. Нужно также посмотреть на эту проблему с важнейшей для России точки зрения — высшей целью российского энергетического сотрудничества с Китаем является экономическое развитие и модернизация российского Дальнего Востока и Сибири. Москва реализует стратегию оживления этих, десятилетиями запущенных, регионов, прекрасно понимая, что китайский фактор имеет фундаментальное значение для этого проекта. В этом широком контексте ситуацию усложняют центральноазиатские конкуренты, с которыми Россия должна поделиться китайским «торгом». См.: «Энергетическая стратегия России на период до 2030 года», принятая правительством 13 ноября 2009 г. // <http://www.minenergo.gov.ru> [20.12.2009]
- 48 Из содержания этого соглашения следует, что китайская сторона обязалась платить за газ на границе Туркмении. Это означает, что Пекин, подписывая договор с Ашхабадом, уже имел полную ясность относительно положительной реакции Узбекистана и Казахстана на эту инициативу. А в ст.5 китайская сторона обязалась согласовать с Узбекистаном и Казахстаном условия транзита. — Жуков С. В., Резникова О. Б. *Цит. произв.* С. 110.

- 49 Подробнее см.: Blank S. The Strategic Implications of the Turkmenistan — China Pipeline Project // China Brief. 2010 (February 4). Vol. 10. № 3. P. 10-12.
- 50 Важнейшей долгосрочной целью российской энергетической стратегии является обеспечение равновесия между европейским и азиатским (Азиатско-Тихоокеанский регион) векторами. Совершенно естественно, что эта цель может быть достигнута только во взаимодействии с китайским партнером, а также в тесной кооперации с центральноазиатскими государствами, которые подписанными с Россией контрактами гарантируют, что обязательства Москвы в отношении ее партнеров (например, европейских) будут полностью выполнены. О многоуровневой структуре российско-китайских энергетических отношений см.: Christofferson G. Multiple Levels of Sino-Russian Energy Relations // Eurasia's Ascent in Energy and Geopolitics. Rivalry or Partnership for China, Russia and Central Asia? N. Swanstrom, R.E. Badeski (eds.). London — New York, 2012. P. 135-159.
- 51 В этой связи следует напомнить о длительных переговорах о российско-китайском газовом контракте. Все детали этого договора были согласованы 13 октября 2009 г., но спорным вопросом оставалась формула цены. Исходное предложение российской стороны, 352 доллара за кубометр газа, связано с ценой на европейском рынке. А китайцы предложили около 250 долларов. Пекин, делая свое предложение, основывался на цене, которую он платит за газ в Центральной Азии. Китай придерживается в отношении Москвы продуманной переговорной стратегии в рамках энергетического сотрудничества. В июне 2011 г. китайский лидер Ху Цзиньтао в ходе своего зарубежного турне направился в Москву через Астану, где было достигнуто соглашение о строительстве третьей нитки газопровода, связывающего Туркмению — Узбекистан — Казахстан — Китай (пропускная способность 25 млрд кубометров в год), завершение которого планировалось в 2013 г. Драматургия ценовых торгов между Пекином и Москвой однозначно свидетельствует, что внешняя политика обоих государств руководствуется прагматизмом и твердым экономическим расчетом. И хотя было запланировано подписание газового контракта в ходе визита китайского руководителя в Россию, но ни одна из сторон не уступила ради разового дипломатического успеха. Ситуация повторилась и во время официального визита премьера В.Путина в Пекин в октябре 2011 г.
- 52 Shambaugh D. China Engages Asia. Reshaping the Regional Order // International Security. 2004/05 (Winter). Vol. 29. № 3. P. 74; Chung Chien-peng. The Shanghai Co-operation Organization: China's Changing Influence in Central Asia // The China Quarterly. 2004. Vol. 180. P. 1007-1008.
- 53 Flikke G., Wilhelmsen J. Op. cit. P. 47.
- 54 Oldberg I. The Shanghai Cooperation Organization: Powerhouse or Paper Tiger? Stockholm, 2007. P. 28.

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

СИСТЕМНАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Семченков А. С.

*Доктор политических наук.
Доцент кафедры российской политики
факультета политологии
МГУ им. М.В. Ломоносова.*

В статье рассматриваются происхождение и развитие концептов, характеризующих технологии системной дестабилизации современных государств: управляемый хаос, сетевая война, операции по достижению эффекта, преэмптивная война, геополитическая операция. Принимая во внимание содержание данных концептов, а также особенности мировой политической практики, автор формулирует алгоритм системной дестабилизации, включающий несколько этапов: латентный, роста напряженности внутри страны и на уровне международных отношений, демонтажа государства-объекта хаотизации. Определяются основные факторы устойчивости государства, подвергающегося системной дестабилизации. На основе учета содержания и особенностей динамики системной дестабилизации сформулирован алгоритм мер и действий по недопущению хаотизации современных государств.

Ключевые слова: государство, дестабилизация, управляемый хаос, сетевая война, преэмптивная война, геополитическая операция, алгоритм

Системная дестабилизация государств — феномен современной внутренней и мировой политики, выражающийся в разрушении ранее существовавших социально-политических систем национального уровня социально-культурными, информационными, экономическими, организационно-управленческими, дипломатическими, военными и иными средствами, а также в последующей коренной трансформации этих стран.

Явление системной дестабилизации отдельных государств давно отмечено исследователями в различных концептах, среди которых можно выделить пять основных: «управляемый хаос», «сетевая война», «операции по достижению эффекта», «преэмптивная война» и «геополитическая операция».

Концепт **управляемого хаоса** в исследованиях по национальной безопас-

ности был впервые представлен в работе С. Манна «Теория хаоса и стратегическое мышление». В ней данный автор предложил отказаться от тех форм применения военной силы, да и государственной мощи в целом, которые опирались на линейное механистическое видение мира, и обратить внимание на нелинейные хаотические процессы функционирования динамических систем. С точки зрения С. Манна, мировосприятие, опирающееся на выводы из исследований нелинейных процессов, целесообразно экстраполировать на политику обеспечения национальной безопасности. Это позволит оптимизировать деятельность государства в сфере национальной стратегии за счет внедрения технологических инноваций и формулирования новых основ стратегического мышления. В качестве нового инструмента ведения войн для

США С. Манн рекомендует использование идеологии демократического плюрализма и уважения прав человека как своеобразного вируса, с помощью которого станет возможным получения контроля над общественным сознанием и культурное завоевание других стран. Каналами распространения этой идеологии могут стать американские средства массовой коммуникации, охватывающие весь мир, международные образовательные программы различных фондов и т.п.¹

Содержание концепта управляемого хаоса в дальнейшем обогащалось рядом исследователей, в частности, в России этим плодотворно занимаются А. А. Бартош, И.А. Василенко, В.Е. Лепский, А.В. Манойло, И.Ю. Сундиев и др. Данные авторы стали рассматривать управляемый хаос (контролируемую нестабильность) как более сложный процесс, который помимо идейного и культурного измерений стал включать в себя информационно-психологическую, экономическую, финансовую, дипломатическую и вооруженную борьбу. Очевидно, импульсом к анализу управляемого хаоса именно как многомерного процесса послужили такие события, как распад Югославии и война международной коалиции во главе с США с этой страной в 1999 г., вторжение многонациональных сил в Ирак в 2003 г., «цветные революции», «арабская весна».

В этой связи А. А. Бартош полагает, что управляемый хаос представляет собой инструмент глобального доминирования, программу действий по целенаправленной организации и координации развития процессов в стране-объекте управления по конфронтационной спирали для перевода этого государства на заданные социально-политические, военные, экономические, пространственно-географические параметры функционирования. В конечном счете субъект управления преследует цель по созданию предпосылок к самодезориентации и самодезорганизации ввергаемой в кон-

тролируемую нестабильность страны. Механизмами достижения этой цели, по мнению А. Бартоша, служат установление либеральной демократии и проведение рыночных реформ, внедрение стандартов общества потребления среди элит и масс, вытеснение из общественного сознания традиционных ценностей и идей, культурное переформатирование общества, деиндустриализация, разрушение системы профессионального образования, поощрение коррупции, создание благоприятных условий для существования несистемной оппозиции и экстремистских организаций. Последние организуются в локальные и региональные сети, и в дальнейшем, по мере усиления нестабильности, используются для смены власти в стране-объекте управления. Многие механизмы запуска управляемого хаоса создаются заблаговременно.

Исследователь полагает, что объектами воздействия в модели управляемого хаоса являются структуры государства, определяющие его роль и место в современном мире: органы военно-политического управления, социально-экономический и военный потенциал, инфраструктура, территория и население. Главный объект хаотизации — политические и бизнес-элиты страны, органы государственного управления, которые под влиянием технологий информационно-психологического воздействия должны переориентировать развитие государства и общества на стратегически бесперспективные и экономически неэффективные направления. Важной составляющей управляемого хаоса также выступает работа с молодежью, чьи ценностные установки и идейные ориентации постепенно подвергаются вестернизации².

Несколько иначе управляемый хаос рассматривается В. Е. Лепским. Он считает данного рода процесс мировой информационно-психологической войной, направленной на сокращение численно-

сти населения в странах, не входящих в «золотой миллиард», а также ослабление и разрушение национальных государств как «мягкими» технологиями, так и путем военной агрессии. В основу управляемого хаоса положено переформатирование массового сознания и мировоззрения за счет использования манипулятивных информационных и социально-культурных технологий. В обществе разрушаются связи солидарности, происходит его атомизация. Разрушается и субъектность развития демонтируемых посредством управляемого хаоса государств, которые перестают быть конкурентами развитых стран мира³.

Происхождение концепта «**сетевая война**» также связано с разработкой в США «сетевых» форм ведения боевых действий (Дж. Гарстка и А. Себровски) и переносом методологии новых способов ведения вооруженной борьбы на сферу межгосударственных отношений и геополитического противоборства в целом. Данная задача по экстраполяции принципов «сетевых» боевых действий в область национальной стратегии была решена Э. Смитом.

Им был предложен концепт «**операции по достижению эффекта**» (иной перевод — «операции по достижению эффективности», «операции базовых эффектов»; Effect Based Operations), который зачастую и отождествляется с концептом сетевых войн. Э. Смит подчеркивает, что это «скоординированная цепь действий, направленных на формирование поведения своей стороны, противника и нейтральных сторон в условиях мира, кризиса и войны». «Операции по достижению эффекта» — разновидность военных и невоенных действий правительственных структур и негосударственных организаций, предполагающих использование всех компонентов национальной мощи, но с ускоренным темпом и значительным масштабом для «истощения» и «предрешения» (предот-

вращения и недопущения) активных ответных действий оппонента. Фактически «операции по достижению эффекта» направлены на подрыв воли противника продолжать борьбу, его дезориентацию и утрату им способности реагировать адекватно. Акцент при этом делается не на физическом уничтожении, а на психологических (когнитивных) последствиях-эффектах для сознания руководства противостоящего государства. Учет когнитивных эффектов позволяет управлять поведением как противника, удерживаемого от определенных действий, так и дружественных и нейтральных стран, от которых добиваются поддержки⁴.

Среди различных видов операций, основанных на эффекте, задачи по системной дестабилизации государств позволяют решить операции стратегического уровня. Они ведут к уничтожению, физическому истощению (постепенному лишению противника возможностей продолжать военные действия), хаосу (одновременно физическому и психологическому последствию-эффекту, заключающемуся в дезориентации, панике, дезорганизации сил противника, утрате его руководством способности адекватно реагировать и контролировать свои силы), шоку (деморализации солдат и панике, параличу руководства противника, его отказу от активных действий), активному и пассивному предрешению (психологическому последствию-эффекту в форме предотвращения или недопущения каких-либо действий со стороны противника в результате использования вооруженных сил или угрозы применения силы для блокирования намеченного реальным или потенциальным противником курса действий, поддержания такого баланса сил, который обеспечивает стабильность в данном регионе мира) противника. Цель операций стратегического уровня заключается в бескровном влиянии на оппонента. Пас-

сивное предрешение может быть реализовано в форме невыгодного для государства-оппонента соотношения (баланса) сил на региональном уровне или внутри страны. Активное предрешение имеет непосредственный характер и воплощается в проведении молниеносных военных действий по разгрому противника, терроризме, «ненасильственных» переворотах, разжигании внутригосударственных конфликтов⁵.

В России концепт сетевой войны разрабатывается рядом исследователей, среди которых можно выделить А. Г. Дугина, В.М. Корovina и А. Л. Бовдунова.

Данные авторы рассматривают сетевую войну как противоборство между, прежде всего, институализированными и неформальными глобальными структурами, а затем уже государствами и их блоками. Сеть из технического средства обмена разнообразной информацией превратилась в основу современного социума, а также пространство идеологического и информационно-психологического противоборства, в котором принимают участие масс-медиа, неправительственные общественные и религиозные организации, транснациональные корпорации, спецслужбы различных государств. Сетевая война предстает как форма организации и контроля над глобальными процессами в выгодном для США русле. Сетевая война ведется как против оппонентов Соединенных Штатов, так и против нейтральных и союзных для них государств. Цель сетевой войны состоит в установлении, прежде всего, информационного и когнитивного контроля над этими категориями стран. Примерами ведения сетевых войн, в которых собственно и проявилась системная дестабилизация государств, авторы считают «цветные революции» в Сербии, Грузии, Украине, Киргизии и вооруженные конфликты в Ираке и Афганистане, завершившиеся сменой неудобных США политических режимов и элит⁶.

Концепт «преэмптивная война» берет свое начало в Стратегии национальной безопасности США, принятой в 2002 г. президентом Дж. Бушем-младшим. Согласно Стратегии, преэмптивная война предполагала упреждающую нейтрализацию не просто угроз национальной безопасности Соединенных Штатов до их возникновения в будущем, а самих их субъектов — «государств-изгоев», которые надлежало трансформировать из диктатур в демократии. В России анализ этого концепта, в частности, провели Ю. В. Крупнов и Н. А. Комлева.

Ю.В. Крупнов отмечает, что преэмпция означает опережающий захват или силовое действие на опережение, т.е. опережающую нейтрализацию не только самой угрозы, но и ее факторов, источников, вплоть до самого ее субъекта — государства или террористической организации. Преэмптивная война, таким образом, предполагает, во-первых, смену политического режима в стране-субъекте угроз (regime change), во-вторых, строительство на месте бывшей диктатуры новой нации (nation-building) и, в-третьих, восстановление страны (nation-remaking). Системная дестабилизация в рамках преэмптивной войны приходится на фазу смены политического режима. Вместе с тем, как показывает опыт ведения преэмптивных войн, например, в Афганистане и Ираке, политическая и экономическая неустойчивость характерна и для стран, находящихся в фазах строительства новых наций и восстановления.

По мнению Н. А. Комлевой, преэмптивная война является геополитической технологией контроля пространств и ресурсов, передела мира в интересах глобальных корпораций и государств их базирования. Объектами преэмптивной войны выступают страны, богатые ценными природными ресурсами (в первую очередь, энергетическим сырьем), распоряжение которыми навечно закрепляется за победителями⁷.

Наглядным примером проведения преэмптивной войны выступает вторжение США и их союзников в Афганистан в 2001 г., Ирак в 2003 г., Ливию в 2011 г. и дальнейшие социально-политические и экономические преобразования в этих странах, проведенные государствами-победителями. Однако Ю. В. Крупнов полагает, что начало преэмптивной войны как стратегии трансформации всего мира просматривается уже с 1992 г. в связи с распадом СССР и курсом США на создание глобальной империи⁸.

Концепт «**геополитическая операция**» изначально предложен и разрабатывается российскими исследователями Л. Г. Ивашовым и К. В. Сивковым. По целому ряду признаков он близок концептам управляемого хаоса, сетевой и преэмптивной войны. Геополитическая операция рассматривается как новая высшая форма межгосударственного противоборства на глобальном и региональном уровне со своими этапами подготовки и проведения, которая превосходит военные действия по охватываемому пространству, количеству и разнообразию привлекаемых сил и средств. Цели геополитической операции — ликвидация геополитического противника или смена власти в той или иной стране. Содержание геополитической операции составляют операции и боевые действия группировок вооруженных сил и иррегулярных формирований, тайные операции спецслужб, мероприятия экономической войны, дипломатической и информационной борьбы, иных структур. Примерами этих форм действий в межгосударственном противоборстве служат осуществленные Западом восточноевропейские (завершились распадом блока социалистических стран и расширением НАТО на восток), Евроазиатская (закончилась дезинтеграцией СССР), Восточно-Азиатская (попытка установления контроля над Ираком и Афганистаном) и Североафриканская — «арабская весна» (смена режимов в стра-

нах Магриба) операции⁹. Данные примеры показывают, что системная дестабилизация государств осуществляется в течение всего времени проведения геополитической операции.

Обобщая содержание рассмотренных выше концептов, можно дать следующее определение понятия системной дестабилизации государства: **это нарушение устойчивости существования и развития, демонтаж государственности той или иной страны как территориальной социально-политической системы социокультурными, информационно-психологическими, экономическими, финансовыми, организационно-управленческими, дипломатическими, силовыми и иными средствами, осуществляемые с учетом ее внутренних дисфункций в рамках межгосударственного противоборства**. В настоящее время основной акцент в системной дестабилизации делается на проведении информационно-психологических операций в рамках сетевых коммуникаций. В то же время при решении задач хаотизации сохраняют свое значение тайные операции спецслужб и военные действия армий державы-субъекта дестабилизации и ее союзников.

В целом анализ содержания концептов управляемого хаоса, сетевой и преэмптивной войн, операций по достижению эффекта, геополитической операции, а также мировая политическая практика показывают, что системная дестабилизация государств осуществляется в рамках межгосударственных и внутригосударственных конфликтов, одновременно проходящих и тесно взаимосвязанных по участвующим сторонам, целям и средствам. Обобщенно в динамике системной дестабилизации государств можно выделить следующие этапы.

Латентный этап характеризуется всесторонней подготовкой условий для системной дестабилизации, инициирования внутренних столкновений и

межгосударственного конфликта, планированием их развития, подготовкой основных инструментов их реализации и противоборства в различных сферах. В частности, в самой стране-объекте предполагаемой системной дестабилизации формируются и начинают вести широкую пропаганду для привлечения новых сторонников экстремистские организации и движения, налаживается сотрудничество между структурами несистемной оппозиции. Постепенно формируются предпосылки к социально-экономическому кризису и вызревают условия роста напряженности в межэтнических и межконфессиональных отношениях. Также держава-субъект дестабилизации ведет всестороннюю разведку возможностей государства-объекта на фоне официальных относительно мирных, стабильных отношений между ними.

На этапе **роста напряженности** внутри страны-объекта хаотизации осуществляются акции по дестабилизации социально-политической обстановки, интенсифицируется протестная активность отдельных групп населения. Начинают открыто действовать экстремистские организации и несистемная оппозиция, ведущие антиправительственную пропаганду. Одновременно субъектом дестабилизации организуются военные коалиции, осуществляется информационно-психологическое, дипломатическое, экономическое, военно-политическое давление на обороняющееся государство, его союзников, партнеров, все международное сообщество с целью аполгии необходимости вторжения на его территорию, снижение его международного престижа, создание негативного образа страны-объекта агрессии. В ее отношении вводятся экономические санкции, возможны блокада и международная изоляция, проводится подготовка вооруженных сил агрессивной стороны к нападению. На этом же этапе агрессивной стороной развязываются и

провоцируются локальные военные конфликты на границах и территории самой обороняющейся стороны или ее союзников. Особенностью данного этапа является возможность его весьма большой длительности, высокой амплитуды, смены периодов относительно мирной обстановки ее обострением, что позволяет субъекту дестабилизации постепенно добиваться своих военно-политических, экономических и иных целей без масштабного применения военной силы.

Этап **демонтажа государства** начинается с перехода к насильственным действиям экстремистских и террористических сетей против органов власти и граждан, официально объединяются различные с идейно-политической точки зрения структуры несистемной оппозиции. Последней начинает явно оказываться всесторонняя поддержка державой-субъектом дестабилизации. Успешное сопротивление государства-объекта дестабилизации силам деструктивного толка предопределяет переход субъекта хаотизации к военной агрессии. Предваряя ее, субъект дестабилизации может инициировать информационно-техническое противоборство и ведение непрямых действий силами вторжения (либо экстремистскими и террористическими формированиями) по выводу из строя критической инфраструктуры страны (систем экономики, банковского сектора, продовольственного обеспечения, энергетики, транспорта, связи) с тем, чтобы оказать давление на население и подтолкнуть его к массовым протестным акциям. Осуществляется и вывод из строя систем государственного и военного управления. Руководство страны, политическая и экономическая элита общества также подвергаются внешнему дипломатическому, экономическому и информационно-психологическому давлению, среди их представителей ведется поиск союзников в деле подрыва конституционного строя. Этап завершается собственно вооруженным вторжением

в страну-объект хаотизации, успех которого определяется решением задач по системной дестабилизации на предыдущих этапах.

Анализ динамики системной дестабилизации показывает, что **основными факторами устойчивости государства, подвергающегося деструктивному воздействию**, являются: идейно-ценностная сфера общества, состояние социально-экономической, межэтнической и межконфессиональной стабильности, уровень поддержки обществом политического режима; система государственного управления, инфраструктура жизнеобеспечения, военная организация; система международных связей и отношений государства с другими державами — союзниками, партнерами, соседями и оппонентами в конфликте.

Данные факторы одновременно выступают и объектами защиты государства-объекта дестабилизации, которое вынуждено реагировать на действия агрессора. Условием срыва мероприятий системной дестабилизации является удержание контроля государства-объекта над данными факторами на латентном этапе и этапе роста напряженности.

Учитывая содержание и особенности динамики системной дестабилизации, можно сформулировать следующий алгоритм мер и действий по недопущению хаотизации государства-объекта.

Латентный этап системной дестабилизации характеризуется реализацией большинства мер и действий стратегии по обеспечению национальной безопасности страны-объекта. Главные мероприятия по недопущению контролируемой нестабильности — меры и действия государства и общества по защите ценностных и идейных основ, «культурного ядра» страны — целесообразно проводить именно на этом этапе. Защита «культурного ядра» страны включает в себя сохранение системы духовных ценностей и исторической памяти, идентичности гражданской нации, а также

проведение информационных кампаний по формированию позитивного образа страны и мероприятий ограничительного и запретительного характера по отношению к деструктивному духовному и информационному воздействию на общество. Заблаговременность реализации подобных защитных мер позволяет нейтрализовать тот комплекс идей, который в последующем составит базис направленной против конституционного строя государства-объекта дестабилизации информационной кампании экстремистских организаций и несистемной оппозиции.

В области обеспечения внутривнутриполитической стабильности представляется продуктивной реализация тех форм деполитизации и снижения противоречий между социальными слоями, этническими группами, религиозными общинами, общегосударственной и региональными элитами, которые обеспечили бы гражданский мир и территориальную целостность страны в долгосрочной перспективе. Наряду с этим целесообразно не допустить формирования экстремистских и террористических сетей на территории государства, не позволить начать им вести агитацию и пропаганду для привлечения все большего числа сторонников в свои ряды.

В латентный период вооруженные силы обеспечивают стратегическое сдерживание агрессии против государства-объекта системной дестабилизации боевым составом мирного времени. Государство-объект дестабилизации снижает уровень внешних военных опасностей и угроз посредством создания системы межгосударственных союзнических связей в области международной безопасности. Превентивными действиями являются участие государства в военно-политических союзах с другими заинтересованными в совместном отражении возможной агрессии державами, в системах коллективной безопасности. Снижению военной опасности отвечает

реализация государством мер доверия и условий международных договоров в сфере безопасности (о стратегических наступательных вооружениях, ограничении обычных вооруженных сил и т.п.) с потенциальными противниками и оппонентами.

На предупреждение межгосударственных конфликтов, формирование пояса дружественных или нейтральных стран вокруг границ государством-объектом дестабилизации может быть направлено и его участие в международных экономических объединениях, поддержание стратегических партнерских отношений в сфере энергетического сотрудничества со странами-оппонентами.

Для ослабления силового давления и военно-политических возможностей своих визави государство-объект дестабилизации может развивать военно-техническое или полномасштабное военное сотрудничество с государствами, находящимися с ними в напряженных отношениях и способными отвлечь на себя их значительные силы.

На латентном этапе наиболее эффективными являются и действия по дезорганизации постоянно существующих военно-политических блоков и коалиций противостоящих держав, проведение в отношении них стратегии непрямых действий экономического и политического характера.

Следуя этим шагам, государство-объект дестабилизации может выстраивать необходимую для обеспечения своей безопасности систему равновесия сил в мире.

На этапе **роста напряженности** продуктивны информационно-психологические операции по консолидирующей пропаганде среди населения государства-объекта системной дестабилизации. В информационном пространстве стран-союзников и партнеров, других членов международного сообщества могут быть проведены имиджевые операции в поддержку действий руководства

страны-объекта хаотизации по предотвращению войн и других международных конфликтов. Целесообразны и мероприятия контрпропаганды в информационной среде агрессора, его союзников и партнеров по коалиции. Также важными мероприятиями на этапе роста напряженности являются действия по срыву конфликтной политической, этнической или религиозной мобилизации различных групп населения страны или отдельных местностей, служащей предварительным условием для подъема массового протестного движения, беспорядков и проведения неконституционной смены власти в стране.

Реализация государством-объектом системной дестабилизации мер антикризисного реагирования в сфере обеспечения внутривнутриполитической стабильности посредством оперативной нейтрализации акций сохранившихся террористических, сепаратистских и экстремистских организаций позволяет предотвратить внутренние столкновения, дестабилизирующие межэтнические, межконфессиональные и иные общественные отношения. Операции по защите конституционного строя в случае необходимости могут проводиться и на территории союзников и партнеров государства-объекта дестабилизации.

Для отражения вооруженной агрессии и организованного вступления в войну вооруженные силы государства-объекта дестабилизации и его союзников могут быть переведены в более высокие степени боевой готовности и приступить к осуществлению более масштабных и продолжительных мероприятий боевой и оперативной подготовки.

Большое значение на данном этапе приобретают дипломатические меры, обеспечивающие распад коалиций потенциального агрессора, его изоляции в международном сообществе. Государством-объектом хаотизации также могут осуществляться дипломатические, экономические и военные действия по

недопущению своей изоляции и блокады с воздушных, наземных и морских направлений, диверсификации собственных международных экономических и иных связей. Государство-объект может также принять участие в локальных военных конфликтах далеко за пределами своей территории, продемонстрировав там высокий уровень боеспособности своих войск как меру силового сдерживания агрессии. Стратегическое сдерживание агрессии против государства-объекта дестабилизации проводится силами боевого состава мирного времени, а основную роль в срыве агрессии начинают играть неядерные высокоточные системы, боеготовность которых может быть повышена.

На этапе **демонтажа государства** поддержание внутривнутриполитической стабильности и территориальной целостности страны может быть обеспечено за счет систематической ликвидации сохранившихся ячеек и подразделений экстремистских и террористических сетей, их изоляции от подполья как на территории охваченных внутривнутригосударственными конфликтами регионов, так и за их пределами. Кроме того для обеспечения политической стабильности по-прежнему целесообразно проведение мероприятий по консолидации общества на базе принципов гражданского мира, межнационального и межконфессионального согласия.

Этап демонтажа государства в сфере межгосударственного противоборства, характеризующийся переходом от локальных приграничных конфликтов к региональной или крупномасштабной войне, предполагает защиту систем государственного и военного управления, критической инфраструктуры страны и реализацию мер по срыву и деэскалации вооруженной агрессии.

На этапе демонтажа государства задача дезорганизации противостоящей коалиции может быть решена либо путем создания угрозы ее разгрома, либо

путем нанесения поражения ее ведущей державе, большинству его союзников. В свою очередь государство-объект дестабилизации и его союзники совместно отражают вооруженную агрессию.

Вслед за началом вооруженной агрессии для государства-объекта дестабилизации вполне оправданной является блокада транспортных, энергетических коммуникаций противника, либо, если потенциал этой меры исчерпан, воспреещение внешней торговли страны-визави путем проведения морских, воздушных и наземных операций.

На данном этапе по мере дальнейшей эскалации вооруженной борьбы целесообразно последовательное использование всех известных форм стратегического силового сдерживания. Вначале оптимальна демонстрация развертывания группировок войск на ожидаемых направлениях вторжения. Если эти действия не обеспечили деэскалацию вооруженного конфликта, возможен переход к нанесению ответных неядерных противосиловых и обезглавливающих ударов по войскам, инфраструктуре и системам управления¹⁰, а также противощекочных ударов по второстепенным целям на территории противника. Последней мерой в этом ряду, если государство-объект дестабилизации располагает ядерным оружием, остается стратегическое ядерное сдерживание на региональном и глобальном уровне в форме неконвенциональных ограниченных ударов по объектам и районам, не относящимся к территории и населению страны-противника. Нанесение прямого заданного ущерба в результате нанесения этих ударов заставит противника осознать бесперспективность его вооруженного вторжения.

Думается, что реализация государством данного комплекса мер и действий позволит не только не допустить перехода системной дестабилизации из латентной фазы в фазу роста напряженности, но и выйти из политического кри-

зиса мирным путем. По крайней мере следование данной системе мер не приведет, как нам представляется, к иницированию внутренних конфликтов и вооруженному столкновению вследствие

понимания государством-субъектом системной дестабилизации невозможности решения в его итоге намеченных политических, экономических и иных задач.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 См.: *Манн С.* Теория хаоса и стратегическое мышление / Пер. Л. Савина // Центр консервативных исследований [Электронный ресурс]. URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/theory/080310032055.xhtml>. (Дата обращения 02.03.2014).
- 2 Подробнее об этом см.: *Бартош А.* Модель «управляемого хаоса» — угроза национальной безопасности России // Независимое военное обозрение. 12 июля 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2013-07-12/4_chaos.html. (Дата обращения 02.03.2014); *Он же.* Цель и механизмы модели «управляемого хаоса» // Независимое военное обозрение. 27 сентября 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2013-09-27/6_chaos.html. (Дата обращения 02.03.2014).
- 3 См.: *Лепский В. Е.* Технологии управляемого хаоса — оружие разрушения субъектности развития // Сайт С. П. Курдюмова [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.ru/what/technologii-upravlyаемого-haosa/>. (Дата обращения 02.03.2014).
- 4 *Попов И. М.* Война будущего: взгляд из-за океана: Военные теории и концепции современных США. М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2004. С. 261.
- 5 Подробнее об этом см.: *Smith E. A.* Effects Based Operations: Applying Network Centric Warfare in Peace, Crisis, and War. Center for Advanced Concepts and Technology. Washington, D.C.: DOD-CCRP, 2002. November; *Попов И. М.* Война будущего: взгляд из-за океана: Военные теории и концепции современных США. М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2004. С. 260-6 Подробнее об этом см.: *Дугин А., Коровин В., Бовдунов А.* Сетевые войны // Сайт С. П. Курдюмова [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.ru/networks/setevye-voyny/4/>. (Дата обращения 02.03.2014).
- 7 Подробнее об этом см.: *Комлева Н. А.* Преэмптивная война как технология ресурсного передела мира // [Электронный ресурс]. URL: <http://akademiagr.ru/preemptivnaya-vojna-kak-technologiya-resursnogo-peredela-mira/>. (Дата обращения 02.03.2014).
- 8 Подробнее об этом см.: *Крупнов Ю.* Преэмптивная война // Сайт Ю. Крупнова [Электронный ресурс]. URL: http://www.krocnov.ru/5/30_1.shtml. (Дата обращения 02.03.2014).
- 9 Подробнее об этом см.: *Сивков К.* По новым правилам // Военно-промышленный курьер. 2013. № 4 (472).
- 10 Подробнее см.: *Богданов С. А.* Вероятный облик вооруженной борьбы будущего // Военная мысль. 2003. № 12. С. 2-7; *Марценюк Ю. А.* Основные тенденции изменения характера войн и вооруженных конфликтов (По опыту военных конфликтов второй половины XX и начала XXI века) // Вестник Академии военных наук. 2005. № 2. С. 134-139.

МЯГКАЯ СИЛА

К ВОПРОСУ РАЗУМНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ.

Чихарев И. А.

Доцент, кандидат политических наук, факультет политологии МГУ им М. В. Ломоносова.

Столетов О. В.

Младший научный сотрудник, факультет политологии МГУ им М. В. Ломоносова.

В статье рассматриваются международно-политический и интеллектуальный аспекты «мягкой силы» и «разумной силы», анализируется российская специфика их восприятия. Проведенный анализ показывает, что стратегия «разумной силы» отвечает запросам современной мировой политической системы. Она позволяет государству действовать в мировой политике в качестве «ответственного лидера», а не «манипулятора», формировать более устойчивую мировую систему принятия коллективных решений, решать задачи глобального развития посредством инновационных и гибких, но стратегически продуманных подходов.

Ключевые слова: «Мягкая сила», «жесткая сила», «умная сила», «разумная сила», стратегии, «ответственное лидерство», внешняя политика, Россия.

In this article the authors address the research question of formulating the most prospective strategy for Russia foreign policy at the modern stage of the evolution of world politics.

In the first part of the article the international political and intellectual context of the formation of scientific concepts of «soft power» and «smart power» is investigated and Russian specificity of their perception is observed. In the second part of the research the authors analyze «soft power» and «intelligent power» as international political strategies of states. Structuring these strategies the authors compare them with «hard power» and «smart power» strategies. Resources, tools and goals of each of these four strategies are analyzed and compared with each other. In the third part of the article the authors examine several specific cases of successful use of «intelligent power» in Russian foreign policy.

Authors conclude that states competing for global leadership can choose one of the four strategies. The analysis shows that «intelligent power» strategy responds to the requirements of modern world political system in the best way. It allows the state to act in world politics as a «responsible leader» and not a «manipulator», to form a more stable collective decision-making world system, to solve problems of global development through innovative and flexible but strategically well-thought-out approaches.

Keywords: «Soft Power», «hard power», «smart power», «intelligent power», strategies, «responsible leadership», foreign policy, Russia.

В последнее время российские политики, ученые и эксперты стали вновь активно обращаться к проблематике «мягкой силы». Сам термин «мягкая сила» обсуждается уже более 20 лет, со времени его введения Джозефом Наем¹, и прошел несколько «пиков» популярности и в России, и за рубежом.

В американском интеллектуально-политическом сообществе всплески интереса к термину и стоящим за ним реалиям можно связать с флуктуациями в динамике американского лидерства.

Возникнув сразу после окончания холодной войны, этот концепт отразил надежды на окончание тяжелого периода конфронтации, военно-силового противостояния двух сверхдержав, переход к более гибким моделям международной конкуренции. Возвращение к проблематике мягкой силы в конце 90-х-начале 2000-х можно связать с разочарованием итогами первого десятилетия «однополярного момента», фрустрацией «одиноким сверхдержавы», так и не сумевшей стать «привлекательным» гегемоном².

Наконец, интерес к теме, вновь проявившийся в 2006-2008 гг., может быть объяснен компенсаторными механизмами, сработавшими после неоконсервативного периода внешней политики США, отягощенного крупными военными операциями и беспрецедентными репутационными потерями в новейшей истории Соединенных Штатов.

За пределами США категория «мягкой силы» получила широкое распространение в концептуальных построениях и стратегических инициативах прежде всего новых претендентов на лидерство в мировой политике — Европейского союза³, Китайской народной республики⁴, Индии⁵. Можно утверждать, что концепция «мягкой мощи» стала одной из наиболее популярных и в международно-политическом дискурсе, и в практике борьбы за власть и влияние на международной арене последних двух десятилетий.

Российские приливы интереса к проблематике «мягкой силы» имеют иную хронологию и природу, лишь отчасти повторяя зарубежную интеллектуальную историю концепта. В 1990-е гг. термин интересовал только американистов и специалистов по теории международных отношений — для практического приложения «мягкой мощи» не существовало ни политической воли, ни ресурсов. Предметный интерес к теме проявляется в конце 90-х-начале 2000-х гг. прежде всего в контексте переориентации внешнеполитического курса на проблемы формирования позитивного образа государства — соответствующий приоритет появился и в Концепции внешней политики. Это вызвало значительный рост количества исследований, посвященных мягкой силе, ее различным аспектам. С этого времени данная тематика заняла прочные позиции в российском международно-политическом контексте, однако и на фоне достаточно устойчивого интереса к ней можно отметить всплеск внимания в начале президентства Д. А.

Медведева (вторая половина 2008 г.) С одной стороны, он произошел под влиянием озабоченности российского интеллектуально-политического сообщества негативным для России информационным фоном грузино-югоосетинского конфликта и операции по принуждению к миру. С другой — был инспирирован инновационным, коммуникабельным и информационно-технологичным стилем нового президента. В этот период американские и российские подходы к основным международным проблемам вступили в очередной кратковременный резонанс — как говорилось выше, администрация Обамы также обновляла стиль и концептуальное оснащение американского лидерства.

В этот период в американских интеллектуально-политических кругах развивается и концепция «smart power», предусматривающая сочетание ресурсов и инструментов «мягкой» и «жесткой силы». За достаточно редким исключением⁶ исследования концепта и феномена smart power в нашей стране развития пока не получили. Вместе с тем этот концепт и основанная на нем стратегия стали, по сути, следующим этапом в развитии понимания категорий власти и влияния в мировой политике и применении новых международно-политических технологий на практике.

Однако во второй половине президентств Медведева и Обамы (2010-2012 гг.) вновь начинают преобладать «жесткая» риторика — в основном, на фоне активного силового вмешательства западных стран в события «арабской весны» и продолжающегося строительства нового позиционного района противоракетной обороны США. Парадоксально, но именно этот период, в который, по сути, уже формулировалась международная повестка нового российского президентства, оказался определяющим для сегодняшних интерпретаций «мягкой силы». Как отмечает В. В. Путин в статье «Россия и меняющийся мир», «в

ходу все чаще и такое понятие, как «мягкая сила» — комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия. К сожалению, нередко эти методы используются для взращивания и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств»⁷. Безусловно, кандидата в президенты России беспокоили в тот момент не только судьбы североафриканских и ближневосточных политических режимов, против которых применялся инструментарий «мягкой силы» — существенное международное давление, осуществляемое за счет «мягких рычагов» (публично-дипломатических и сетевых кампаний, поддержки извне некоторых оппозиционных движений) испытывал и сам российский политический режим. Характерно, что в статье инструменты «мягкой силы» характеризуются как «противоправные». После победы на президентских выборах В. В. Путина такая «обличительно-оборонительная» трактовка сменяется более конструктивной и «проактивной» — инструменты «мягкой силы» планируется теперь широко использовать в российской внешней политике. Во многом под влиянием официального дискурса возрастает внимание к теме со стороны экспертного и научного сообщества.

Сегодняшний интерес к нежестким методам международного влияния в России видится оправданным и своевременным. Безусловно, арсенал средств «мягкой мощи» в последнее время существенно видоизменился и расширился, главным образом, за счет сетевых и других новых технологий. Она все чаще является определяющим ресурсом воздействия современных государств и негосударственных акторов на международные процессы. Россия обладает рядом конкурентных преимуществ в этой

области, включая элементы историко-цивилизационного наследия (русский язык как язык международного общения, культурные достижения всемирного значения, уникальный и универсально значимый ценностный комплекс православной традиции), и новые наработки (профильные организационные структуры государственного и негосударственного типов — «Россотрудничество», Фонд «Русский мир»); распространение русского языка и отечественных интернет-проектов в глобальной сети, зарубежное вещание российского англоязычного канала, организация в России событий, имеющих общемировую значимость — Олимпиады, чемпионата мира по футболу, крупнейших международных дипломатических форумов).

Однако сегодняшняя популярность концепта «мягкой власти» в России сопряжена с некоторыми рисками и противоречиями. Главным можно назвать то, что «на вооружение» принимается понятие, появившееся в совершенно иной политико-культурной среде и само по себе являющееся результатом международного влияния США. Оно изначально отчасти призвано послужить легитимации американского лидерства в мире и в целом закрепляет американскую систему координат в понимании ценностей и логики развития мировой политической системы.

Иными словами, говоря о «мягкой силе» как инструменте внешней политики, мы сразу начинаем с заимствования, попадаем в дискурсивные условия, задаваемые конкурентом. Второй риск связан с тем, что данное заимствование частично уже утратило актуальность — термин появился более 20 лет назад. Если российская внешняя политика претендует на участие в формировании международной повестки дня, такой архаизм сам по себе вряд ли продуктивен. Третья проблема заключается во фрагментарности понимания самого концепта и стоящих за ним реалий в

российском обществе — его целостного восприятия пока не сложилось.

Но содержательно главный риск обусловлен, конечно, не с «возрастом» термин, а опытом, накопленным в сферах его концептуализации и практического применения за последние десятилетия. Прежде всего международные реалии однозначно показывают, что делать ставку только на невоенные инструменты в современном ремилитаризирующемся мире — опасно. Ключевой проблемой в формировании мирополитической стратегии современных субъектов мировой политики является сочетание мягких и жестких инструментов. В частности, именно эта задача явилась центральной в построении внешнеполитической стратегии администрации Барака Обамы. Несмотря на значительные интеллектуальные, информационные и идеологические усилия, эта стратегия, получившая название стратегии “smart power”, едва ли успешно достигает своих целей. Многие международные партнеры США, возможно, еще более негативно оценивают американскую внешнюю политику, сочетающую уверенность о «перезагрузке» с активным применением военных, односторон-

них или манипулятивных технологий, чем прямолинейную и силовую, но в связи с этим более понятную и предсказуемую мирополитическую линию неоконсерваторов. Поэтому проблема сочетания современных инструментов власти и влияния на международной арене в рамках эффективной стратегии остается актуальной и в теории, и на практике.

С учетом этого в данной статье анализируется понятие и стратегия «мягкой силы» в ее соотношении с другими категориями, отражающими власть и влияние в мировой политике — концептами «жесткой силы», “smart power” («умной силы»), и так называемой «разумной силы». Последнее понятие в настоящий момент находится лишь в самой начальной стадии разработки и обсуждения в научных кругах, однако его учет видится актуальным и перспективным в формировании самостоятельной мирополитической стратегии России.

В рамках предлагаемой нами типологии представляется возможным выделить четыре типа силы: «мягкая сила» («soft power»), «жесткая сила» («hard power»), «умная сила» («smart power»), «разумная сила» («intelligent power»).

МЯГКАЯ СИЛА: РЕСУРСЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, СТРАТЕГИИ.

Стратегия «мягкой силы» впервые была четко осмыслена и сформулирована на уровне политологической концепции в 1990 году, когда профессор Гарвардского университета США Дж. Най опубликовал книгу «Обязанный лидировать. Изменение природы американской власти». Книга Дж. Найа предвосхитила такую важную веху в трансформации инструментов мирополитического влияния как война в Персидском заливе и освещение этой войны американским международным телеканалом CNN. Можно считать, что это событие положило начало качественным трансформациям власти и влияния в мировой политике.

«Мягкая сила» основывается на таких ресурсах как культурно-ценностная привлекательность, привлекательность национально-государственной экономической модели развития, привлекательность политической модели.

Культурно-ценностная привлекательность как ресурс «мягкой силы» базируется, в современных условиях, на распространении массовой культуры. Инструментами продвижения культурно-ценностной привлекательности являются создание торговых сетей фаст-фуд с национальной кухней на территории других государств, распространение в мире своего популярного кино,

продвижение на зарубежные рынки определенных национальных товаров. «Мягкая сила» может проявляться через инструментарий продвижения популярной музыки, популярного дизайна. Важным инструментом использования ресурса культурно-ценностной привлекательности являются PR-технологии и рекламные технологии, применяемые в международной сфере. Особое значение имеет создание и продвижение торговых и иных национальных брендов. Для наиболее эффективного продвижения брендов задействуются возможности международного теле- и радиовещания. Инструментом продвижения культурно-ценностной привлекательности также могут быть крупные спортивные мероприятия, организуемые государством, например, олимпийские игры, чемпионат мира по футболу, Универсиада.

Еще один инструмент связан с продвижением вовне национального языка⁸. Как правило, такое продвижение осуществляется посредством специально созданных для этого структур. Это могут быть международные организации языкового сотрудничества, общественные организации, международные культурно-образовательные центры, неправительственные организации и т.д.

Ресурс привлекательности политической модели, как правило, реализуется при помощи таких инструментов как официальная дипломатия, международные СМИ, публичная дипломатия. В рамках официальной дипломатии могут создаваться международные организации, в том числе экономические и военно-политические, многосторонние межгосударственные переговорные площадки, различного рода международные форумы, клубы и т.д. Ресурс публичной дипломатии реализуется главным образом в форме работы некоммерческих организаций, в формате проведения международных конференций, студенческих обменов и т.п.

Ресурс национально-государственной экономической модели развития может быть задействован государствам посредством следующих инструментов: реализация крупных инфраструктурных проектов, в том числе и за пределами своих государственных границ, активное участие в деятельности международных финансовых институтов. Сюда также следует отнести готовность страны оказать экономическую помощь нуждающимся государствам.

Следует отметить, что в настоящее время стратегия «мягкой силы» дополняется «жесткими» составляющими. Например, представляется возможным отнести к «мягкой силе» военно-техническое, военно-образовательное сотрудничество, военную дипломатию, а также демонстрацию военной мощи в форме военных учений⁹.

Стратегия «мягкой силы» призвана оказывать воздействие на сознание как основной массы населения, так и политической и экономической элиты соответствующего государства. При этом стратегия «мягкой силы» в действительности содержит в себе составляющую «жесткости», связанную с навязыванием изначально чуждых стандартов. Другой вопрос, что объект воздействия далеко не всегда способен отдать себе отчет в том, что выбор, который он делает, не является в полной мере свободным выбором.

Результатом реализации стратегии «мягкой силы» должно стать формирование благоприятного внешнеполитического окружения для заинтересованного государства. При этом каких-то четких акцентов в плане определения внешнеполитических союзников стратегия «мягкой силы» не делает. Есть общая установка — воздействовать на внешнеполитическое поведение всех государств, на которых возможно оказывать воздействие, склоняя их к тем или иным международно-политическим шагам.

Специфика стратегии «мягкой силы» состоит в том, что она ориентирована на достаточно долгосрочную перспективу. При этом сам Дж. Най говорит о том, что далеко не всегда воздействие данной стратегии оказывается достаточно

эффективным, и приводит пример Ким Чен Ира, который любил смотреть голливудские фильмы, однако это никак не отразилось на готовности КНДР пойти на уступки в отношении собственной ядерной программы¹⁰.

«ЖЕСТКАЯ СИЛА»: РЕСУРСЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, СТРАТЕГИЯ.

«Жесткая сила» базируется на таких ресурсах как военно-промышленный комплекс государства, характерный для «войн пятого поколения» (контактные войны), эффективность специальных служб, возможности по установлению экономических санкций в отношении тех или иных государств.

Основными инструментами реализации военно-промышленного потенциала в международно-политическом измерении являются: развитие обычных видов вооружения, совершенствование возможностей ядерного противостояния. Формирование системы противоракетной обороны на различных уровнях международной системы, создание военных баз в стратегически значимых точках мира также следует отнести к инструментам «жесткой силы». Проведение контртеррористических операций за рубежом, односторонних военных действий, гуманитарных интервенций, операций по принуждению к миру также следует рассматривать в качестве инструментов «жесткой силы».

Говоря о ресурсе специальных служб, мы подразумеваем как непосредственно специальные службы, занимающиеся внешней разведывательной деятельностью, так и те специальные службы, которые занимаются контрразведкой. Осуществляя сбор интересующей информации, специальные службы задействуют весь имеющийся в их распоряжении набор средств: вербовка агентов, похищение информации, прослушивание, шпионаж и т.п. В числе инструментов «жесткой силы» в этом контексте можно также назвать промышленный шпионаж. Важ-

ным аспектом деятельности спецслужб на современном этапе является не только сбор интересующей информации о деятельности международно-политических контрагентов, но также и предотвращение утечек информации государственной важности в международные СМИ, третьим лицам и т.п. В случае, если такая неконтролируемая утечка происходит, специальные службы стремятся в самые сжатые сроки заблокировать доступ к такого рода закрытой информации. Сегодня в условиях глобализации с реализацией этой функции возникают значительные сложности.

Важным инструментом «жесткой силы» являются экономические санкции в отношении определенных государств. К такого рода санкциям следует отнести эмбарго на экспорт товаров из определенной страны или импорт в указанную страну, запрет на финансовые операции с определенной страной или компанией, представляющей данную страну. Следует отметить, что экономические санкции могут приниматься в различных форматах, либо в одностороннем порядке, либо в рамках соответствующего решения Совета безопасности ООН. Однако в обоих случаях можно говорить о том, что данный ресурс является «жестким».

Следует сказать, что система санкций не ограничивается исключительно торговой сферой. Санкции могут применяться и в дипломатической сфере. Например, могут устанавливаться специальные списки, запрещающие въезд на территорию данного государства определенным лицам. В качестве одного из

последних примеров использования такого инструмента «жесткой силы» можно назвать Акт Магнитского, принятый в США в декабре 2012 года.

Стратегия «жесткой силы» в чистом виде не преследует цели добиться расположения других государств — потенциальных союзников. В данном случае правота государства, обладающего наибольшей «жесткой силой», обусловлена самим фактом комплексного «жесткого» могущества данного государства. Другие государства, которые, возможно, в какой-то мере и симпатизируют указанному государству-гегемону, тем не ме-

нее, главным образом вынуждены подчиняться его решениям.

Иногда значительные ресурсы «жесткой силы» могут не использоваться по своему прямому назначению, однако, на них могут ссылаться как на значимый аргумент в принятии внешнеполитических решений другими государствами. Таким образом, «жесткая сила», даже становясь инструментом международно-политического давления либо шантажа, от этого не становится менее «жесткой». Основной посыл стратегии состоит в принуждении других контрагентов к определенным действиям.

«УМНАЯ СИЛА»: РЕСУРСЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, СТРАТЕГИЯ.

Говоря о соотношении стратегий «мягкой силы» и «умной силы» как от-рефлексируемых феноменов мировой политики, следует отметить, что стратегия «умной силы» хронологически возникает позже. Стратегия «умной силы» начала осмысляться лишь в 2004 году. Тогда Дж. Най опубликовал работу «Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике». Почти одновременно с ним Дж. Наем С. Носсель опубликовала статью «Умная сила»¹¹. С этого времени можно говорить о начале комплексной научной рефлексии стратегии «умной власти». Продолжением рефлексии стратегии «умной власти» мы считаем предложение Дж. Наем концепта «кибер-власти» («*cyber power*»)¹².

Если же рассматривать возникновение «умной силы» в мирополитическом контексте, то необходимо отметить, что появление этого типа силы мы можем связывать с рубежом конца 1990-х годов и начала 2000-х годов. Именно в этот период времени мировая политическая система сталкивается сразу с несколькими значимыми и во многом качественно новыми вызовами. Во-первых, после 11 сентября 2001 года начинается всеобщая война с международным терроризмом. Во-вторых, охват интернета стано-

вится в полной мере глобальным и достигает критически значимой точки. Это приводит к тому, что интернет начинает выполнять совершенно новую социальную функцию. Интернету в глобальном масштабе начинают доверять ту информацию, которая ранее являлась исключительно конфиденциальной. В качестве примера можно назвать появление так называемых виртуальных финансов. В-третьих, происходит очередная трансформация во внешней политике США — Соединенные Штаты переходят к политике так называемых «превентивных ударов». Такого рода удары наносятся по Афганистану (с санкции Совбеза ООН), а также по Ираку.

К основным ресурсам «умной силы» мы относим сетевые интернет ресурсы политической мобилизации, информационные ресурсы, кибернетический потенциал, валютно-финансовые ресурсы, потенциал системно организованного интеллектуального производства в интересах государства.

Инструментами использования сетевых ресурсов политической мобилизации являются социальные сети, блоги. С помощью этих инструментов определенные государства стремятся осуществлять манипулирование социальными

процессами. Речь может идти о манипулировании общественным мнением отдельных групп населения других государств посредством целенаправленного вброса в социальные сети определенной информации. Интернет ресурсы могут быть использованы для поддержки радикальной оппозиции в государствах-контрагентах, поддержка террористических формирований на территории других государств. Например, это может происходить в том случае, если серверы, на базе которых функционируют сайты такого рода организаций, находятся за пределами тех государств, в которых они ведут дестабилизирующую деятельность.

Информационный потенциал «умной власти» на технологическом уровне проявляется в способности осуществлять информационную войну, в первую очередь, через глобальную сеть, но также и через систему международного теле- и радиовещания. Для этого под определенным ракурсом собирается, анализируется и комментируется информация, касающаяся тех или иных внешнеполитических и внутривнутриполитических событий. В определенных случаях можно говорить о целенаправленной утечке конфиденциальной информации. Данная технология направлена уже не на определенные целевые группы в пределах государств, против которых осуществляется воздействие, но на широкое общественное мнение в мире в целом. Тем самым достигается мобилизация мнения глобального гражданского общества и простых граждан различных государств.

Кибернетический потенциал может быть реализован с помощью таких инструментов как кибервойска и киберополчение. Кибервойска представляют собой специально созданные подразделения в рамках вооруженных сил, которые обеспечивают кибернетическую безопасность ключевых объектов. Киберополчение может формироваться под конкретные задачи, в том числе, из чис-

ла продвинутых хакеров, действующих либо самостоятельно, либо посредством специально созданных интернет-вирусов или ботов. Конкретным проявлением «умной силы» являются, например, хорошо известные сегодня DoS-атаки на ключевые информационные, технологические каналы и узлы связи на территории других государств.

Применительно к валютно-финансовому потенциалу государств инструментально представляется возможным говорить о так называемых валютно-финансовых войнах, протекционистских войнах. В условиях, когда большинство государств мира являются членами ВТО, протекционистские войны возникают все чаще. Проявляется это, в частности, в том, что все большее количество государств прибегает к увеличению количества ограничительных мер в сфере торговли. Валютные войны проявляются в политике различных государств, направленной на занижение обменного курса своих национальных валют. В результате происходит снижение реальной стоимости национальной валюты, далее происходит снижение стоимости экспорта, что приводит к увеличению его объемов.

Потенциал системно организованного интеллектуального производства в интересах государства проявляется в выстраивании цепочек связей между государственными органами, транснациональными корпорациями, научно-исследовательскими центрами, действующими как слаженный механизм. Данный механизм занимается производством гуманитарного, естественнонаучного, технического знания в интересах государства и создает конкретные пилотные модели в качестве результата своих исследований, а затем внедряет их в международно-политическую практику.

Возможности для реализации стратегии «умной силы» возникают в условиях перехода современной мировой политической системы к эпохе так называемых

«войн шестого поколения». Целью войн данного типа является разгром бесконтактным способом военного и экономического потенциала любого государства на любом удалении от противника¹³. При этом не преследуется цель нанести непоправимый ущерб живой силе противника, сопоставимый с тем ущербом, который наносился в эпоху войн предыдущего поколения. Разрушение систем политического и военного управления делает дальнейшее сопротивление армии бессмысленным и приводит к капитуляции. Само по себе участие солдат в такого рода войнах постепенно сводится к минимуму. Целый ряд боевых функций выполняют самолеты-беспилотники, специальные роботы. Особое место в бесконтактных войнах занимают спутниковые системы глобального позиционирования.

Стратегия «умной силы» направлена на удержание доминирования, в то же время ее нельзя назвать стратегией на завоевание лидерства. Результатом стратегии «умной силы» на практике становится не повышение международно-политической стабильности и не решение задач глобального устойчивого развития, но в значительной мере, наоборот, нарастание геополитических рисков¹⁴. В частности, это происходит потому,

что чрезмерная виртуализация мировой политики, которая является следствием использования стратегии «умной силы», размывает все основные принципы организации международной жизни. Это приводит к тому, что градус взаимного недоверия между государствами все больше нарастает.

Стратегия «умной силы», таким образом, не снимает противоречия между реалистским и либеральным подходами к мировой политике и международным отношениям. В рамках реализации стратегии «умной силы» лишь декларируется многосторонность принимаемых решений и значимость укрепления международных институтов. На практике либеральная риторика лишь более изощренным образом маскирует реалистские установки государства, которое реализует такую стратегию. Другие же государства, определяемые как союзники, на практике продолжают рассматриваться исключительно как средство достижения целей государством, стремящимся к сохранению доминирования. В этом контексте, например, заявления руководства США о переходе к политике многосторонности, на практике означали лишь стремление Соединенных Штатов переложить часть своего бремени на другие государства.

«РАЗУМНАЯ СИЛА»: РЕСУРСЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, СТРАТЕГИЯ.

Теоретическое становление стратегии «разумной силы» для государства связано с работой научного семинара в пакистанском университете Карачи в 2010 году. Тем не менее, как нам представляется, на данном семинаре данный концепт был лишь намечен, но в полной мере не отрефлексирован¹⁵. В данной статье делается попытка продолжить рассмотрение концепта «разумной силы», а также отчасти уточнить его понимание.

К ресурсам «разумной силы» следует отнести: научно-исследовательский потенциал, инновационно-технологиче-

ский потенциал, потенциал информационно-интеллектуальной защищенности, потенциал дискурсивного влияния, потенциал глобального проектирования.

Инструментами научно-исследовательского потенциала являются научная деятельность ведущих национально-исследовательских университетов, «фабрика мысли». Указанная деятельность проявляется в форме дискурсивного влияния. Примерный уровень дискурсивного влияния может быть определен посредством оценки уровня цитируемости профессоров университетов и иссле-

довательских центров данного государства, а также посредством определения места национальных образовательных учреждений в международных рейтингах.

В инновационно-технологический потенциал гуманитарной направленности мы включаем, в том числе, и военные технологии двойного назначения, которые могут быть адаптированы к гражданскому предназначению. Например, речь идет о тех технологиях, которые могут быть использованы для борьбы со стихийными бедствиями, техногенными катастрофами, негативными проявлениями в окружающей среде, вызванными обострением природных и социоприродных глобальных проблем.

Важным инструментом реализации инновационно-технологического потенциала гуманитарной направленности является модернизационная дипломатия. Данная разновидность дипломатии предусматривает выстраивание научного и научно-технологического сотрудничества с другими государствами. Конкретным проявлением дипломатии такого рода можно рассматривать сотрудничество в космической сфере¹⁶, в сфере энергетики и т.п.

Потенциал информационно-интеллектуальной защищенности реализуется при помощи образовательно-воспитательных, телекоммуникационных и компьютерных инструментов противодействия манипуляции сознанием, продвижение инициатив по формированию международного нормативно-правового регулирования сферы информационного и киберпространства. Особое внимание в данном случае уделяется кибербезопасности. В целях обеспечения безопасности в киберпространстве государства ставят перед собой задачи организовывать подобие учений — имитации кибернетических атак в учебных целях.

Потенциал глобального проектирования может проявляться в различных

сферах международной жизни. Для примера возьмем финансовую сферу. В ней потенциал глобального проектирования представлен способностью государства, ориентируясь на свои долгосрочные экономические интересы, достигать кооперации с другими государствами по вопросам реформирования международной финансовой системы в целях повышения ее устойчивости. На уровне конкретных инструментов речь в данном случае идет о преобразовании существующих международных экономических институтов и создании качественно новых экономических и политико-экономических структур, призванных осуществлять более эффективное управление глобальными финансово-экономическими процессами (международные банки развития, международные стабилизационные фонды).

Иные форматы глобального проектирования могут обнаруживать себя по-разному. Это могут быть комплексные поисковые прогностические исследования, форсайт-проекты, использующие самые передовые технологии обработки данных. Это могут быть конкретные инициативы по созданию открытых и прозрачных международных клубов ученых, занимающихся глобальными исследованиями. Осуществляющиеся сегодня глобальные исследования зачастую многими критикуются именно из-за их односторонности и недостаточно объективности. Структуры же, которые их осуществляют, являются достаточно закрытыми и, как правило, не позволяют обычному человеку получить доступ к методологии проводимых ими исследований. Подобное положение дел не соответствует тем вызовам, которые стоят перед международным сообществом и должно быть качественным образом скорректировано в рамках реализации стратегии «разумной силы».

В современной мировой политике существует запрос на функцию «ответственного лидера». В данном случае речь

идет о том, в мировой политике все шире используются двойные стандарты, односторонние подходы к одним проблемам мирового развития при полном игнорировании других. Стратегию «разумной силы» можно рассматривать в ключе если не полного преодоления использования двойных стандартов в мировой политике, но сведения этого использования к минимуму.

Ответственность в мировой политике в данном случае проявляется не только в готовности называть явления международной жизни своими именами, но также предполагает уважительное отношение к культурным нормам и религи-

озным чувствам других государств, знание и понимание истории других государств, готовность признать за другими государствами право на их собственную цивилизационную идентичность.

Стратегия «разумной силы», осознавая ограниченность имеющихся на планете ресурсов, высокий уровень взаимной зависимости, отказывается от логики гонки вооружений и переходит к логике формирования и поддержания в состоянии постоянной боеготовности компактных сверхсовременных сил, в количественном отношении соответствующих задачам оборонной достаточности.

«РАЗУМНАЯ СИЛА» В КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ.

В обновленной Концепции внешней политики РФ, утвержденной президентом В. В. Путиным 12 февраля 2013 года, присутствует целый ряд положений, позволяющих говорить о том, что внешнеполитическая стратегия России эволюционирует в сторону модели «разумной силы». Об этом говорят такие установки Концепции как «содействие становлению внеблоковых сетевых альянсов, активное участие в них России», содействие созданию «под эгидой ООН и других международных и региональных организаций эффективных структур взаимодействия по реагированию на стихийные бедствия и крупные техногенные катастрофы, другие чрезвычайные ситуации»¹⁷.

В Концепции также зафиксирован принцип обеспечения национальной и международной информационной безопасности. Информация безопасность, согласно документу, предполагает «предотвращение угроз политической, экономической и общественной безопасности государства, возникающих в информационном пространстве для борьбы с терроризмом и иными криминальными угрозами в сфере применения информа-

ционно-коммуникативных технологий». Для российской дипломатии ставится задача «добиваться выработки под эгидой ООН правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности»¹⁸.

Еще один важный аспект «разумной силы», присутствующий в Концепции, связан с тем, что Россия начинает более активно и более творчески осмысливать свои пространственные возможности. В данном случае имеются в виду возможности для торгового и транспортного сотрудничества. Например, Северный морской путь рассматривается как национальная транспортная коммуникационная система России в Арктике, при этом открытая для международного судоходства на взаимовыгодной основе¹⁹.

Примером демонстрации реализации Россией стратегии «разумной силы» является современная международная политика России по вопросу урегулирования внутрисирийского конфликта. Международно-политическая инициатива России, касающаяся постановки сирийского химического оружия под международный контроль и последующего его уничтожения была озвучена

министром иностранных дел России Сергеем Лавровым 9 сентября 2013 года. Данная инициатива смогла значительно снизить вероятность военной агрессии в отношении Сирии со стороны стран НАТО, продемонстрировала эффективность российской дипломатии на сирийском направлении, способствовала снижению уровня конфронтационности в российско-американских отношениях.

Как следствие, данная инициатива была достаточно высоко оценена на международной арене. Официально предложение России о передаче химического оружия в Сирии под международный контроль было поддержано США, Европейским Союзом, Японией, Израилем, Ираном, КНР, Организацией объединенных наций, Лигой арабских государств, Шанхайской организацией сотрудничества. К реализации инициативы России удалось подключить Организацию по запрещению химического оружия, а на уровне Совета Безопасности ООН — добиться принятия резолюции в поддержку плана ликвидации химического оружия.

Одновременно инициатива послужила значимым индикатором для характеристики действий сирийской оппозиции, которая отвергла российскую идею и выступила с однозначным требованием «ответа» стран Запада на действия «режима Асада», якобы применившего химическое оружие²⁰.

Представляется актуальным пояснить, почему российскую политику по выдвижению и реализации инициативы в отношении Сирии мы рассматриваем именно как проявление «разумной силы». С одной стороны, инициатива является дипломатической, так как опирается на многосторонний переговорный процесс, в частности, в рамках международных конференций в Женеве, где принимают участие все заинтересованные стороны. В результате международной поддержки российской инициативы Сирия была интегрирована в правовую си-

стему, установленную Конвенцией о запрещении химического оружия²¹. Таким образом, Россия на практике способствовала укреплению принципов международного права. При этом выдвижение Россией своей инициативы по Сирии сопровождалось нахождением специально созданной группой Средиземноморского оперативного соединения ВМФ России в Средиземном и Красном морях. Группировка приступила к выполнению поставленных задач с 1 июня 2013 года и параллельно постепенно наращивала свою численность по мере включения в ее состав кораблей различных классов, представляющих Северный, Черноморский, Балтийский, Тихоокеанский флоты²².

Весьма показательным в этом контексте также то, что в сентябре 2013 года российская система предупреждения о ракетном нападении в Армавире зафиксировала запуск двух баллистических ракет из акватории Средиземного моря. Данный запуск являлся частью испытаний системы ПРО, проводимых Израилем совместно с США²³. Тем самым была продемонстрирована оперативная боеготовность российского военного объекта. Таким образом «мягкая» дипломатическая составляющая инициативы была уравновешена усилением «жесткого» военного присутствием в зоне возможного конфликта.

В настоящее время российские вооруженные силы сохраняют свое военное присутствие в регионе. В конце января 2014 года экипажи российских и китайских военных кораблей, находящиеся в Средиземном море и обеспечивающие безопасность международной операции по транспортировке сирийского химического оружия, провели совместное тактическое учение по противодействию терроризму²⁴.

Отстаивая конструктивную позицию по Сирии, Россия продемонстрировала умение оперативно и взвешенно анализировать позиции своих внешнеполити-

ческих контрагентов, в первую очередь Соединенных Штатов. Относительная неуверенность США по сирийскому вопросу, вызванная, в том числе, негативным отношением американской общественности к возможной очередной военной операции, внутренними экономическими проблемами Америки, была своевременно зафиксирована и использована российской стороной. Был учтен Россией также опыт голосования в британской Палате общин по вопросу военного удара по Сирии, состоявшегося 30 августа 2013 года, когда большинство депутатов отказало кабинету Дэвида Кэмерона в поддержке идеи военного удара. В результате реакция России на заявление госсекретаря США Джона Керри, касающееся того, что в случае разоружения Сирии США могут отказаться от проведения военной операции в этой стране, была практически мгновенной. Скорость российской реакции также продемонстрировала способность России получить быстрое согласие официального сирийского руководства на предлагаемый для него «разумный» вариант. Российская инициатива по химическому оружию практически сразу после ее оглашения была поддержана министром иностранных дел Сирии Валидом Муаллемом²⁵.

Отметим также, что внимание к предложению России по сирийскому вопросу возникло как у зарубежных политиков, так и простых граждан иностранных государств, в том числе, благодаря работе с зарубежной аудиторией, которую проводил российский международный телеканал «Russia Today» («RT»). «RT» к моменту обострения споров по ситуации в Сирии, после вероятного применения химического оружия 21 августа 2013 года, являлся самым популярным иностранным англоязычным телеканалом в Великобритании, а также занимал второе место по популярности среди иностранных телеканалов после ВВС в США²⁶.

Сегодня процесс вывоза химического оружия из Сирии протекает достаточно медленно. Тем не менее, данный аспект не следует рассматривать в качестве слабого звена в российской инициативе. Задержки в транспортировке вызваны необходимостью всестороннего обеспечения безопасности перевозимых грузов²⁷. Поэтому критика России за медленную динамику процесса уничтожения сирийского химического оружия со стороны американской стороны в существующей ситуации повышенной нестабильности в Сирии не отличается конструктивностью²⁸.

Другой важный пример использования Россией «разумной силы» представлен реакцией на «шпионский скандал», связанный с правозащитной деятельностью бывшего сотрудника Агентства национальной безопасности и Центрального разведывательного управления США Эдвард Сноудена, оказавшегося на территории России.

В истории с Э. Сноуденом Россией было продемонстрировано умелое использование экспертной дипломатии. Результатом заочной коммуникации Э. Сноудена в момент его нахождения в транзитной зоне аэропорта «Шереметьево» с руководством России стала организация встречи-брифинга бывшего агента АНБ с представителями российских правозащитных организаций²⁹. Россия, кроме того, показала умение эффективно использовать тактические просчеты своих внешнеполитических контрагентов. Речь идет о том, что Э. Сноуден не смог покинуть Россию именно потому, что его американский паспорт был аннулирован самими Соединенными Штатами. Эти действия США сделали сам вылет Э. Сноудена из Москвы невозможным в принципе³⁰.

Предоставление Э. Сноудену временного убежища в РФ сроком на один год также представляется возможным рассматривать как достаточно гибкое для России решение, сохраняющее для нее

свободу действий. Безопасность Э. Сноудену была гарантирована, однако каких-либо обязательств в этой связи Россией на себя официально взято не было. Например, Россия поставила точку в разговорах о том, что Э. Сноуден в перспективе может быть обменен у Соединенных Штатов на какого-либо важного для нее российского гражданина. Россия, в частности, озвучила тезис о том, что между РФ и США, как следствие позиции, занимаемой самими Соединенными Штатами, отсутствует соглашение о выдаче³¹. Российский МИД указал на то, что департамент США, требуя выдачи Э. Сноудена, намеренно смешивает понятия экстрадиции и рутинной депортации иностранцев, нарушивших американские законы.

Организация пребывания Э. Сноудена в России не была связана с прекращением коммуникации последнего с внешним миром. В октябре 2013 года для Э. Сноудена была реализована возможность встретиться со своим отцом, Лоном Сноуденом, прилетевшим в Россию³². Данный пример как бы демонстрирует, что для России времена «железного занавеса» остались позади.

Сдержанная симпатия ряда российских правозащитников и политиков в отношении деятельности Э. Сноудена позволила России продемонстрировать международному сообществу собственное неприятие существующей американской системы тотального слежения. В то же время официальная реакция России не была чрезмерно импульсивной, что позволило не допустить эскалации напряженности в отношениях с Соединенными Штатами. Показательно в этой связи, что в январе 2014 года два члена парламента Норвегии выдвинули Э. Сноудена на Нобелевскую премию мира. Данный факт, как представляется, говорит о том, что принципиальность позиции Сноудена, касающейся права на частную жизнь, в мире скорее уважают, нежели критикуют³³.

Не будем забывать и о «жесткой» составляющей «разумной силы».

В целях проверки текущего состояния боеготовности российских вооруженных сил в 2013 году была проведена серия внезапных учений всех родов войск³⁴. В частности, учения, проведенные в июне 2013 года, стали самыми масштабными за последние 20 лет. В общей сложности в маневрах приняло участие 160 тыс. военнослужащих, более 100 самолетов, 1000 танков и около 70 кораблей³⁵. Помимо решения задач собственно боевой подготовки такого рода учения имеют важную демонстрационную функцию, что позволяет их отнести к инструментарию «разумной силы».

Заметим также, что 15 января 2013 года президентом России В. Путиным были подписаны документы, реализация которых призвана обеспечить кибербезопасность России. Речь идет об Указе «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации», а также «Основах государственной политики РФ в области международной информационной безопасности РФ на период до 2020 года»³⁶.

Задачи по созданию государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак, согласно обозначенному выше Указу, возложены на Федеральную службу безопасности России³⁷. Система должна обеспечить безопасность информационных и информационно-телекоммуникационных сетей, находящихся как на территории России, так и в дипломатических и консульских учреждениях РФ за рубежом.

«Основы государственной политики РФ» в числе прочего закрепляют важнейшую установку внешней политики страны на продвижение на международной арене инициативы, касающейся интернационализации управления информационно-телекоммуникационной

сеть «Интернет» и увеличения роли Международного союза электросвязи в сфере управления сетью «Интернет»³⁸.

Представляется, что сегодня в России созданы условия для выработки оптимальной внешнеполитической стратегии. В современных реалиях ускорения глобальных процессов и возросшей турбулентности отечественным исследователям и политикам необходимо действовать на опережение и стремиться предвидеть новые тенденции, запросы и вызовы — те вызовы, которые не являются до конца осознанными субъектами мировой политики сегодня, но будут ими осознаны завтра или послезавтра. Если придерживаться данной точки зрения, то совершенствование инструментария «мягкой силы» в контексте решения Россией стратегических внешнеполитических задач должно сопровождаться динамичным развитием инструментария «разумной силы». Как видим из приведенного выше анализа, целый ряд начинаний в этом направлении российским политическим руководством уже сделан.

Стратегия «разумной силы», как представляется, является наиболее адекватной стратегией, направленной на конструктивное участие в системе коллективного глобального лидерства на современном этапе трансформации международной системы. Данная стратегия не предполагает установления гегемонии либо доминирования какого-либо одного государства в мировой системе. Стратегия «разумной силы» отдает приоритет построению многополярного мира, в рамках которого будет происходить сокращение геополитических рисков. Тем самым стратегия «разумной силы» призвана устранить характерный для «умной силы» перекося в сторону чрезмерной «жесткости» в международной деятельности. Стратегия «разумной силы» имеет своей прямой целью нахождение параллельных интересов в целях преодоления общих проблем и решения общих задач. Эти стратегические цели в долгосрочной перспективе, безусловно, отвечают не только интересам России, но и интересам международного сообщества в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991. — 336 p.
- 2 Nye J. S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York, 2004. — 192 p.
- 3 Song L. The Discourse of EU's Power and its Mediterranean Policy // Fudan University. — P. 1 — 15. — www.garnet-eu.org/fileadmin/documents/phd_school/6th.../Lilei.pdf
- 4 Cui Liru China's Rise vs. International Order Evolution // China Institutes of Contemporary International Relations. — № 18 (1), 2008. — http://www.cicir.ac.cn/tbscms/module_gjgx/layernext.asp?rid=xdgigx_en&count=3&index0=16&index1=1; Лю Цзайци «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. — №4, 2009. — С. 149 — 155.
- 5 Raghavan V. R. Soft Power in the Asia Pacific // The Stanley Foundation, 31.05.2007. — csa-chennai.org/Files/softpower.pdf; Shashi Tharoor Indian Strategic Power: 'Soft' // Global Brief, 13 May, 2009. — <http://globalbrief.ca/blog/2009/05/13/soft-is-the-word/>
- 6 Столетов О. В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: smart power? // Полис, 2009, №4; Чихарев И. А. «Умная мощь» в арсенале мировой политики // Международные процессы, 2011, №1
- 7 Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости, 27.02.2012.
- 8 Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль — XXI. — № 10, 2004. — http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm
- 9 Nye J. S. The war on soft power // Foreign policy, 12.04.2011. — http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/04/12/the_war_on_soft_power

- 10 Nye J. S. The future of power. — New York : PublicAffairs, 2011. — P.13-14.
- 11 Nossel S. «Smart Power» // Foreign Affairs. — Volume 83. — No. 2, March-April, 2004. P. 131-142.
- 12 Nye J. S. Cyber power // Harvard Kennedy School. Belfer Center for Science and International Affairs. — May, 2010. — <http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/cyber-power.pdf>
- 13 Фененко А. В. Войны шестого поколения // Международная жизнь. — №2, 2004. — <http://www.obraforum.ru/pdf/art1.pdf>
- 14 Пономарева Е. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. — №3/4 (1632), 2012. — С.43 — 59.
- 15 Костырев А. Г. «Разумная сила», общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики // Полис. Политические исследования. — №2, 2013. — С. 143-149.
- 16 Лузин П. Космос как инструмент мягкой силы внешней политики России // Индекс безопасности. — №3-4 (102-103). — Т.18. — С. 203 — 208.
- 17 Концепция внешней политики Российской Федерации. 12.02.2013. — http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F
- 18 Там же.
- 19 Там же.
- 20 Предложение России по Сирии: реакция мирового сообщества // ИТАР-ТАСС, 10.09.2013. — <http://itar-tass.com/politika/674855>
- 21 В Организацию по запрещению химического оружия вступила Сирия, 14.10.2013. — http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=21731&d_no=70172 — .Ut5KgyAgE08
- 22 Средиземноморская группировка ВМФ РФ приступила к выполнению задач // Российская газета, 06.06.2013. — http://ria.ru/defense_safety/20130606/941879484.html
- 23 Израильская ракета-мишень вызвала панику в Кремле // Ино-СМИ, 03.09.2013. — <http://inosmi.ru/world/20130903/212576306.html>
- 24 Россия и Китай начали подготовку к совместным антитеррористическим учения // KM.RU, 12.02.2014. — <http://www.km.ru/world/2014/02/12/problemu-oborony-i-bezopasnosti-v-mire/732151-rossiya-i-kitai-nachali-podgotovku-k->
- 25 Сирия поддержала идею контроля над химоружием // Русская служба BBC, 09.09.2013. — http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/09/130909_syria_lavrov_statement.shtml
- 26 Запад опасается мирового успеха RT // RT на русском, 14.03.2013. — <http://russian.rt.com/article/5727>
- 27 Вывоз химического оружия из Сирии затягивается // Вести.ru, 05.02.2014. — <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1251155>
- 28 Ответственность за уничтожение сирийского химоружия США возложили на Россию // Вести.ru, 11.02.2014. — <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1274538>
- 29 Генюш С. В. Экспертная дипломатия: гражданское общество на службе внешней политики // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — №5. — Т.5, 2012. — <http://cyberleninka.ru/article/n/ekspertnaya-diplomatiya-grazhdanskoe-obschestvo-na-sluzhbe-vneshney-politiki>
- 30 Сноуден не может покинуть Москву без паспорта // РИА-Новости, 30.06.2013. — <http://ria.ru/world/20130630/946689689.html>
- 31 После саммита G-20 Путин ответил на вопросы о Сноудене, «Уралкалии» и Олимпиаде // Newsrucom, 06.09.2013. — <http://www.newsru.com/russia/06sep2013/snowden.html>
- 32 Отец экс-сотрудника ЦРУ Лон Сноуден встретился с сыном // RBC, 11.10.2014. — <http://rbcdaily.ru/society/562949989204755>
- 33 Эдвард Сноуден номинирован на Нобелевскую премию мира // МК.RU, 29.01.2014. — <http://www.mk.ru/social/article/2014/01/30/977785-edvard-snouden-nominirovann-na-nobelevskuyu-premiyu-mira.html>
- 34 Военная ревизия. Россия вооружится по-умному // Вести недели, 01.12.2013. — <http://vesti7.ru/news?id=41804>
- 35 В России проходят крупнейшие со времен СССР военные учения // Ино-ТВ, 14.06.2013. — <http://inotv.rt.com/2013-07-14/V-Rossii-prohodyat-krupnejshie-so>

- 36 Бородакий Ю. В., Добродеев А. Ю., Бутусов И. В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века (Часть 1) // Вопросы кибербезопасности. — №1, 2013. — С. 2 — 9. — http://cnpo.ru/doc/%D0%9A%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_1-2013.pdf — page=4
- 37 Указ Президента Российской Федерации от 15 января 2013 г. №31. — <http://www.rg.ru/2013/01/18/komp-ataki-site-dok.html>
- 38 Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года. — <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/114.html>

ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» В КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ ФРАНЦИИ

Косенко С. И.

Кандидат политических наук.

Заместитель Почетного консула РФ в Лозанне (Швейцария).

В статье рассматриваются некоторые актуальные аспекты культурной дипломатии Франции как атрибута «мягкой силы»; подчеркивается традиционно особое место культурной политики в стратегии сохранения и усиления глобального влияния Франции в условиях скрытого противостояния лингвокультурному давлению США и их претензиям на духовное лидерство в современном мире. Мягкая сила всегда играла большую роль в реализации Францией своей внешней политики. По мере расширения глобализации все более острой и злободневной для стран с развитой культурой становится задача сохранения и защиты своей национальной самобытности и цивилизационного своеобразия. В этом смысле великая культурная держава — Франция — являет собой яркий и убедительный пример страны, которая, благодаря целенаправленной и продуманной государственной политике в области культуры, на протяжении веков твердо отстаивала и продолжает успешно отстаивать свою «культурную исключительность».

Ключевые слова: Франция, мягкая сила, мягкое могущество, дипломатия влияния, культурная дипломатия, мировая политика.

THE CULTURAL DIPLOMACY AS A FACTOR OF THE FRANCE'S "SOFT POWER"

Kossenko Serguei.

Phd, Deputy Honorary Consul of the Russian Federation in Lausanne (Switzerland).

Annotation. In the article some relevant aspects of the French cultural diplomacy are considered as a factor of the France's "soft power". The historically particular place of the cultural policy is emphasized as part of the French strategy aimed to preserve and, ideally, to extend its influence as a great power while the globalization era and, in particular, within the context of its traditional opposition to the USA pursuit of the spiritual leadership

Key words: soft power, cultural diplomacy, cultural policy, France.

Рассмотрение культурной политики Франции в контексте проблематики «мягкой силы» или *soft power*¹, по мнению автора, прямо соотносится с насущными задачами внутренней и внешней политики современной России. Во-первых, традиционная культура и моральные ценности нашей страны в условиях глобализации также испытывают на себе негативные последствия заокеанского прессинга, что, в свою очередь, требует адекватного противодействия. Во-вторых, в отличие от Франции, культура как фактор «мягкой силы», как средство повышения привлекательности имиджа страны и, соответственно, усиления ее авторитета и влияния в окружающем

мире занимает пока еще мало места во внешнеполитической доктрине и в практических действиях России на мировой арене.

9 июля 2012 г. на совещании послов и постоянных представителей России президент России В. В. Путин, пожалуй, впервые обратил внимание отечественной дипломатии на необходимость использовать в работе «мягкую силу». Это подразумевает «продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре и интеллектуальной сфере»². В этой связи один из исследо-

вателей этой проблематики профессор МГИМО Елена Пономарева справедливо обращает внимание на то, что «роль и значение «мягкой силы» (МС), которая использовалась еще в подготовке крушения советской системы и вплоть до реализации проекта «твиттер-революций» в арабском мире, постоянно возрастает. Сегодня практически ни одно даже малозначимое событие в мировой политике не происходит без использо-

вания МС, многократно усиленной новейшими информационными и когнитивными технологиями. Более того, в современных условиях именно «мягкая сила» зачастую обеспечивает информационную артподготовку, готовит плацдарм для прямого военного вмешательства. Поэтому пришло время исправлять допущенные ошибки — «мягкая сила» становится одной из опор российской внешней политики»³.

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ

Уже давно ни для кого не секрет, что именно сильная Россия, а отнюдь не идеологически враждебный Западу Советский Союз, всегда была и остается главным геополитическим и стратегическим противником США в их стремлении к мировому господству, в поисках новых, легкодоступных природных ресурсов. Поэтому и сегодня против уже «неокапиталистической» России США и их союзники, как и в советские времена, активно используют для ослабления «московского режима» и «разрыхления» всех тканей российского общества испытанные средства «мягкой силы». В частности, наряду с продуктами массовой культуры и шоу-бизнеса в процессе формирования особого культурного и психологического климата как в России, так и вокруг нее наши западные визави используют окрики, нравоучения, назидания и развесистую демагогию на темы прав человека, абсолютной свободы личности, творчества, информации, выражения идей, мнений и т.п.

В этом идейном противоборстве, которое вполне можно квалифицировать как рецидив «холодной войны» со стороны США, противники крепкой России добились определенного успеха — за двадцать с небольшим лет «демократического» развития, ее, как и большинство стран планеты, буквально захлестнула волна низкопробной продукции массовой заокеанской культуры. Но, что более

печально и тревожно — в общественном сознании россиян все больше утверждаются признаки и стереотипы американского мышления/менталитета со ставкой на сакрализацию и культ богатства и силы, на пропаганду наживы, аморальности и вседозволенности, т.е. качеств, прямо противоположных исконной русской нравственности, морали и высокой русскоязычной культуре, объединяемых понятием «духовность». Такая «идейная обработка мозгов» особенно опасна в условиях практически бесконтрольного доступа населения к новейшим техническим средствам информации и коммуникации (мобильная телефония, интернет, социальные сети и т.п.), производство и сбыт которых, как известно, контролируются транснациональными или чисто американскими компаниями в планетарном масштабе.

В таких условиях «культурной» интервенции основная задача новой политики России в области культуры и — шире — в гуманитарной сфере видится, прежде всего, в решительном противодействии лингвокультурному давлению из-за океана, нацеленному на дебилизацию населения страны, на его духовное перерождение, порабощение и окончательное превращение в бездумного потребителя суррогатной «культурной» заокеанской продукции. Для краткости эту задачу можно обозначить как возрождение российской духовности. В этом вопро-

се французский опыт может оказаться весьма и весьма полезным. Франция, будучи на протяжении почти двух веков признанным духовным «маяком» западной цивилизации, по мере наступления американского гегемонизма — после создания Версальской системы в 1918 г. и особенно после Второй мировой войны — постепенно стала утрачивать эту роль. Однако за счет проведения последовательной и эффективной государственной культурной политики, как одного из атрибутов своего «мягкого могущества» («*puissance douce*»), смогла в известной степени сохранить национальное своеобразие, престиж и влияние в международных делах. Несмотря на все имеющиеся факты «упадка» влияния Франции в последние годы, следует признать, что оно не измеряется только военными, экономическими и политическими факторами. Это влияние в полной мере определено ее способностью привлекать своим образом жизни, своими идеями и знаниями, культурой, иными несиловыми и нематериальными факторами. Именно «мягкое могущество» позволяет Франции и сегодня в условиях жесткой конкуренции сохранять в международных отношениях свои приоритеты и отстаивать свои позиции. Такое положение вещей обусловлено, в частности, тем, что внешняя культурная и научная политика всегда находились и находятся в центре внешнеполитической стратегии этой страны, обеспечивая сохранение и даже расширение французского влияния.

Видный французский историк Фернан Бродель в своей фундаментальной работе «Грамматика цивилизаций» утверждал, что любая традиционная культура всегда привязана исторически и географически к определенному обществу и не может существовать, совершенствоваться и передаваться вне общества⁴. По Броделю, в мире нет обществ, не обладающих своей собственной, специфической культурой — национальной, народ-

ной (на уровне страны), региональной (эльзасской, баварской или каталонской), буржуазной или пролетарской (в зависимости от социальной ориентации), элитарной или массовой и т.д. Но в любом случае, будучи тесно связанной с языком, такая самобытная культура является показателем и сущностью неповторимой индивидуальности данного народа или социальной группы.

Глобализация же стремится размыть или разрушить эти рамки, рассматривая культуру и культурную «продукцию» сугубо под коммерческим углом, с точки зрения получения торговых преимуществ и прибыли. Поэтому именно Франции мир обязан тем, что в итоге переговоров, ведущихся уже много лет в рамках Всемирной торговой организации (ВТО), культурная продукция до сих пор не признана «обычным товаром». Движение именно французских антиглобалистов привело в апреле 1998 г. к провалу пресловутого Многостороннего соглашения об инвестициях (АМІ), куда англосаксонские противники Франции во главе с США хотели записать это определение, а в ноябре того же года — к отмене встречи ВТО на высшем уровне в Сиэттле.

Для понимания пагубного воздействия глобализации на культуру необходимо провести четкое разделение между понятиями «культура», как производное духа, и «культурной индустрии», как феномена и результата экономического развития. В этой связи необходимо вспомнить представителей так называемой франкфуртской школы, видных западных социологов Теодора Адорно и Макса Хоркхаймер, которые впервые использовали термин «культурная индустрия» еще в 1947 г. в своей известной работе «Диалектика просвещения»⁵. В этой работе они единодушно осудили индустриальное воспроизведение продуктов культуры, усматривая в нем угрозу не только художественному творчеству, но и опасность подавления лич-

ности, индивидуальности. Немецкие ученые не без оснований утверждали, что такая «стандартизованная и приукрашенная культурная продукция служит орудием манипулирования послушными и пассивными массами»⁶. Следует добавить, что все приверженцы франкфуртской школы (в том числе Герберт Маркузе) выделяли негативную сторону искусственной стандартизации и «маршандизации», то есть «отоваривания» культуры. Не случайно на мировом рынке культурной продукции ведется ожесточенная конкурентная борьба, в которой побеждает тот, кто обладает не более богатой культурой, а материальным и техническим превосходством в сфере культурной индустрии. Поэтому в условиях глобализации на скорую гибель и исчезновение обречена не только традиционная культура «примитивных» народов, но и специфика стран с развитой высокой культурой, не обладающих достаточной экономической и технической мощью для соперничества с культурной индустрией, прежде всего, США — страны, которая навязывает миру некую глобальную модель культуры. Именно

по этой причине Франция, которая всегда противилась «рыночному» подходу США к культуре, еще в 1993 г. на переговорах в рамках ГАТТ заявила о своем праве на «культурную исключительность» и, в конечном счете, настояла на исключении аудиовизуальной сферы из переговоров о «свободной торговле» по линии ВТО.

За последние два-три десятилетия, по мере исчезновения биполярной системы и становления «нового мирового порядка», западная, и в том числе французская политическая наука стала уделять растущее внимание проблематике «мягкого могущества» (французам больше импонирует этот термин (*puissance douce*, нежели «сила/force» или «власть/pouvoir»), как эффективному средству продвижения государством своих национальных интересов и распространения в новых условиях своего влияния *несиловыми* методами, то есть без принуждения⁷. Эта тема с недавнего времени все больше интересует и российских ученых⁸, хотя целый ряд аспектов этой проблематики в нашей науке остается пока еще неохваченным и неизученным.

БОРЬБА ЗА «МЯГКОЕ МОГУЩЕСТВО»

В условиях глобализации, а, вернее, американизации современного мира, именно Франция, умело используя инструменты «мягкого могущества», продолжала и продолжает сохранять свою неповторимую национальную идентичность и отстаивать свои национальные интересы, в том числе в области культуры, когда остальные, видные в прошлом культурные державы (как, например, Италия или Германия), покорно «легли» под американский нивелирующий культуру «каток». Вот почему опыт и пример культурной политики Франции, особенно за последние десятилетия, представляет очевидный научный, практический и общечеловеческий интерес. Особое значение для российского исследователя

имеет также как латентный, так и открытый антиамериканизм государственной культурной политики Франции.

Так, одним из конвергентных пунктов мышления российских и французских политологов в этой связи является мнение о том, что естественная глобализация, порождаемая объективным и необратимым свободным движением человеческих и культурных потоков, капиталов и ресурсов, вовсе не тождественна навязываемой из-за океана «идеологии глобализации» — наследницы идеологической борьбы периода биполярного мира, но оставшейся жупелом либерального сверхобщества под американским «глобальным управлением». Напомним, что концепция, с которой Америка всту-

пила на мировую арену накануне Первой мировой войны, была охарактеризована как «вселенская, основополагающая гармония, пока что скрытая от человечества»⁹. Уже на Парижской мирной конференции 1919 г. президент Вильсон провозгласил, что «Америке уготована невиданная честь осуществить свое предназначение и спасти мир»¹⁰.

До этого носителем такого вселенского мессианства позиционировала себя и была признана Франция, однако именно с данного исторического момента США стали неуклонно оттеснять ее с этого пьедестала. По признанию исследователей американского мессианизма и его религиозно-философских истоков именно вильсонизм соединило с либеральным посылом кальвинистскую доктрину «богоизбранности» англосаксонских пуритан, которая провозглашает моральное право на экспансию и руководство «дикарями и народами зла». А показателем богоизбранности, согласно этой доктрине, является земной успех и богатство. Выходит, что в наши дни девиз на государственной печати США «Novus Ordo Seclorum» — «новый порядок навсегда» воплотился в спайке империализма времен Теодора Рузвельта и мессианизма в духе Вудро Вильсона.

В этой связи напомним, что для Франции идеальное представление о своем мировом ранге традиционно было едва ли не важнее объективных факторов. Тем самым изначально расширялись рамки возможного для волюнтаристской политики раннего голлизма, что, в свою очередь, соответствовало обоснованию международных амбиций Франции при недостатке материальных средств перед США. Примечательно также, что один из основных идеологов «французской школы», заядлый атлантист и «антисоветчик» Раймон Арон, в книге «Мир и война между нациями» в принципе отрицал монополию какого-либо государства в мире. Ему же принадлежит классическое определение «могущества», принятое се-

годня во французской политологии, — как «способность одной политической единицы навязать свою волю другим и не дать другим навязать ей свою волю»¹¹.

Поэтому с рождением голлистской республики в 1958 г. восстановление бывшего внешнеполитического могущества Франции и утверждение ее независимости в международных делах стало центральной темой работ по теории международных отношений в этой стране и основой французской дипломатии. Соответствующую направленность с того момента получила и внешняя культурная политика Франции. Причем в отличие от ядерных сил, призванных «устрашать и сдерживать» потенциального противника/агрессора, культурная политика Франции всегда была направлена главным образом на обеспечение «блистания/сияния» (*rayonnement*) Франции в мире, то есть на восхищение ею, ее идеями и ее действиями. Быть признанной на мировой арене в качестве глашатая и носителя «универсальных» гуманистических ценностей — такова суть традиционных мессианских устремлений Франции во внешней политике. Эта цель лежит за пределами простого обеспечения безопасности, ибо призвана содействовать усилению планетарного влияния страны и направлена на утверждение ее величия методами «мягкого могущества». Именно из этой идеи исходила Франция со времен Людовика XIV, определяя свое место в мире.

Как известно, понятие «soft power» было введено в научный оборот профессором Гарвардского университета Джозефом Наем в начале 1990-х годов¹². В начале XXI в. Най дополнил и развил концепцию «мягкой силы» в новой книге — «Мягкая сила: способы добиться успеха в мировой политике»¹³. Согласно профессору, «мягкую силу» следует понимать как способность государства оказывать влияние на другие страны и общества, на их интересы и поведение в международном политическом и эко-

номическом пространстве. Эта способность должна, в частности, опираться на либеральный режим, развитость, универсальность культуры и мощные средства ее распространения, научно-техническое превосходство, прогрессивную систему образования, передовую коммуникационную систему, национальную и социальную монолитность общества, а также на политическую волю и умение пользоваться этим могуществом и, как результат, способность утверждать и отстаивать свою национальную самобытность и свои законные интересы.

История убедительно доказала, что традиционно внешнее могущество утверждалось двумя способами: силовым принуждением или подкупом — так называемой «морковкой». В наше время наиболее рациональным, эффективным и менее затратным признан именно третий, «мягкий» способ: очаровать, «соблазнить», привлечь противника/оппонента на свою сторону. Основным инструментом достижения этой цели сегодня признается «мягкое» поведение державы через продвижение своей культуры (если она привлекательна для других), духовных ценностей (если нет лицемерия в их применении), а также через свои внешнеполитические действия (если они являются легитимными), включая культурную дипломатию.

Степень притягательности той или иной державы, ее международная репутация в данном случае измеряются и подтверждаются числом надежных союзников и партнеров, соответствующими заявлениями представителей элиты других стран, опросами общественного мнения и различными научными исследованиями. По мнению Ная, «мягкое могущество» выше силового или основанного на подкупе, так как привлекательность державы ведет к добровольному, а не вынужденному согласию с ней и, следовательно, к сознательному присоединению к её политике и к активному сотрудничеству¹⁴. Иными словами, «мягкое могущество» означает не военное и даже не экономическое превосходство, а впечатление, которое данная страна производит в мире благодаря привлекательности своей культуры и стиля жизни, своим моральным ценностям, обычаям и верованиям, месту в индустрии развлечений, а также всем другим качествам, присущим или приписываемым ее народу.

У Франции присутствует полный набор этих качеств, каждый из которых достоин стать предметом научного анализа. Однако сосредоточим внимание на таком особо важном инструменте «мягкого могущества» Франции, как культурная дипломатия.

ВНЕШНЯЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОГО МОГУЩЕСТВА»

Важную роль культурного измерения могущества, связанного не только с уровнем научно-технического потенциала, но и с моральными ресурсами страны, в особенности с ее представлением о себе самой, признают и доказывают многие французские ученые¹⁵. В частности, президент французской Академии моральных и политических наук, видный политолог Тьерри де Монбриаль культуру и идеологию рассматривает в качестве моральных ресурсов, определя-

ющих не только внутреннее единство, но и внешнее влияние страны¹⁶. Так, Франция стремится закрепить за собой образ «родины прав человека» или носителя «концепции помощи в развитии стран третьего мира»¹⁷.

Необходимо отметить, что великая французская культура, являясь весомой составной частью уникальной европейской цивилизации, всегда была и остается важнейшим компонентом ее внутренней и внешней политики. И в этом

смысле России есть с кого брать пример. Будучи мощным воплощением независимости мышления и яркой самобытности французов как нации, именно культура определила то гордое упорство, с которым Франция, на всем протяжении существования Пятой Республики, противостояла американской культурной гегемонии, стремящейся подчинить законам рынка, оттеснить или нивелировать оригинальные формы самовыражения других великих культурных держав, в том числе и России. В этой связи следует особо подчеркнуть, что, будучи эманацией развитого во всех отношениях демократического общества, родины идеологии и реального осуществления прав человека, культурное достояние Франции, наряду с его общепризнанными высокими художественными и эстетическими достоинствами, проникнуто духом подлинного демократизма, гуманизма, уважения прав и свобод личности, не в ущерб ярко выраженным национальным чертам. И в этом его особая ценность. Оставаясь и сегодня лидером в области культуры в Европе, Франция, в частности, является единственной развитой страной, где принят закон о защите национального языка. Особый характер носят и протекционистские меры, которые она распространила на аудиовизуальную и ряд других сфер культуры, что может служить примером для других стран, в том числе и России.

Не будет преувеличением утверждение, что Франция по праву может считаться родоначальницей или «изобретателем» культурной политики. Французские монархи с незапамятных времен окружали себя просвещенными людьми и артистами. «Пионером» покровительства искусств и литературы в этой стране условно можно назвать короля Франсуа (Франциска) I, который, воспротивившись засилью латинского языка, учредил в 1530 г. Королевскую коллегию лекторов, ставшую впоследствии важным институтом французской

культуры, известным под именем Коллеж де Франс. В 1539 г. ордонанс короля окончательно закрепил использование французского языка вместо латинского в официальных документах. Более четкая идея политической ответственности публичных властей в области искусства и творчества утвердилась в XVII в., а ее первым реальным институциональным выражением стало создание кардиналом Ришелье в 1635 г. Французской академии. Создание Академии явилось серьезным поворотом в развитии связей между государством и интеллектуально — художественной элитой общества, а также в мощной поддержке со стороны государства развития литературного французского языка.

Иными словами, культурная политика Франции возникла вследствие основанного на сакрально-канонически понимаемых ее правителями национальных идеалах, устойчивого стремления монархических и республиканских властей этой страны брать под свою защиту и покровительство плоды духовной деятельности, искусство и художественное творчество, справедливо считая их высшим национальным достоянием. Постепенно из этой «прихоти» властителей выкристаллизовалась идея политической, затем юридической и, наконец, материальной и административной ответственности французского государства в отношении искусств и творчества вообще.

Окончательную институциональную форму культурная политика приобрела в период правления президента Шарля де Голля с созданием в 1959 г. министерства по делам культуры. С этого момента и до начала нового тысячелетия на посту министра культуры сменили друг друга два десятка видных и высокопросвещенных государственных деятелей, пользовавшихся высоким авторитетом в мире культуры и искусства своей страны. Весомый вклад в развитие концепции и институтов французской культурной

политики внесли, в частности, такие министры как Андре Мальро и Жак Дюамель. Однако наиболее эффективной и поэтому показательной представляется модель культурной политики, успешно проявившей себя во Франции при президенте-социалисте Франсуа Миттеране (1981-1995), когда, благодаря целенаправленным усилиям неординарного министра культуры Жака Ланга, культура превратилась не только в динамичную и рентабельную отрасль экономики, но и в прочный бастион защиты национального самосознания и фактор национальной сплоченности французов перед лицом мощного политического, идеологического и лингвокультурного давления Америки.

До последнего времени такая традиционная культурная политика Франции приносила вполне ощутимые плоды. С ее ослаблением связано, в частности, появление во Франции книги историка Антуана де Бэка «Кризисы во французской культуре. Анатомия провала»¹⁸, в которой автор критически оценивает культурную политику президента Николя Саркози (2007-2012). Нельзя не согласиться с мнением ученого о том, что подход этого президента к вопросам культурной политики больше напоминает американскую модель: сокращение или экономия государственных расходов на эти цели, крен в сторону частного спонсирования, ориентация на количественные показатели и рентабельность как критерии качества, успеха, что и трактуется им как отход от традиционной французской политики.

Соотношение «могущества» и «влияния» во внешней политике Франции последних лет детально исследовано в работах другого французского ученого, профессора Парижского института политических наук Мориса Вайса¹⁹. В частности, Вайс отмечает, что сакрализация «наследия» и «преемственности» ведет во внутреннем плане к гипертрофии роли президента во Франции и со-

ответственно к маргинализации парламента, а во внешнем плане — к расхождению между словами и делами. В условиях окончания биполярности мира, умножения региональных конфликтов, продвижения европейской интеграции, усиления глобальных вызовов, информационной революции и т.п. Вайс ориентирует руководство своей страны на выработку политики влияния, стыкующейся с реалиями настоящего и устремленной в будущее.

Особое внимание ученый уделяет культурной дипломатии Франции, как инструменту влияния в контексте глобального управления и привлекательной способности. Вайс утверждает, что понятия «влияние» и «мягкое могущество» конвергентны и охватывают сегодня не только и не просто культурное пространство, но и место страны в глобальной системе средств массовой информации, позиции французских транснациональных компаний, достижения в области новых технологий и т.п., позволяя Франции «играть менее или более значительную роль в мировом масштабе»²⁰.

Как отмечалось выше, с приходом к власти президента Саркози в 2007 г. во внешней и, соответственно, в культурной политике Франции усилился проамериканский крен. В силу этого политико-экономического выбора или объективных трудностей, начиная примерно с 2009 г., ассигнования на традиционно активную внешнюю культурную деятельность Франции стали ощутимо снижаться. Размеры сокращения этих ассигнований послужили основанием для заявлений, например, в парламенте, об угрозе самой сути внешней культурной деятельности страны. Здравомыслящая часть французской элиты все более настойчиво выражала свою обеспокоенность снижением глобального влияния Франции. В частности, реакцией на сокращение государственных ассигнований культурную деятельность за рубежом стало совместное выступление в

газете «Монд» (7 июля 2010 г.) двух бывших министров иностранных дел голлиста Алена Жюппэ и социалиста Юбера Ведрина со статьей «Хватит ослаблять Кэ д'Орсэ». Почти одновременно (15 июля 2010 г.) в журнале «Новый экономист» появилась статья Эмманюэля Лемьё под названием «Проиграла ли Франция войну средствами мягкого могущества?». Этой же теме посвятил целую монографию, вышедшую в 2011 г., известный политолог Филипп Лан²¹.

Все это, в конечном счете, побудило руководство страны серьезно задуматься о путях если не наращивания, то хотя бы сохранения веса и влияния Франции как одной из ведущих фигур мировой политики. Так, в директивном письме от 27 августа 2007 г. президент Республики и премьер-министр поручили министру иностранных и европейских дел подготовить так называемую «Белую книгу» для определения приоритетных направлений работы дипломатического аппарата, изменений, которые следует внести в организацию и структуру МИДа и последствий этих изменений для кадровой политики, профессиональной подготовки и развития карьеры дипломатов. Среди пяти приоритетов, обозначенных в письме, наряду с обеспечением безопасности и защитой интересов Франции была сформулирована задача обеспечить более широкое присутствие французских идей, языка и культуры в мире и на службе культурного многообразия. В письме президента подчеркивалось, что руководство страны придаёт «самое большое значение расширению культурного влияния Франции за рубежом, от чего зависит её роль в мире, будущее культурной индустрии и культурное многообразие»²².

«Белая книга» по вопросам внешней и европейской политики Франции, подготовленная Комиссией под руководством бывшего министра иностранных дел и премьер-министра Алена Жюппэ и председателя независимого администра-

тивного органа по борьбе с дискриминацией и за равноправие Луи Швейцером, была вручена президенту Республики ровно через год — 27 августа 2008 года — накануне традиционного совещания послов в Париже. Среди 12 рекомендаций, фигурировавших в книге, содержалось и предложение о пересмотре концепции и проведении радикальной реформы аппарата внешней культурной деятельности страны как существенного компонента «дипломатии влияния». До этого различные соображения и рекомендации по реорганизации и активизации внешней культурной деятельности страны неоднократно звучали в парламенте²³.

Следует напомнить, что с момента появления в 2007 г. претензионной, если не провокационной, статьи в журнале «Тайм» под заголовком «Смерть французской культуры» во французском обществе и в прессе не прекращалась дискуссия на эту тему. В своем анализе ситуации парламентарии также отталкивались от этой статьи, признавая, что 100 лет спустя после создания первого подразделения во французском МИДе по международным культурным связям — Бюро по делам творчества — внешняя культурная деятельность Франции впервые всерьез столкнулась с вызовами, связанными с глобализацией и сокращением бюджетных ассигнований.

В процессе разработки реформы внешней культурной политики Франции развернутые предложения по этому вопросу, с учетом предложений министра иностранных дел Бернара Кушнера, были изложены в докладе № 458, представленном 10 июня 2009 г. сенаторами Жаком Лежандром и Жосленом де Ронаном от имени двух сенатских Комиссий — по делам культуры и по иностранным делам и обороне²⁴. В известной степени выводы и рекомендации сенаторов перекликались также с рекомендациями, содержащимися в экспертном заключении, представленном практически

одновременно в другом важном государственном органе Франции — Совете по экономическим, социальным и экологическим вопросам²⁵.

Сенаторы, в частности, прямо заявили о кризисе «культурной дипломатии» страны и подвергли критике традиционное и практически эксклюзивное закрепление прерогатив в области внешней культурной политики за министерством иностранных дел. Образно назвав распределение функций в этой области между МИДом и Минкультуры «административной Ялтой», они призвали пересмотреть эту практику, ссылаясь на то, что президентским декретом от 25 мая 2007 г. министерству культуры и комму-

никации отводилась более существенная роль в обеспечении международного культурного присутствия Франции, артистических обменов и франкофонии. Эта миссия была затем подтверждена в письме от 1 августа 2007 г., адресованном президентом Саркози министру культуры и коммуникации. При этом необходимость усиления роли министерства культуры и коммуникации в сфере внешней культурной политики президент мотивировал не только усилением «европеизации и глобализации ставок в области культурной политики и экономики культуры, но и особой ответственностью данного министерства в аудиовизуальной области»²⁶.

АГЕНТЫ ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ

Декретом от 25 мая 2007 г. за министерством культуры и коммуникации действительно впервые закреплялась важная роль в области международного распространения французской культуры, артистических обменов и франкофонии. В результате Минкультуры стали чаще привлекать, в частности, к международным переговорам по вопросам авторских прав и борьбы с пиратством, обеспечения культурного многообразия, циркуляции коллекций, сотрудничества в борьбе против хищений и незаконного оборота предметов искусства. Более заметную роль, чем прежде, стали играть такие экспортные организации как ТВ Франс Энтернасьональ (TVFI-продажа телепрограмм), ЮниФранс (экспорт отечественных кинофильмов), Бюро по экспорту музыки, Агентство по экспорту архитектуры и Международного бюро по изданию французской литературы, а также службы внешних связей Лувра и музея примитивного искусства на набережной Бранли, находящихся в системе министерства культуры и коммуникации.

В итоге, на основе предложений министра иностранных и европейских

дел, а также сводного доклада Сената, 27 июля 2010 г. был принят новый закон о внешней политике государства. Его непосредственным и основным следствием стало учреждение декретом от 30 декабря 2010 г. нового органа под эгидой Кэ д'Орсэ под названием Французский институт (*Institut français* — не путать с *Institut de France*, объединяющим французские академии). Однако тогдашнему амбициозному министру иностранных дел Кушнеру, который инициировал эту реформу, не суждено было заняться ее осуществлением — в августе 2010 г. он был вынужден уйти в отставку из-за обострившихся разногласий с советниками Елисейского дворца по внешней политике. На этом посту его сменила видная деятельница голлистской партии Мишель Аллио-Мари, но и ее вскоре отправили в отставку после ошибок, допущенных в отношениях с Тунисом во время так называемой «арабской весны». 1 марта 2011 г. министром иностранных и европейских дел был назначен политический тяжеловес — бывший министр иностранных дел и премьер министр, видный голлист Ален Жюппэ, который в свою бытность министром иностранных

дел (1993-1995) при президенте Шираке уделял самое пристальное внимание культурной дипломатии Франции.

Перед Французским институтом была прямо поставлена задача сделать более последовательной, продуманной и планомерной национальную культурную политику за рубежом. Для этого при нем был образован Совет по стратегическим направлениям, которому поручено теснее приобщить к внешней культурной политике министерство культуры и другие заинтересованные ведомства страны. Авторы реформы исходили из того, что по сравнению с иностранными (британскими, немецкими и испанскими) конкурентами французская система внешней культурной политики недостаточно монолитна и эффективна, особенно с учетом постоянного сокращения бюджетных ассигнований. Если, например, бюджет Института Гёте за последние пять лет увеличился на 30%, а бюджет португальского Института Камю вырос в 2010 г. до 40 млн евро, то финансирование французской системы с 2007 по 2009 годы сократилось на 20%. И это на фоне активного расширения в мире глобальных сетей культурного влияния таких стран как Китай (300 отделений в 80 странах с момента создания Института Конфуция в 2004 г.), Бразилия, Индия, Япония, Южная Корея, Тайвань, Абу-Даби, Катар и даже Польша (Институт Адама Мицкевича), которые с некоторых пор стали выделять значительные средства на цели своей «культурной дипломатии». Изначально планировалось, что новое учреждение будет носить имя Виктора Гюго по типу Института Гёте в Германии или Института Сервантеса в Испании. Сенаторы долго дискутировали по этому вопросу. В итоге было принято решение не связывать название Института с чьим-либо именем.

В юридическом смысле статус Французского института определен как государственное учреждение промышленного и коммерческого характера (EPIC),

что развязывает ему руки для самостоятельной коммерческой и производственной деятельности, приносящей прибыль. Президентом Французского института был назначен видный дипломат и государственный деятель Франции, сенатор Ксавье Даркос — бывший министр по вопросам труда, социальных отношений и семьи, министр национального образования, министр-делегат по вопросам развития, сотрудничества и франкофонии, а с июня 2010 г. — уполномоченный Совета министров по вопросам внешней культурной политики Франции. В октябре того же года он был избран еще и постоянным секретарем Академии общественных и политических наук. Новый Французский институт унаследовал от своего предшественника (агентства КюльтьюрФранс) всю сеть национальных культурных учреждений за рубежом (около 150 культурных служб в посольствах, более 150 культурных центров и свыше 1000 отделений Альянс франсэз). Было решено, что процесс интеграции этих учреждений в новую систему будет развиваться постепенно и выборочно, в экспериментальном порядке, сначала в таких странах как Дания, Великобритания, Индия, ОАЭ, Кувейт, Сирия, Гана, Сенегал, Камбоджа, Сингапур, Чили, Сербия, Грузия и завершится только в 2014 году.

Создавая Французский институт нового типа, правительство преследовало цель укрепить аппарат «дипломатии влияния», сосредоточив в «одних руках» разбросанные ранее между различными учреждениями функции внешней культурной политики страны. Французский институт, в партнерстве с министерством культуры и коммуникации, отныне тоже занимается приемом и распространением во Франции зарубежной культуры в форме «сезонов», фестивалей и т.п., а также координируют профессиональную подготовку специалистов по вопросам культуры и искусства для работы за рубежом.

В тесном взаимодействии с системой Французского института должны работать также некоторые другие устоявшиеся французские автономные учреждения, действующие на поприще распространения национальной культуры, как, например, Агентство по преподаванию французского языка за рубежом (AEFE), Агентство по распространению технической информации (ADIT), холдинг «Внешнее аудиовизуальное агентство Франции» и др. В деле распространения французского языка Французский институт, на основе специального соглашения, намерен вплотную сотрудничать с Альянс франсэз, чьи отделения за рубежом также сохраняют свою автономию.

Предполагается тесное взаимодействие Французского института и с другими структурами, созданными в развитие закона от 27 июля 2010 г., как, например, *Campus France* (привлечение зарубежных студентов на учебу во французские вузы) и *Egide* (прием и размещение иностранных стипендиатов). Кроме того, в новой системе особое место займёт государственное учреждение под названием Международная экспертиза Франции (*France expertise internationale*), которому поручено заниматься пропагандой достижений французской науки, продвижением так азываемой «научной культуры» и сотрудничеством в этой области.

В начале февраля 2011 г. на совместном заседании сенатских Комиссий по иностранным делам и по делам культуры были проведены слушания нового президента Французского института Ксавье Даркоса о его планах работы во главе нового учреждения. В начале дискуссии председатель Комиссии по культуре Жак Лежандр (один из авторов реформы) напомнил, что Франция была «изобретателем» культурной дипломатии и должна думать о повышении динамизма интеллектуального, культурного и лингвистического сотрудничества с другими странами, а также об укреплении сети своих

культурных учреждений за рубежом. Пора отказаться от элитарного подхода к распространению французского языка, подчеркнул он, и, по примеру других стран, больше опираться на современные технологии. В этом смысле Франция отстает даже от Испании.

В своем выступлении Даркос сообщил, что первый принцип принятого закона был успешно воплощен в жизнь — все зарубежные культурные учреждения Франции объединены под одной крышей и этот процесс должен быть завершен в течение 2012 года. Под эгидой министерства иностранных и европейских дел Французский институт стал единым оператором внешней культурной сети и, действуя в контакте со всеми заинтересованными министерствами и ведомствами страны, готов обеспечить «культурную поддержку» дипломатической стратегии Франции. Выполнено и другое требование закона — все французские культурные учреждения за рубежом будут носить единое название — Французский институт. Численность сотрудников Института может достигнуть 200 человек, в том числе почти половина бывших сотрудников аппарата КюльтюрФранс, 40 чел перейдут из МИДа, около десяти из министерства культуры и из министерства национального образования.

Также Даркос с тревогой отметил, что в области приложения «soft power» или «дипломатии влияния» Франция сталкивается с жесткой конкуренцией, так как почти все каналы распространения культуры в мире находятся в руках американцев. По его словам, можно даже сказать, что в условиях глобализации происходит американизация знаний. Мощную глобальную сеть влияния развернул Китай — институтов Конфуция сегодня в мире больше чем Французских институтов. Поэтому свою первоочередную задачу Институт его руководство видит в том, чтобы сделать Францию более конкурентоспособной в этой сфере.

В этой связи один из сенаторов, участвовавших в дискуссии, призвал оратора шире использовать мощный потенциал национальной кино- и музыкальной

индустрии в сотрудничестве со странами, желающими «защищать культурное разнообразие от униформирующего воздействия Соединенных Штатов»²⁷.

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У НЕАМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ?

Ослабление французского культурного влияния в мире не может не беспокоить искренних друзей Франции и поклонников ее культуры. Как не может не волновать тот факт, что сегодня весь культурный мир планеты, включая Россию, живет, в сущности, по американским стандартам, следуя за рейтингом американских блокбастеров, бестселлеров, музыкальных хитов и клипов, все чаще под Новый год по России звучит «Джингл беллз» вместо родной «Елочки». К сожалению, все сто каналов русскоязычного цифрового телевидения забиты голливудскими сериалами и триллерами. И хотя их постепенно вытесняют отечественные сериалы, но слеплены они оказываются абсолютно по таким же неприхотливым американским шаблонам — побольше насилия или суспенса, в меру секса и нужная доза слащавой сентиментальности. Выстоять в этом океане дешевки и непритязательности можно только с опорой на настоящую, высокую культуру. В этом смысле опыт Франции, которая всегда оставалась проводником искусства, а не ширпотребом, заслуживает пристального изучения.

Но даже если сегодня «высокая» французская культура действительно сдает свои позиции и ее влияние в мире осла-

беваает, то слухи о её смерти все же сильно преувеличены. Все факторы общепризнанного культурного превосходства Франции пока еще в силе: богатейшее историческое наследие, великая литература и философия, передовые высшие школы и современные технологии, непревзойденные музыка, живопись и архитектура, неповторимые высокая мода, парфюмерия и индустрия роскоши, высокая гастрономия, виноделие и т.д. Но самое главное — это жизнеутверждающий, разумный и здоровый образ жизни и мышления, разительно отличающийся от якобы «свободного», а на самом деле уродливого и лицемерного американского менталитета, заикленного на изнурительной и бессмысленной погоне за «успехом», читай деньгами. Ясно одно — могучий потенциал французского культурного влияния в мире далеко не исчерпан, а потому российским политикам и дипломатам следует не только внимательно и бережно изучать яркие страницы истории культурной дипломатии Франции, но тесно сотрудничать с французскими коллегами. Лишь совместными усилиями мы сможем сохранить национальную самобытность и обеспечить миру выбор — альтернативу американской культурной гегемонии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 В российской научной литературе встречаются разные варианты перевода этого термина — «мягкая власть», «мягкая сила», «мягкое могущество». Поэтому, в зависимости от контекста, автор сознательно использует различные версии перевода *soft power*.
- 2 Выступление Президента РФ на Совещании послов и постоянных представителей России. 9 июля 2012. URL: <http://президент.рф/news/15902>.
- 3 Пономарева Е. Г. Железная хватка «мягкой силы» // Однако. 2013. № 6. URL: http://www.odnako.org/magazine/material/show_24128.
- 4 Braudel F. *Grammaire des civilisations*. Paris: Arthaud, 1987. P. 13-14.

- 5 Adorno T., Horkheimer M. *Dialectic of Enlightenment*. Stanford: Stanford UP, 2002. 304 p.
- 6 Adorno T., Horkheimer M. *Dialectic of Enlightenment...*, P. 94-95.
- 7 См., в частности, Montbrial de Th. *Vingt ans qui bouleversèrent le monde*. Paris: Dunod, 2008; Vaisse M. *La puissance ou l'influence? La France dans le monde depuis 1958*. Paris: Fayard, 2009 и др.
- 8 Например, Алексеева Т. А. *Россия в пространстве глобального восприятия // Международные процессы*. 2007. Том 5. №2 (14); Обичкина Е. О. *Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире*. М.: МГИМО-Университет, 2003; Пономарева Е. Г. *Железная хватка «мягкой силы» // Однако*. 2013. №№ 6,7; Филимонов Г. Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010.
- 9 Нарочницкая Н. А. *Россия и русские в современном мире*. М.: ЭКСМО, 2011. С. 263.
- 10 Там же.
- 11 Aron, R. *Paix et guerre entre les nations*. Paris: Calmann-Lévy, 1984. P. 58.
- 12 Nye J. S. *Bound to Lead. The Changing Nature of American Power*. N.Y, 1990.
- 13 Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs, 2004.
- 14 Ibid.
- 15 Косенко С. В. *Культура в палитре внешней политики. Опыт Франции*. М: Восток-Запад, 2010. 320 с.
- 16 Thierry de M. *Action et système du monde*. Paris: PUF, 2008.
- 17 Thierry de M. *Action et système du monde...* P. 65.
- 18 Baecque de A. *Crises dans la culture française. Anatomie d'un échec*. Paris : Bayard, 2008.
- 19 Vaisse M. *La puissance ou l'influence. La France dans le monde depuis 1958*. Paris: Fayard, 2009.
- 20 Vaisse M. *La puissance ou l'influence...* P. 425.
- 21 Lane Ph. *Présence française dans le monde. L'action culturelle et scientifique // La Documentation française*, Paris, 2011.
- 22 <https://pastel.diplomatie.gouv.fr/editorial/actual/ael2>.
- 23 *Rapport d'information sur les centres culturels français à l'étranger* par Yves Dauge au nom de la Commission des affaires étrangères de l'Assemblée nationale. Paris, février 2001 ; *Rapport d'information sur la nouvelle stratégie de l'action extérieure de la France* par Louis Duvernois au nom de la Commission des affaires culturelles du Sénat. Paris, décembre 2004; *Rapport d'information sur la crise de la diplomatie culturelle française* par Adrien Gouteyron au nom de la Commission des finances du Sénat. Paris, juillet 2008.
- 24 *Rapport d'information sur le rayonnement culturel international: une ambition pour la diplomatie française* par Jacques Legendre et Josselin de Rohan au nom de la Commission des affaires culturelles et de la Commission des affaires étrangères du Sénat, Paris, juin 2009. URL: www.senat.fr/rap/r08-458
- 25 *Le message culturel de la France et la vocation interculturel de la francophonie*, Avis présenté par Julia Kristeva-Joyaux au Conseil économique, social et écologique. Paris, juin 2009.
- 26 <http://www.artpointfrance.info/article-12277536.html>.
- 27 www.senat.fr/compte-rendu-commissions/20110.htm.

ОТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» К «УПРАВЛЯЕМОМУ ХАОСУ»

УДК 327.8

Демидов А. В.

*Кандидат политических наук.
Генеральный консул России в Карачи (Пакистан)
МИД России*

В предлагаемой статье автор делает попытку проанализировать все чаще применяющиеся США и другими западными державами для решения своих внешнеполитических проблем стратегии, направленные на смену негодных им режимов. Упоминаются принципы соответствующих стратегий и используемые при этом практические методы. Даются рекомендации по возможному противодействию применения стратегий «мягкой силы» и «управляемого хаоса» в России, предлагаются варианты задействования элементов стратегии «мягкой силы» во внешней политике нашей страны.

Ключевые слова: стратегия непрямых действий, мягкая сила, умная сила, управляемый хаос, государство-жертва, государство-агрессор, оппозиция, агенты влияния, активное меньшинство, противодействие стратегии «мягкой силы».

FROM "SOFT POWER" TO "CONTROLLED CHAOS"

Demidov Andrey Vladimirovich
PhD in Political Science
Consul General of Russia in Karachi (Pakistan)
Phone: (495)613-54-40, (965)337-13-28
e-mail: andrey.demidov@list.ru
125284 Begovaya alleya, 3-30
Moscow, Russia

Summary: The author makes an attempt to analyze strategies frequently used by the United States and other Western powers for settlement of their foreign policy problems. Those strategies aim at removing in certain countries the regimes that are unacceptable for the West. Some principles of those strategies are mentioned as well as practical methods going in line with them. The author proposes his ideas how to repel the application of "soft power" and "controlled chaos" strategies in Russia, recommends the possible options of using some elements of "soft power" strategies in foreign policy of Moscow.

Key words: indirect actions strategy, soft power, smart power, controlled chaos, victim-state, aggressor-state, opposition, influence agents, active minority, repelling the "soft power" strategies.

В современном мире, для которого характерны процессы глобализации, то есть выстраивания политических и социально-экономических стандартов по единой модели, предлагаемой США для решения межгосударственных проблем, на смену традиционным боевым действиям стали приходить технологии действий непрямых, действий, зачастую подрывающих государство-соперник изнутри. Названий таким технологи-

ям много: «мягкая сила», «умная сила», «управляемый хаос» и т.д. Под всеми этими дефинициями подразумеваются различные средства, подрывающие политический и экономический потенциал государства. Более того, к таким средствам можно отнести и так называемые «твиттерные» революции, искусственно созданные оппозиции, раздувающие протестные движения. Характерной особенностью реализации рассматрива-

емых стратегий в нужной Западу стране и даже в целом регионе к событиям, происходящим там открыто применяются двойные стандарты. Об этом свидетельствуют, например, некоторые особенности «арабской весны»: волнения практически одновременно, в течение двух месяцев, охватили весь регион, но не получили развития в Саудовской Аравии и Катаре — верных союзниках США. Там беспорядки были подавлены местными режимами быстро и беспощадно и, что самое интересное, без какого бы то ни было протеста из Вашингтона и других западных столиц.

Некоторые из понятий, предложенных западными политологами в рамках разработки таких стратегий, были позаимствованы и в нашей стране. К примеру, в последнее время в политическом лексиконе в России все шире стал использоваться термин «мягкая сила». Анализ выступлений государственных и политических деятелей разных стран, включая Россию, трудов отечественных и зарубежных политологов, оперирующих этим понятием, показывает отсутствие единого понимания значения «мягкой силы», его исторических и геополитических корней.

Идея реализовывать стратегию «мягкой силы» для достижения политических целей восходит к древнекитайским философам. Так, Лао Цзы, живший в VII веке до н.э., писал: «В мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она сможет разрушить самый твердый предмет»¹.

Другой древнекитайский философ, политический и военный деятель Сун Цзы указывал, что грамотно разработанная стратегия позволяет достигать поставленных целей без вооруженной борьбы. Стратег, постигший, по его словам, теорию высшего уровня, может победить своего противника, не вступая в открытую схватку².

Известны аналогии «мягкой силы» в русской истории и политике. Так, к ним

можно отнести теорию «кнута и пряника». Кроме того, не следует забывать виднейшего русского дипломата XIX века А. М. Горчакова, который, по выражению Ф. М. Тютчева, достигал успеха, «не двинув пушки, ни рубля»³.

В 40-х годах XX века британским военным теоретиком Бэзилем Генри Лиддел Гарттом в научный оборот было введено понятие «стратегии не прямых действий», предполагавшее необходимость для решительной победы над противником наносить сосредоточенные массированные удары в первую очередь по тыловым базам и транспортной инфраструктуре противника. Применение подобной стратегии, по замыслу автора, лишает противника возможности оказывать длительное эффективное сопротивление⁴.

Авторство же самого термина «мягкая сила» («soft power») и основывающейся на нем стратегии приписывают американскому политологу Джозефу Наю (Joseph S. Nye Jr.), сформулировавшему их в 1990 году в своей книге «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power»⁵. В 2004 году эта идея получила свое развитие в его же книге «Soft Power: The Means to Success in World Politics»⁶.

Дж. Най считает, что «мягкая сила» — это совокупность культурных, экономических и идеологических ценностей государства, которые позволяют ему оказывать влияние на другие страны.

Предлагаемая Дж. Найем концепция «мягкой силы» основывается на высказывавшейся его предшественниками идее «достижения цели непрямыми средствами» и исходит из происходящих в последние десятилетия изменений в характере силы и влияния государств на международной арене. По мнению американца, сила современных государств распадается на три составные части:

- военная сила;
- экономическая мощь;
- «мягкая сила».

Если раньше, утверждает Дж.Най, государство стремилось в первую очередь наращивать свою военную мощь, то в наше время во внешней и оборонной политике возрастает значение фактора «мягкой силы».

«Мягкая сила», в свою очередь, по мнению американца, имеет три источника:

- культура;
- политика правительства;
- влияние примера конкретной страны.

Последний из источников проявляется в виде привлекательности государства, привлекательности существующего в нем образа жизни, политики, политических идеалов.

Дж.Най признает, что политику «мягкой силы» могут проводить и проводят разные государства. Вместе с тем, при прочтении его произведений заметна склонность автора рассматривать США в качестве государства, наиболее подходящего на роль проводника политики и стратегии «мягкой силы», имеющего самый, по его мнению, привлекательный образец для подражания и примера.

В России до недавнего времени преобладало критическое отношение к стратегии и политике «мягкой силы», справедливо воспринимавшимся в нашей стране как манипулятивное средство реализации своекорыстных планов.

И действительно, при анализе политики США, проводившейся в последние десятилетия в отношении целого ряда государств мира (Украина, Афганистан, Ирак, Ливия, Египет и др.), необходимо признать, что практика и результаты реального применения «мягкой силы» наводят на серьезные размышления. Вместо заявленного в произведениях Дж.Найя и повторяемого в официальных документах Вашингтона «примера США» в действительности во многих случаях речь скорее должна идти о применении «стратегии не прямых действий» Б.Гарта, т.е. о самой настоящей

подрывной работе, имеющей конечной целью устранение в конкретных странах неугодных режимов.

Как показывает практика, в наши дни вашингтонские стратеги при использовании «мягкой силы» применяют широкий набор экономических, политических, информационных, психологических и других методов, имеющих целью подрыв государственного устройства страны, подлежащей, по мнению Белого дома и Госдепартамента, политической трансформации. Неудивительно, в этой связи, что в последние годы американские политологи все чаще для обозначения подобной теории применяют еще один термин — «умная сила» (“smart power”).

Имеют место два основных понимания современной стратегии и реальной проводимой на практике политики «мягкой силы»:

- подрыв государственного и общественного устройства государства-противника («государства-жертвы») с помощью скрытого влияния на происходящие в этом государстве процессы. К примеру, подобная стратегия была применена в 90-х годах XX века против СССР;
- создание через СМИ стереотипов в общественном сознании населения зарубежных государств для непрямого навязывания обществам других стран представления о процессах в мире, в отдельных государствах, образа мышления и поведения, выгодного для государства, проводящего политику «мягкой силы» («государства-агрессора»).

Давление на «страну-жертву» с использованием «мягкой силы» может осуществляться даже при сохранении официальных дружественных отношений с ней. В качестве основного объекта приложения «мягкой силы», как геополитической агрессии, являются правящие круги, военно-политическая элита «страны-жертвы». Цель такой

агрессии — взятие под контроль правящие эшелоны власти «страны-жертвы» через тайное воздействие с использованием агентов влияния. Таким образом достигается воздействие на поведение отдельных индивидуумов и целых групп в обществе в нужном для «страны-агрессора» направлении, и, более того, взятие под непрямой контроль как формирование политики государства, так и непосредственное осуществление его внутренней и внешней политики.

Проведение политики «мягкой силы», по замыслу авторов этой концепции, должно основываться на ряде принципов, каждый из которых соответствует определенному этапу в применения этой политики:

- «государство-агрессор» избегает прямой конфронтации с «государством-жертвой»;
- используются скрытные или, иными словами, подрывные технологии с целью лишить «государство-жертву» возможности обладать и поддерживать экономическую самодостаточность и самообеспеченность;
- главным объектом агрессии с использованием «мягкой силы» становится политико-административное устройство «государства-жертвы» и его критически важное звено (в случае с развалом СССР таким звеном, подвергшимся основному удару, была КПСС);
- «стране-жертве» наносятся, как во внешнеполитическом, так и во внутривнутриполитическом плане, внезапные, множественные взаимосвязанные в пространстве и во времени изматывающие точечные удары по жизненно важным, слабо защищенным компонентам политической системы;
- «государство-агрессор» своими действиями способствует складыванию в «государстве-жертве» обстановки социально-политиче-

ского «управляемого хаоса» и, в дальнейшем, разрушению государственной системы;

- «государство-агрессор» оказывает содействие в формировании в «стране-жертве» новой государственной системы с опорой на оппозиционные силы (агентов влияния).

С середины 90-х годов XX века в политический и научный оборот стало вводиться еще одно понятие — стратегия «управляемого хаоса». Авторство новой концепции приписывают американскому геополитику и дипломату Стивену Манну⁷, опубликовавшему в 1992 году в журнале вашингтонского Национального военного колледжа США свое исследование под заголовком «Теория хаоса и стратегическое мышление»⁸.

Стратегия «управляемого хаоса» имеет целью оказание системного дестабилизирующего воздействия на конкретную страну, группу стран или даже на целый регион. В качестве теоретической основы такой стратегии используется постулат о нестабильности, неизменно присущей сфере управления действиями большой группы людей (в нашем случае — государства). По мнению авторов и проводников стратегии «управляемого хаоса», искусственно созданная обстановка нестабильности способствует лавиноподобному росту хаоса и, в результате, приводит к развалу существующей государственной системы.

Цель стратегии «управляемого хаоса» та же, что и «мягкой силы» в американском понимании — поразить системы государственного и военно-политического управления «страны-жертвы» (у С.Манна — «страна-объект»), парализовать экономическую активность, дестабилизировать социальную и духовную жизнь этой страны.

Среди наиболее часто используемых механизмов складывания хаоса в «стране-жертве» многими аналитиками упоминаются:

- настойчивое продвижение с использованием всех доступных средств и методов ценностей и идеалов либеральной демократии, а также экономики, построенной на чисто рыночной основе;
- способствование преимущественному повышению уровня жизни незначительной прослойки населения, навязчиво характеризующейся недобросовестными СМИ в качестве т.н. «элиты общества», что в сочетании со скрыто поощряемой коррупцией в высших эшелонах власти ведет к расколу в обществе;
- размывание через СМИ, кинопродукцию, социальные сети идейных и духовных ценностей, исторически складывавшихся в обществе «страны-жертвы»;
- дезориентация молодежи «страны-объекта», внедрение в сознание ложных ценностей, трансформации мировоззренческих и идеологических установок, создание условий для использования молодежи в качестве «горючего материала» во всевозможных внутренних конфликтах;
- складывание в «стране-жертве» обстановки, благоприятствующей возникновению и эффективному функционированию организаций и движений экстремистского толка (объединяющих политических оппозиционеров, воинствующие националистические и радикально-религиозные элементы, лиц, придерживающихся нетрадиционной сексуальной ориентации).

Вывод о том, кто и в каких целях использует стратегию «управляемого хаоса», можно сделать уже из текста работы С.Манна. Автор не скрывает связи между рассматриваемой стратегией и стремлением США к глобальному доминированию. Соответственно «управляемый хаос» выдвигается американским дипломатом в качестве одного из прак-

тических средств реализации американских национальных интересов.

Очень важным обстоятельством является то, что в качестве социальной базы, среды, благоприятной для проведения подрывных действий на основе стратегии как «мягкой силы», так и «управляемого хаоса» выступает появившаяся в последние годы в обществах многих стран мира прослойка лиц, потерявших свои социальные, конфессиональные и национальные корни, историческую память, не имеющих четких нравственных принципов и политических ориентиров.

Такая прослойка может называться по-разному: «активное меньшинство», «прогрессивное меньшинство», «креативное меньшинство». Главное, в чем следует давать себе отчет, это то, что на этих людей государство не может делать ставку, поскольку лица, отвечающие перечисленным характеристикам, охотно идут на антиобщественные и антигосударственные протестные проявления, через которые они надеются реализовать исключительно свои корыстные политические амбиции, а не интересы государства и общества.

Предпринимаются меры по подпитке таких прослоек кадрами, способными возглавить «несистемную оппозицию» и желающими взяться за реализацию на месте стратегии «управляемого хаоса». Так, в США при Йельском университете запущена и успешно функционирует программа подготовки кадров («Yale World Fellows Program») для взятия под контроль управленческих функций в «государстве-жертве» после складывания в нем обстановки управляемого хаоса».

Если в Югославии, Афганистане и в Ираке США пошли на прямое использование силы и силовых методов для смены политических режимов в этих странах, представляющих стратегический интерес для Вашингтона, то псевдореволюционные процессы, запущенные на Украине, в Грузии, Тунисе и Египте,

стали своего рода отработкой деталей политических спектаклей с опорой на внутреннюю оппозицию. В Ливии же была проведена первая реальная спровоцированная непрямая война НАТО по устранению не устраивающего западные державы режима. Цель таких операций во всех рассматриваемых странах — приведение к власти лиц, получивших на Западе образование и политическую ориентацию, имеющую целью вытеснение России и Китая из своих стран и регионов.

Во внешнеполитическом плане в качестве сверхзадачи проведения стратегии «управляемого хаоса» выступает ослабление международных позиций России и Китая, рассматриваемых в Вашингтоне в качестве препятствий на пути к мировой гегемонии.

Вместе с тем, справедливости ради, следует признать, что разработанные в Вашингтоне стратегии не всегда срабатывают так, как предполагалось американскими теоретиками. Вашингтонские стратеги не очень-то сильны в просчитывании долгосрочных последствий применения своих планов. Примером тому — затянувшийся политический кризис в Египте. А в некоторых случаях вышедшие из-под контроля процессы начинают ударять и по США, и их союзникам. Примеры — «Аль-Каида», созданная ЦРУ для противодействия Советскому Союзу в 80-е годы XX века, ХАМАС — движение, созданное ЦРУ и израильским Моссадом в качестве противовеса ООП.

Вывод, напрашивающийся даже из поверхностного анализа стратегии и политики применения «мягкой силы» и «управляемого хаоса», один — Россия должна противодействовать такой стратегии Запада, стратегии, которая может быть применена, а, возможно, уже и применяется против нашей страны. Ни для кого не секрет, что в России задействуются противоправные инструменты «мягкой силы» через активность

«псевдо-НПО», преследующих указанные извне цели дестабилизации внутриполитической обстановки. Через упомянутую программу Йельского университета прошел А.Навальный.

Эффективно противодействовать стратегиям «мягкой силы» и «управляемого хаоса» непросто. В мире не существует международно-правовой базы такого противодействия. Соответственно, все мероприятия, проводимые властями «страны-жертвы» по защите от разрушительных замыслов, будет изображаться «государством-агрессором» как направленные на подавление демократии и прав человека.

В первую очередь, в целях минимизации последствий использования такой стратегии и деятельности так называемого «активного меньшинства» правительство государства, желающего оградить себя от подобных стратегий, должно оперативно распространять в стране достоверную информацию о реальном положении дел в разных сферах жизни общества. Нельзя поощрять идущий в недобросовестных СМИ поиск отрицательной и компрометирующей информации. Муслирование негативной информации в СМИ есть проявление целенаправленной линии на разрушение государственности.

Необходимо оказывать государственное содействие и поддержку созданию и деятельности НПО и других элементов российского гражданского общества, имеющих патриотическую ориентацию. Государственные СМИ должны активнее вести патриотическую пропаганду.

Нет сомнения, реализация стратегии и проведение политики «мягкой силы» в современном мире стало одним из важнейших средств обеспечения международного влияния государств. Признавая обоснованность отечественного критического взгляда на проблему, следует признать, что в нынешних международных условиях нашей стране в ее внешней

политике необходимо заимствовать некоторые элементы «мягкой силы».

Как представляется, следует серьезно продумать возможность применения Москвой политики, основной на стратегии «мягкой силы». За основу российской концепции «мягкой силы» можно было бы взять определение этого понятия данное в 2012 году В. В. Путиным: «Мягкая сила» — комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия⁹.

В этом плане можно было бы высказать целый ряд практических рекомендаций. Работу по реализации ряда из них, которая уже ведется, следовало бы значительно активизировать:

Поддержание контактов с проживающими за рубежом выпускниками советских/российских вузов. Регулярная организация кустовых встреч выпускников. Их приглашение в Россию на стажировки, занятия на курсах повышения квалификации. Конкурентоспособность на рынке образовательных услуг является одной из важнейших составляющих «мягкой силы» в современном мире.

Москвой крайне слабо используется потенциал 30-миллионной российской диаспоры за рубежом. А ведь на ее базе можно было бы создавать пророссийские НПО и даже политические пар-

тии, которые могли бы исполнять роль российского лобби в соответствующих странах.

Серьезный ресурс для работы в изложенном направлении имеется в интернет-технологиях (ИТ). Российский научно-технический потенциал (прекрасный пример — антивирус Касперского) позволяет нам с успехом конкурировать на мировых рынках. Следовало бы установить и поддерживать контакт с российскими специалистами в области ИТ-технологий, работающими в разных странах мира. Наиболее успешных приглашать на работу в Россию, предлагая им серьезное материальное обеспечение.

В российских и сотрудничающих с ними зарубежных СМИ, являющихся одним из основных орудий «мягкой силы», проводить не только контрпропагандистские кампании, но и инициировать кампании по дискредитации отдельных направлений в политике США и других стран Запада, настроенных враждебно к России. К примеру, можно было бы проводить идею о том, что европейцы, узаконившие однополые браки, предали истинные ценности морали, характерные для европейской христианской культуры и поддались постмодернистскому вырождению. Россия же, на этом фоне, есть не что иное, как потенциальный бастион традиционных христианских моральных ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Tao De Jing. Moral Intelligence. Chapter 78.
- 2 Sun Tzu. The Art of War: Complete Texts and Commentaries. — Boston and London. “Shambala”, 2003.
- 3 Ф.И. Тютчев. «Князю А. М. Горчакову». // Ф.И. Тютчев. Стихотворения. Авторский сборник. — М., «Прогресс-Плеяда». 2007. Подробнее о стратегии А. М. Горчакова см.: Демидов А. В. Теоретические аспекты разработки внешнеполитической стратегии Российской Федерации. // «Ученые записки РГСУ». 2012, № 7.
- 4 Б.Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий. Перевод санглийского. — М., 1957.
- 5 Joseph S. Nye Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. — New York, “Basic Books”, 1991.
- 6 Joseph S. Nye Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. — New York, “Public Affairs”, 2004.

- 7 Манн Стивен — американский дипломат. С 1976 г. специализировался по СССР, затем — по России и СНГ. Курировал Россию и Восточную Европу в аппарате министра обороны США. Работал послом США в Туркменистане, старшим советником Госдепартамента по энергетической дипломатии в Каспийском бассейне, спецпредставителем США по евразийским конфликтам, представителем США в Минской группе по Нагорному Карабаху (см. Ю.Бялый. Управляемый хаос. // «Суть времени». № 8, 28 ноября 2012 г.).
- 8 См. www.userdocs.ru/voennoe/40143/index.html. 06.06.2013.
- 9 В.В.Путин. «Россия и меняющийся мир». // «Московские новости». 27 февраля 2012 г.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Пеньков В. Ф.

Доктор политических наук.

Профессор кафедры связей с общественностью

Тамбовского государственного технического университета

Коврикова О. И.

Кандидат экономических наук.

Доцент кафедры международных отношений и политологии

Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

Дьяконов А. А.

Аспирант кафедры международных отношений и политологии

Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

В статье рассматриваются с исторической и политической точек зрения, ценностные проблемы, имеющие научно-теоретическое и практическое значение. Утверждается, что применительно к государственной власти необходимо ставить задачу формирования теории и практики управления государственно значимыми ценностями.

Ключевые слова: политика, ценности, культура, сознание.

Утверждают, что в Великобритании по сей день действует важная аксиома политического толка, гласящая, что власть не только должна работать эффективно, но и все граждане должны быть убеждены в том, что она работает эффективно. Причем второе — опора для первого. Добавим: для этого сама власть должна быть (как минимум!) общественно разделяемой ценностью...

Для начала обратимся к некоторым парадоксам аксиологии (аксиология — философское учение о ценностях), в том числе в политической сфере. Со времён горбачёвской «перестройки» (весьма эксцентричного этапа политического процесса) в лексиконе политологов укрепились слова «гласность», «толе-

рантность», «плюрализм». Подчёркнём, слова, но никак не понятия, поскольку их трактовка была и остаётся весьма расплывчатой. Тогда же говорилось о возвращении к «истинным ценностям», определение которых, полагаем, также не было единообразным.

Сегодняшние проблемы политико-ценностного толка, с которыми сталкивается в России власть и общество, во многом могут быть объяснены герменевтической¹ размытостью ценностного модуля, всего того, что может стать «реперными точками» процесса модернизации. Авторы не ставят перед собой задачу всеобъемлющего раскрытия аксиологических загадок российской политики, а лишь попытаются представить своё

видение заявленной темы и сформулировать (возможно, спорные) тезисы.

Итак, отправной точкой рассуждений предлагается сделать утверждение о том, что для выработки и реализации эффективной политики необходимо решить, как минимум, четыре задачи. Во-первых, обозначить основные достижительные цели, консолидирующие значительную часть населения, а не раскальвающие его. Во-вторых, определить этапность реформирования, установив некие «промежуточные финиши», сформировать объективную критериальную систему, позволяющую делать «засечки» на пути движения к поставленным целям. В-третьих, разумно сформировать и сгруппировать политические, финансово-экономические, кадровые, когнитивные, коммуникативные и иные ресурсы, позволяющие в оптимальные сроки достичь желаемых результатов. И, в-четвёртых, на основе мониторинга политических процессов выработать механизмы корректировки тактических инструментов и ресурсной базы, задействованных при реализации стратегических задач.

Но всё это возможно лишь при условии артикуляции и агрегации интересов основных социальных групп, формирования универсальной аксиологической матрицы, вбирающей в себя терминальные (то есть смыслообразующие) ценности.

Для логического развития темы обратимся к существу такого значимого феномена, коим являются ценности. Зададимся вопросом: «А что же, собственно, можно считать ценностью, каковы её — ценности — признаки?» Размышляя над этим, последуем за М. Хайдеггером, который в своё время выстроил такую цепь рассуждений: «Ценность это значимое, стоящее; только что значимо — ценность. Но что значит «значимо»? Значимо то, что играет важную роль. Вопрос остаётся: значима ли ценность, потому что она весома, или

всякий вес может быть измерен только значимостью? Если последнее верно, то спросим снова: что значит: ценность значима? Значимо что-то, потому что оно ценность, или оно ценность, потому что значимо? Что такое сама по себе ценность, что она значимая, стоящая? Значимость всё же не ничто, она скорее род и способ, ценность, а именно в качестве ценности «есть». Значит, есть род бытия. Ценность имеет место только в том или ином ценностном бытии»². Финальную фразу особо подчеркнём, поскольку она станет ключом в ходе дальнейших рассуждений.

По сути, ценность как таковая (материальная или нематериальная) проявляется в конкретных исторических условиях, раскрывается, «обретая весомость», в реальном осознании и в реальных взаимоотношениях субъектов. Вспомним хрестоматийный пример с урановой рудой, которая существовала в природе с незапамятных времён. Но лишь в конкретной исторической ситуации середины XX века приобрела статус ценности, когда уровень развития науки и техники, а главное — настоятельная политическая потребность создания сверхмощного орудия политического диктата — поставили этот редкоземельный химический элемент в перечень ценнейших.

Напомним парадокс, выявленный ещё Э. Фроммом: «Обычно существует разрыв между тем, что человек считает своими ценностями, и действительными ценностями, которыми он руководствуется и которые им не осознаются. В индустриальном обществе официально признанными, осознанными ценностями являются религиозные и гуманистические: индивидуальность, любовь, сострадание, надежда и т.д.»³. Он же отмечал, что ценности не лишены структурности, образуют иерархию, в которой высшие ценности определяют все прочие. По Ф. Ницше, роль высших в аксиосистеме занимают социальные ценности⁴. Здесь, в ареале социальных

ценностей, формируется обособленный политико-аксиологический кластер.

Ведя речь о политических ценностях, как некоем сегменте, вспомним И. А. Ильина, который отмечал: «Люди думают, что всё, что делается *ради* государственной власти, *из-за* неё, *вокруг* неё и *от* её лица, — что всё это «политика», совершенно независимо от того, каково содержание, какова цель и какова ценность этих деяний»⁵. И далее: «Политика без идеи оказывается мелкой, пошлой и бессильной; она всех утомляет и всем надоест»⁶. Очевидно, что в основе любой идеологии лежит ценностная система, которая в зависимости от «качественных характеристик» определяет сущность идеологической доктрины.

При этом не имеет значения, идёт ли речь о «Законах Ликурга» или об идее «Общественного договора», об утопиях социалистов или о фашистской идеологии. Несмотря на разницу эпох, политических систем и политических акторов, механизм вполне очевиден: некая социальная группа (даже не наделённая властными полномочиями) ведёт селекцию аксиологических доминант, формирует на их основе ценностную матрицу, используя пропагандистские технологии, внедряет её в общество и артикулирует идеологический модуль.

Идеология, выстроенная на ценностном основании, привносится в общество активной социальной группой. И тут возникает ещё один из парадоксов политической аксиологии. На него ещё в 1928 году указывал Э. Бернейс: «Голос человека лишь озвучивает мысли человека, а мысли его зависят от лидеров его группы, которым он верит, а также от людей, которые умеют манипулировать общественным мнением»⁷. В том же году, ещё не прочтя «Пропаганду» Э. Бернейса, Й. Геббельс, вторя А. Гитлеру, 7 июня запишет в своём дневнике: «Политик — художник. Народ — его материал»⁸.

Манипуляционный характер процесса внедрения ценностей привносит в по-

литику неизбежные в таких случаях вербовку сторонников, поиск «носителей» и «врагов ценностей», зачастую приводит к напряжению и конфликтам в общественных отношениях. Прав Ч. Миллс, утверждавший, что «личные и общественные проблемы возникают там, где проявляется угроза ожидаемым ценностям, и их нельзя чётко сформулировать без признания существования этих ценностей»⁹.

Политический процесс в современной России рассматривается авторами как межстадиальный, характеризующийся затянувшимся переходом от одной системы ценностей к другой. Многочисленные объективно-предметные и идеально-субъективные ценности формируют трудно определимую (из-за субъективности мнений, точек зрения и позиций) шкалу ценностей. Можно констатировать, что в идеальной схеме иерархии ценностей высшую ступень должны занимать нетленные, абсолютные, объективные, онтологически-предметные ценности, называемые общечеловеческими. То есть те ценности, которые имеют значение для всех людей и которые практически однозначно признаются ими в качестве важнейших условий и обстоятельств их полноценного существования.

Понятие «система ценностей» принято рассматривать с эстетических, этических, онтологических, гносеологических, социальных, религиозных, нравственных и т.д. позиций. Феномен «общечеловеческих ценностей» не предполагает включение в число высших ценностей аксиологических компонентов политического толка. Это объяснимо тем, что «сердцевину» политических ценностей составляют власть и властные отношения, которые, в свою очередь, ассоциируются с принуждением и насилием. И это ещё один парадокс современной политической аксиологии.

Признаем, что власть, реализуемая не только через принуждение, несет в себе

стимулирующую, воспитательную функции, стремится к использованию методов убеждения, стремится учитывать интересы и потребности людей. Будем толковать политические ценности как «обозначение сущности политически значимых действий, процессов, явлений в плане их соответствия или несоответствия интересам общества, отдельных социальных групп, человека»¹⁰.

Л.П. Карсавин подходил к раскрытию понятия «ценность» через культуру и указывал на то, что «ценности составляют органическое единство, называемое культурой»¹¹. В нашем понимании, политические ценности есть неотъемлемая часть политической культуры, ее определяющий компонент, материализующийся в политическом процессе. Учитывая, что политика и политический процесс как социальные явления неотделимы от человека, возьмем на вооружение выводы В. П. Тугаринова¹², обосновавшего значимость ценностного отношения в политике как необходимого, всеобщего и вечного фактора жизни человека и общества.

Представим аксиологические компоненты политического процесса и рассмотрим концептуальные аспекты системы политических ценностей. Будем исходить из булгаковского понимания этой категории: «Политические ценности, которые руководят политической деятельностью людей, не представляют или, точнее, не должны представлять собой высших, самостоятельных и самодовлеющих ценностей. Самостоятельностью политических ценностей характеризуется лишь безыдейная политика, руководимая интересом, личным или классовым, как непосредственным выражением личного или группового эгоизма»¹³.

Для уточнения понятия «политические ценности» и формирования контуров авторского видения, подчеркнем, что политическая ценность есть ценность нематериальная и представляет

собой некий социальный идеал. При этом речь идет о ценностях общественных и личных. Согласимся с утверждением о том, что «личные ценности, как и ценности социальные, существуют в виде идеалов, то есть моделей должного. Но, в отличие от социальных ценностей, они «задают» индивиду конечные ориентиры его деятельности, побуждают его к активности в достижении определенных целей (личных или общественных), лишь приняв форму личностной ценности, социальный идеал может найти путь к предметному воплощению»¹⁴. Поведенческий характер личных ценностей является их характерной особенностью. Для общественных ценностей в качестве отличительных черт необходимо признать, во-первых, их строгую иерархичность, во-вторых, несинхронность их усвоения различными группами людей и целыми поколениями, в-третьих, их конфликтность, в-четвертых, необязательность совпадения социальных ценностей государства и гражданского общества.

Система ценностей не возникает на пустом месте. Аксиологические параметры общества и государства формируются под воздействием факторов политического, экономического, психологического, религиозного, этнического и т.д. характера. В связи с этим «ни одно общество не может существовать без каких-либо фундаментальных ценностей, присущих данному обществу, которые являются для него наиболее типичными и важными. Эти ценности складываются на протяжении очень длительного исторического периода, отражают единство исторической судьбы народа данного государства и желание его граждан в дальнейшем жить вместе»¹⁵.

Здесь важно учесть востребованность тех или иных ценностей в конкретной исторической ситуации, признать, что на это влияют историческая память и доминирующие массовые настроения, геополитические и национальные особен-

ности этноса, укоренившиеся традиции, степень устойчивости ценностных предпочтений населения, уровень манипулирования ценностными приоритетами со стороны СМИ, политических партий, групп давления, власти и т.д.

В переходные периоды развития общества (а мы по-прежнему пребываем в этом периоде) на одно из приоритетных мест в селекции ценностей выходит «символическое сознание», то есть рефлексивно-оценочный подход к отбору ценностей, основанный на эмоционально-знаковом восприятии аксиологических компонентов. Социально обусловленные символы не только выражают ощущения и эмоции, но и способствуют социальной сплоченности, формированию системы ценностей в обществе.

Особенно рельефно это проявляется в период перемен, когда идет фронтальный слом ценностной матрицы. В нашей недавней истории это пришлось на середину 1990-х гг., когда чувство хаоса, неустойчивости и беспорядка у части граждан России компенсировалось за счет символического, знакового, образного восприятия прошлого и настоящего.

Исходя из результатов локального опроса того времени, советский период представлялся как «время политики» и «уверенности в будущем», а события начала и середины девяностых — как «время экономики» и «свободы». Обратимся к перечню символов прошлого и настоящего. *Советская эпоха*: партия, очередь, зарплата, коммунизм, стабильность, дефицит, комсомол, СССР, коммунист, уверенность, демонстрация, Ленин, Брежнев, спокойствие, колбаса, талоны, застой, субботник, мир, пятилетка. *Современная эпоха (1990-е гг.)*: свобода, безработица, война в Чечне, демократия, перестройка, «новые русские», бизнес, беспорядок, доллар, рынок, выборы, инфляция, нищета, гласность, деньги, беспредел, президент, страх, неуверенность, мафия¹⁶.

Эти данные вполне можно рассматривать как систему модальных стереотипов того периода как относительно субъекта социальных отношений (гражданина), так и основного политического института (государства), а также как фактор социально-психологического эскапизма (уход от действительности). Здесь просматривается весьма важный момент: в советской системе символических координат доминирует организующее начало (партия), а в российском варианте — свобода.

В идеале ядром системы политических ценностей могут быть признаны государство, легитимная демократическая власть, которые являют собой первооснову порядка, политики и политического процесса. В 1993 году с принятием Конституции России были определены ее обновленные параметры, выработан политико-правовой механизм формирования подобной модели власти. Вполне очевидно, что в политико-аксиологический ряд должно быть включено избирательное право и гарантии его реализации¹⁷.

В число политических ценностей авторы включают местное самоуправление, которое понимается как «право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения»¹⁸. Местное самоуправление есть микроуровень политического процесса, ареал взаимодействия локальных социальных групп и индивидов. В этой сфере идет активное межличностное общение, формирование моделей политического поведения и образцов политических действий, циркуляция мнений по вопросам политики.

Особое место в числе политических ценностей занимает политическая система. А. Менегетти, задавшись вопросом, в чем ценность системы, отвечал на него так: «Система особенно важна в

том, что является социологическим отражением власти, — важна для того, кто контролирует действие общественного порядка, независимо от того, король это, диктатор, сенат или парламент. Без системы ни один вождь не может достичь возможности контроля как служения. Система есть то, что устанавливает связь между гениальной ситуацией отдельного пространства с множеством мест, почти до бесконечности, добиваясь на основе решения для одного — решения для многих. Следовательно, она представляет собой средство поддержания общественных ценностей, обеспечивающее их техническое обслуживание. В этом и заключается необходимость системы, являющейся мощным рычагом власти и жизнеспособности»¹⁹. Являясь частью политических ценностей, политическая система одновременно является формализованной оболочкой, фиксирующей и сохраняющей аксиологические компоненты политики. Система политических ценностей не может существовать в вакууме, фиксация есть условие её существования.

Относя к категории политических ценностей государство, политическую власть, избирательное право, местное самоуправление и политическую систему, авторы считают необходимым подчеркнуть, что не всякая модель вышеперечисленных компонентов политической аксиологии может быть признана приемлемой в современной российской ситуации. Лишь те модификации, что отвечают критериям «свобода» и «демократия», могут быть отнесены к политическим ценностям модернизируемого российского общества и государства. Отсюда возникает настоятельная необходимость включения демократии и свободы в качестве аксиологических констант российской политики. При этом демократия понимается авторами как народовластие и как модель политической системы, а понятие свобода распадается на личностные и гражданские

компоненты. В переходный период, полагаем, не утратило актуальности утверждение о том, что «единственной истинной гарантией сохранения человеческих ценностей в хаосе неуправляемых изменений и трагических потрясений является свобода убеждений человека, его нравственная устремленность к добру»²⁰.

К политическим ценностям авторы относят также институты гражданского общества: свободную личность, ассоциации и СМИ.

Развитие политического процесса, формирование политической культуры общества, выработка новой системы ценностей происходит при участии институтов государства. Приоритет государства в российской политической жизни — устоявшаяся отечественная традиция. Но в последние годы социальное развитие уже не может рассматриваться как «огосударствлённый» процесс. В нём важное место принадлежит институтам гражданского общества, важной частью которого становится сеть ассоциаций и объединений, как связующего звена между индивидуумом и государством.

Воздействие политических партий на социум носит в определенной мере косвенный характер. Оно проявляется через целенаправленное влияние на формирование общественной воли, установок и ценностей. В демократической политической системе партии являются фактором влияния на политический процесс, осуществляемое через воздействие на политическую культуру и систему ценностей, оказывают влияние на формирование властных институтов, на все общество и государство.

По нашим оценкам, формирование партийно-политических структур в России являет собой процесс противоречивый, порой спонтанный и мало предсказуемый. Складывается весьма занятная картина. По сути, партийное строительство последних двух десятилетий не привело к созданию полноценных

политических партий и собственно партийной системы²¹.

Есть, как минимум, четыре типа «околопартийных» формирований. Партийно-административные структуры вертикально интегрированного типа с жёсткой внутрипартийной дисциплиной «монолитного толка» (Единая Россия). Практика доказывает, что подобные партии эффективны на мобилизационном этапе политического процесса, но явно не готовы к «забегам на длинные дистанции». Далее идут партийно-политические коммуникативные PR-проекты, смахивающие на «партии-спутники» (ЛДПР, Справедливая Россия). Но здесь успех, вернее, их долгое бытование, возможно лишь при наличии харизматического (если угодно, эксцентричного) лидера. Именно «лидерский дефицит» СР рознит её эффективность в сравнении с ЛДПР. Затем «политический клуб интеллектуалов», вернее, дискуссионная площадка «политического сэконд хэнда» (ранее СПС, сегодня ЯБЛОКО, Республиканская партия России — Партия народной свободы). Здесь лидеры сильны в словесном действии, но их влияние заметно лишь в части общественного мнения столиц и десятке мегаполисов, объединённых вокруг некоторых СМИ (ТНТ, Дождь, Эхо Москвы, Новая газета). Политическая волна (словесного и организационного толка) от этих партийных структур «гаснет» быстро, не доходя до основных социальных групп провинции. И, наконец, четвёртый тип. Это партийные новообразования последних полутора лет с весьма туманной системой идеологических и организационных конструкций, узким кругом актива и инфантильно-амбициозными лидерами.

Особняком, выпадая за рамки нашей классификации, стоит КПрФ. Пожалуй, единственная структура, отвечающая понятию «политическая партия»: идеология, организационное ядро, структура, парламентское представительство, относительно устойчивая электоральная

база, широкий (по российским меркам) уровень проникновения в общественное мнение на региональном и субрегиональном уровне. Правда, в последние годы в КПрФ наметился отрыв руководящей группы «профессиональных революционеров» от социально-экономических и партийно-политических реалий и интересов членов партии.

Новая «партийно-политическая грибница» даёт обильный урожай, смахивающий на аттракцион небывалой скороспелости. Но хватит ли на все эти «диванные протопартии» достойных идей, организационных, финансовых, когнитивных, коммуникативных и иных ресурсов. А главное — членов? Время покажет.

По нашим оценкам, идеологический компонент партийного строительства явно опережает организационный. Не теряет актуальности вывод К. Г. Холодковского, сделанный им на этапе очередного всплеска партогенеза середины 1990-х гг.: «Процесс формирования партийной системы пока происходит не столько путем создания развернутых структур, организующих политическую мобилизацию, сколько путем создания слабо оформленных идейно-политических течений, ориентирующихся на символические политические фигуры либо организации».²²

Продолжая тему ценностных ориентаций в современной российской политике, обозначим ещё один парадокс: мы живём в системе аксиологической многоукладности, где у каждой политической партии, социальной группы свои представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Отсюда и раздрай, «разброд и шатания». При этом наша политическая элита разучилась убеждать оппонентов в правоте своих идей и ценностей, а использует принцип: «Есть только два мнения. Моё и неправильное».

И ещё. Используя психологические методы исследования, возьмём в каче-

стве гипотезы политического PR утверждение о том, что к носителям политических идей желательнее испытывать (как минимум) если не симпатию, то хотя бы нейтральное психологическое отношение. Оценим мимику, пантомимику, манеру общения, темпоритмы и тональность речи известных спикеров от «Единой России». Так вот, у С. В. Железняка, А.К. Исаева и И. А. Яровой явные признаки отрицательного обаяния, при наличии которого значительная часть публики априори их отторгает, даже не вдумываясь в суть произносимого. Так почему партия власти делает именно их «говорящими головами»? На нейтральных позициях (по тестам) оказывается С. И. Неверов. Грустно, если в ЕР этого не видят. Завершая «партийный сюжет», подчеркнем, что значительная часть из более чем полусотни вновь создаваемых политических партий остается малочисленной, не имеет значимого числа сторонников, не может действительно влиять на социальную селекцию политических ценностей.

Ведя речь об аксиологическом выборе, подчеркнем, что в результате противостояния демократических сил с ценностями КПСС и ее современных российских преемников, начало которому было положено в годы «перестройки», многие ценности демократического толка (гарантии прав и свобод, суверенность народа и гражданина, правовое государство, общечеловеческие ценности) оказались в логической зависимости от ориентации политиков на рыночный путь развития экономики. На определенном этапе сам рынок стал политической целью и ценностью одновременно. Превращение рынка в самодостаточную ценность, помноженное на неуспех ряда рыночных реформ, привело к новому, ещё более глубокому кризису системы политических ценностей.

Метаморфозам подвержено и понятие «демократия». Абсолютизация демократической модели устройства государ-

ства, возведение ее в аксиологический абсолют приводит к косности. Демократия как таковая не может и не должна восприниматься как панацея от всех проблем процесса модернизации, в том числе и модернизации государственной власти. Сама по себе демократия лишь способ, «инструмент», позволяющий оптимально использовать ресурсы социума для построения обновленной модели государства. Следует помнить предостережение Б. Рассела: «Достоинства демократии негативны: она не обеспечивает хорошего правления, хотя и позволяет избежать некоторых его зол. Она необходима и представляет собой единственное условие, позволяющее обуздать власть. Политическая демократия решает часть наших проблем, но все проблемы она разрешить не может ни в коем случае».²³

Рассмотрение аксиологических аспектов российской политики невозможно без обращения к культурологическим сюжетам, наиболее проявляющимся в воздействии политической культуры на политический процесс. Здесь не следует всё сводить к элементарной причинно-следственной связи. Изучение хода российских реформ двух последних десятилетий убеждает в том, что влияние политико-культурологических факторов на политический процесс может происходить как непосредственно, так и опосредованно. Реальные изменения в политической практике зачастую проявляются по прошествии времени, когда качественные и количественные переменные набирают «критическую массу». Это объяснимо рядом причин.

Во-первых, сложной структурой политической культуры. Наиболее заметны тенденции преобразования политического процесса под воздействием политической культуры через поведенческие компоненты в таких действенных формах, как образцы политического поведения и модели политических действий. Их формирование идет под воз-

действием таких элементов политической культуры как политические знания, идеологии, а главное — системы ценностей, лежащей в её основе, вырабатываются и постепенно внедряются в политическую практику новые модификации образцов поведения и моделей действий.

Во-вторых, несинхронным развитием и трансформацией элементов, составляющих политическую культуру. В её структуре наиболее инерционными остаются политический менталитет, политические традиции, коллективные представления. К более мобильным элементам возможно отнесение политических идей, идеологий и политических концепций.

В-третьих, система ценностей, неизменно доминирующая в любой политической культуре, в современной России эклектична, противоречива, в ряде случаев имеет разнонаправленные векторы развития. Повторим, это обуславливает «аксиологическую многоукладность» российского общества, отражающую межстадиальный характер самого политического процесса.

Одновременно с этим наметился переход от гомогенной модели политической культуры к гетерогенной, что содействует утверждению новых образцов политического поведения и моделей действий. Эта тенденция проявилась в последнее десятилетие наиболее отчетливо. И как всякое новое явление политической действительности кризисного социума может быть охарактеризована, как с позитивной, так и с негативной точек зрения. По нашим оценкам, постепенно уходит в прошлое огосударственная гомогенная модель политической культуры с её идеологизированной системой ценностей, основанной на примате государственных интересов над интересами личности. Это, полагаем, может быть оценено как положительное явление.

Однако возникающая гетерогенная модель политической культуры современной России не носит пока что це-

лостного конструктивного и созидательного характера. Отдельные разнородные элементы политико-аксиологической мозаики не образуют необходимую культурологическую матрицу политики. Доминирование на протяжении ряда лет транзитарного типа политической культуры не может быть признано положительным фактором социального развития. В обществе сохраняется ожидание очередной волны перемен, затянувшаяся социально-политическая стабилизация порождает разного рода субкультуры, негативно влияющие на ситуацию в государстве и гражданском обществе. Учитывая политические традиции и реалии России, в этих условиях важным элементом обеспечения политической и социальной стабильности остаётся государство.

Утверждение гетерогенной модели политической культуры в России проходит через определенные стадии и по различным направлениям. Так, прежняя политическая культура отторгала возможность появления иных, не укладывающихся в официальные идеологические концепции, моделей политической культуры, что вело к существованию нелегальной политико-культурной сферы. Это проявлялось в диссидентской политической субкультуре, которая государством вытеснялась из публичной политической сферы.

В современной России процесс становления гетерогенной модели находится в наиболее сложной стадии. Декларирование и утверждение в реальности политического и идеологического плюрализма пока что позволило проявиться достаточного широкому политико-аксиологическому спектру. Причём системы ценностей различных социальных групп в большей мере ориентированы на размежевание, а не на поиск взаимных интересов и компромиссов. В идеале, гетерогенная модель политической культуры должна стать не только отражением диверсификации её элементов, но и не-

сти интегрирующее начало, обеспечивающее развитие политического процесса по формуле «политическое единство в многообразии».

Справедливости ради заметим, что определенные движения в этом направлении происходят. Согласно комплексных исследований ИКСИ РАН уже в начале 2000-х гг. была зафиксирована тенденция так называемого раскола, специфического состояния российского общества,²⁴ заключающегося в противостоянии ценностей этатистско-либерального блока, которое явно присутствовало и имело характер дихотомии в 1990-е гг., а в нулевые начал дрейфовать в сторону смешивания позиций. Поскольку это противостояние являлось главным водоразделом размежевания и привело к тому сюжету реформ, который сегодня общеизвестен, интерес представляет более подробная интерпретация ранее обозначенного среза ценностей восприятия государства, демократии, возникновения и активизации институтов гражданского общества.

Долгое время практически общим местом стали размышления по поводу несовпадения прокламируемых целей реформ с ментальностью россиян. На большом фактическом материале авторы исследования делают выводы о специфике российского политического

сознания, включающие многие традиционные понятия и приоритеты западной цивилизации, которое в условиях российских реалий искажается порою до неузнаваемости. Одновременно описание ценностей через континуум национально-традиционных характеристик соборности, народности, патриотизма и других зачастую является порождением привычных стереотипов. И поэтому важно иметь представления о том, как трансформируется доминирующий континуум, поскольку ценности в этих условиях изменяются глубже и быстрее, чем обычно. Предметом исследования выступили два аспекта: первый — комплекс либеральных идей и ценностей, работающих и имеющих хождение в современном российском обществе, и второй (оппонент первого комплекса) — этатистские идеи и ценности. Соотношение современных пропорций по линии «либерал/этатист» подтверждают данные другой аналитической группы «Левада-Центр».

И либеральный, и этатистский комплексы практически в одинаковой степени представлены в сознании россиян. Интересны показатели либерально-этатистского спектра настроений жителей областного центра, зафиксированные Центром изучения общественного мнения города Тамбова (2004 год).

Таблица 1

Какое из суждений в большей степени соответствует
Вашему представлению о должном и правильном?

	2002	2012
Чтобы успешно развиваться России нужно стать открытой страной, войти в мировое сообщество, в противном случае нам грозит отставание от других стран	59	56
Чтобы успешно развиваться России не следует открываться миру — это разрушит наш самобытный неповторимый уклад, а отставание нам не грозит, у нас достаточно собственных ресурсов для достижения успеха	41	42

Август, N =1600
<http://www.levada.ru>

Наблюдается даже более либеральный окрас соотношения позиций среди жителей Тамбова, чем по стране в целом. Так, 58 % горожан считают, что продолжать реформы, обеспечивая при этом социальную защиту населения и еще 9 % — что государство должно придерживаться принятого курса реформ. Таким образом, группу респондентов, составляющих 2/3 выборочной совокупности, придерживающихся мнения о продолжении реформ можно условно обозначить «либералами». Остальные 30 % респондентов высказались за возврат к практике социализма, государственного снабжения и регулированию цен.

В случае оценки людьми сугубо либеральных понятий таких как «демократия», в дефинициях, раскрывающих восприятие его в массовом политическом сознании, присутствуют категории этатистского плана, поддерживающие линию государства.

При этом ни одно из этих умонастроений сегодня уже не подавляет другое, не наблюдается деполяризации общества по линии «либерал/ этатист». Но за этим сближением скрываются существенные различия. К примеру, в верхних социальных стратах преобладают либеральные идеи, в нижних — этатистские. Самые большие различия фиксируются между городской политической культурой и сельской: в городской местности респондентами чаще выбирается больше либеральных суждений, в сельской местности явно доминирует этатизм, особенно это касается сельской «глубинки».

Сегодня наблюдаются жизненные реалии, при которых либеральная или этатистская риторика служат «опознавательным знаком» политической социализации и социального положения индивида. Самое большое влияние на идеологические комплексы оказывает возраст. Известны эмпирические исследования в области сравнительной политологии, политического психоанализа доказывающие, что человека, его жизненный путь определяет та историческая эпоха, в которой он социализировался. Наибольшее влияние на идеологические комплексы россиян последовательно оказывали такие времена как «война», «оттепель», «перестройка». Его следы прослеживаются и по настоящее время. Предположительно, постперестроечная эпоха будет иметь не меньшее (если не большее) значение, причем и для нелибералов, и для новых этатистов.

Возникает вопрос перспектив развития рассматриваемых комплексов. По нашим оценкам, при синтезировании исследуемого континуума либеральный комплекс демонстрирует большую жизнеспособность и больший потенциал развития, нежели этатистский.

Воспроизводство либеральных ценностей идет эффективнее, чем этатистских (таблица 2). Часто такие процессы как распространение риторики, рекрутирование адептов сигнализируют нам о появившихся тенденциях, развивающее воздействие которых воочию наблюдается и без помощи исследовательских практик.

Таблица 2

Что сейчас важнее для России:
порядок в государстве или соблюдение прав человека?

	1997	2007	2011	2012
Порядок в государстве	60	54	53	53
Соблюдение прав человека	27	36	42	42
Затрудняюсь ответить	13	10	5	5

N=1600

<http://www.levada.ru>

Вместе с тем эти выводы нельзя признавать окончательными, поскольку укрепляющаяся тенденция активизации политической жизни вносит коррективы в эти идеологические комплексы. Полагаем, что корректировка будет происходить всё более быстрыми темпами.

Каковы в этом случае перспективы развития этатистского комплекса идей, учитывая, что как государственная доктрина он пока не оформлен? Возможен вариант развития этатистского комплекса ценностей и на уровне массового сознания, и на уровне ценностей государства, если формулирование и продвижение стратегических целей России, её миссии, национальных задач станет повседневной риторикой, будет стоять в повестке дня и иметься в виду при принятии политических решений. Результатом может стать смягчение и примирение либерально-демократических, этатистских и патриотических ценностей.

Вторая тенденция воздействия политической культуры на политику, по мнению авторов, может быть признана производной от первой. Исследование контекста российской политической действительности последнего десятилетия показало, что одна из весомых причин конфликтности политического процесса объяснима наличием политических субкультур, в основе которых лежат различные интересы, идеологии, ценности. Наслоение политических и экономических реформ, активный передел собственности, борьба за рынки и сферы влияния, абсолютизация материальных ценностей придали конфликтам остроту и масштабность. Относительно долгое время центристская идеология в России не была представлена конкретными и, что весьма важно в политике, влиятельными силами. Столкновение флангов политического спектра не может обеспечить политической стабильности и консолидации конструктивных сил общества. Агрессивные модели по-

литических субкультур и их носители, приходя в столкновение, повышают конфликтность политического процесса. Вспомним, что в условиях относительной слабости федеральной власти середины 1990-х гг. это приводило к углублению кризисных явлений, сдерживало развитие реформ, проявлениям сепаратизма. Безусловно, первоосновой конфликтов был и остается конфликт ценностей и интересов в их различных модификациях.

Третья тенденция определяется авторами как региональная. Активно проявившаяся в последнее десятилетие артикуляция региональных политических, социально-экономических интересов и ценностей повлияла на формирование региональных элементов политической культуры, предопределяющих региональный компонент политического процесса, стиль поведения местных элит. Добавим, что политическая регионализация России также имеет как позитивные, так и негативные грани. Тектонический сдвиг в структуре государственности после распада СССР продолжает активно влиять на ситуацию в стране. С одной стороны, укрепление самостоятельности, повышение статусов регионов содействует оперативному решению возникающих социально-экономических и политических проблем, с другой, при наличии сепаратистских компонентов в региональной политической культуре, ведет к ослаблению единого государства.

Негативным фактором развития политического процесса в условиях модернизации является организованная преступность, теневая экономика, а также та часть государственного аппарата, что подвержена коррупции. Преступные сообщества тяготеют к проникновению во власть, к утверждению своей системы понятий в качестве аксиологического стержня, имеют вполне определенную политическую культуру, в основе которой лежит «корпоратив-

ная система антиценностей». Ядро преступной аксиологии — навязывание обществу своей воли через нелегитимную силу, подкуп, забвение моральных и этических норм в угоду узкого круга лиц. Организованная преступность (зачастую имеющая явный этнический, а то и конфессиональный оттенок) сегодня претендует на статус института «антигражданского общества», пытается влиять на формирование общественных отношений, на социальную систему, проявляет активный интерес к контролю над каналами коммуникации.

Политический процесс в условиях модернизации выявил ряд социальных проблем, наиболее острой из которых стала маргинализация части населения. Её корни видятся в безработице, бесконтрольной миграции, этнических конфликтах, в изменении ролевых установок целых социальных групп, в утрате культурологических скреп. Для

этого обособленного сектора социума характерны разрыв с традицией, утрата социальной идентичности, неопределённость социального положения, несовместимость притязаний личности и референтной группы, к членству в которой она стремится. В обществе проступают признаки маргинальной политической субкультуры агрессивного толка, стимулирующие конфликтность и социальную напряжённость, что оказывает давление на политику.

К тому же, несмотря на положительную динамику увеличения высокодоходных страт населения по уровню обеспеченности за последнее десятилетие, материальные ценности остаются приоритетными среди иерархического ряда ценностей. Около трети населения страны констатируют, что «денег не хватает даже на продукты» или же «денег на продукты хватает, но покупка одежды вызывает серьезные трудности» (таблица 6).

Таблица 3

К какой группе населения Вы, скорее всего, отнесли бы свою семью?

	2012 X	2007 XI	2005 XI	2003 XI	2001 XI
Мы едва сводим концы с концами, денег, не хватает даже на продукты	9	14	15	15	22
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения	22	33	37	45	44
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка товаров длительного пользования является для нас проблемой	49	37	37	31	27
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, но затруднительно приобретать действительно дорогие вещи	19	15	10	9	7
Мы можем позволить себе достаточно дорогие покупки — машину, квартиру, дачу и многое другое	0	1	1	1	0

<http://www.levada.ru>

По данным опросов Центра изучения общественного мнения города Тамбова среди жителей областного центра оцен-

ка уровня материальной обеспеченности выглядит следующим образом (таблица 4).

Таблица 4

 Оценка уровня материальной обеспеченности респондента,
 (в процентах)

Варианты ответов	2007 V	2005 X	2003 VI	2001 X	1999 X
- не отказываю себе ни в чем; с избытком хватает на текущие нужды; но не можем себе позволить очень крупные траты (автомобиль, недвижимость)	29	20	22	14	15
- приходится экономить на некоторых необходимых вещах и продуктах; с большим трудом сводим концы с концами, живу в нищете.	69	80	78	86	85

Есть ещё один значимый фактор, вносящий диссонанс и порождающий противоречия в процессе кристаллизации системы ценностей, способной консолидировать граждан. По нашим оценкам, мы утрачиваем толкуемый в широком смысле «феномен культуры», который был ареалом аксиологических смыслов и ценностей. Мы теряем тот тип русской культуры, который П. А. Сорокин определял как «интегральный»²⁵, где доминантой было гуманистическое отношение к бытию.

Сейчас много пишут об утрате духовности, о проблемах культурно-исторической идентичности россиян, о необходимости откликнуться на призывы тех немногих, кто не в угоду быстро меняющейся конъюнктуре, а искренно (порой, по-Блоковски, *истово*) призывает всех нас опомниться и задуматься о ценностях жизни не суетной, но высоко духовной и нравственной, осенённой идеалами добра и гуманности.

В разные годы и разными путями к постановке и постижению этих непростых вопросов приходит каждый из нас в отдельности и общество в целом. Правда, ответы бывают самые разные. Увы, но для части наших сограждан само понятие «гуманизм» звучит сегодня как некий анахронизм, интеллигентская причуда или нечто «факультативное», даже чуждое.

То же происходит с высокой русской культурой, с настоящей музыкой, изобразительным искусством, литературой, театром, кинематографом, с хорошей эстрадой. В новейшем диковатом капитализме востребованы лишь те формы массовой культуры, которые, подобно трансгенным продуктам, привлекают потребителя яркой упаковкой и искусственными ароматами. Истинная культура, призванная *очеловечивать человека*, оттесняется в тень общественного интереса, уступая место разного рода суррогатам. Эрзац-культура, лишённая гуманистического начала, — это уже не фантом, а реальность нашего больного времени.

Допустим, что «новые формы» имеют право на существование, но нельзя согласиться с тем, что нравственная составляющая уходит из этих новообразований. «Свалившиеся» на нас два десятилетия назад свободы, по идее, должны были содействовать появлению нового свободного человека. Но этого не происходит. Неужели написанное Н. А. Бердяевым в начале XX века предупреждение о дегуманизации жизни должно сбыться в псев-демократической России: «...новый человек может появиться лишь в том случае, если человека считают высшей ценностью. Если человека рассматривают исключительно как кирпич для строительства общества, если он лишь

средство для экономического процесса, то приходится говорить не столько о явлении нового человека, сколько об исчезновении человека, т.е. об углублении процесса дегуманизации»²⁶.

Стало общим местом рассуждение о том, что отечественная культура, давшая миру Ломоносова и Державина, Пушкина и Тютчева, Достоевского и Льва Толстого, Глинку и Чайковского, Рахманинова и Шостаковича, Рокотова и Крамского, Репина и Сурикова, Игумнова и Рихтера, Станиславского и Товстоногова, Лихачева и Лотмана, Цветаеву и Ахматову, Бунину и Бродского, Булгакова и Шолохова, Сергея Бондарчука и Андрея Тарковского, сотни других славных имен, бессмертна и непоколебима. Да лукавство всё это! Выросло целое поколение²⁷ (а, может, уже и не одно?), для которого все они не более чем «тени забытых предков». А ведь культурная традиция (подобно апостольской вере), её возвышающая душа суть, может бытовать лишь при условии транслирования от родителей к детям, от Уходящего к Грядущему. Не воспринятые (а, значит, и не пережитые) современным человеком культурные пласты остаются вне его душевной сферы. Непрочитанная книга молчалива, неувиденная картина мертва, не услышанная музыка подобна немому. Нельзя не согласиться с тем, что «смена вех» в культуре у нас началась не вчера, но теперь она приобретает ускорение лавины»²⁸.

Мы стали свидетелями процесса не востребованности культуры, забвения подлинного искусства, замалчивания проблем воспитания и, вместе с тем, невнимания к робко звучащим предупреждениям о необратимых потерях, которые грядут. И не только в чисто духовной, но, прежде всего, в политической и экономической сферах.

Умозрительность шекспировской фразы «распалась связь времен», при объективной оценке метаморфоз нашей власти и общества, обретает вполне ре-

альный смысл. Культурологический, а вслед за ним и социально-политический, понятийный, ценностно-смысловой разрыв поколений — это вовсе не осмеянный в публицистике «конфликт отцов и детей». Это серьезная проблема затухания культурной традиции, когда отказ от национальных корней становится фактором не только культурологического, но и политического, правового, социально-экономического порядка.

Здесь уместно процитировать О. Шпенглера: «Культура есть профеномен всякой прошедшей и будущей мировой истории»²⁹. Увы, сегодня российское сообщество постепенно выпадает из культурного контекста исторического развития, сбиваясь на дикие тропы существования «по понятиям», лишённым гуманистического смысла.

И эта проблема не только российская. Респектабельная Европа, и благополучная Северная Америка, полагаем, вплотную подступили к катастрофическому порогу дегуманизации человеческого существования. Можно предположить, что политические и экономические проблемы в ряде стран Европейского Союза возникли во многом из-за краха скороспелой модели мультикультурализма, когда избыточная политкорректность одних и бескультурно-националистический эгоизм других поставили крест на возможности диалога и культурологической адаптации, привели к кризису сложившейся системы ценностей.

Казалось бы, Россия, всегда отличавшаяся высокогуманной культурой, должна была бы иметь достаточно сил для сопротивления начавшемуся духовному распаду, но и здесь образовывается некая брешь. Упоение декларированными свободами, лишённое духовного стержня, неизбежно перерастает в «обывдливание» части населения. Диктат бездуховности, захлестывающий российский социум, полагаем, не менее страшен, чем диктатура государственной машины.

Невостребованность высокой культуры, небрежение её гуманистической сущностью — вот суть проблем, о которых мы сегодня зачастую стараемся не думать, считая их некой блажью. Новые примитивные ценностные ориентиры, разжигающие эгоистические страсти, очерчивают самоё понимание ценности чужой жизни. Цель, на сей раз — деньги, успех, власть — оправдывает любые неблагоприятные средства для её достижения. Мир этот, регулируемый условными единицами, превращает всё большую часть самих людей в некие условности, в денежный эквивалент человека, глубоко чуждого нравственным идеалам истинной культуры.

Здесь, полагаем, необходимо обратиться к такому российскому феномену как «интеллигенция», считавшемуся генератором и носителем истинных ценностей. Само это понятие в разные времена толковалось по-разному и как никакое иное в последнее время подвергается трансформации. По нашим оценкам, современная российская интеллигенция весьма неоднородна. Часть её, став на западный манер «интеллектуалами по вызову», безбедно существует, обслуживая интересы тех, кто «заказывает музыку». Другие, изверившись во всем, пребывают в унынии и самосозерцании. Видимо, об этих «созерцателях» писал в начале XX века французский философ и политолог Ш. Моррас: «Бесплотная по своей природе, неспособная ни владеть материальным, ни управлять им, интеллигенция входит в эту новую жизнь, в этот новый мир; она <...> может его посещать, но она начинает чувствовать, что ей в нём нет места»³⁰. Думается, допустимо, перефразируя классика, спросить у этих, с позволения сказать, «унывающих созерцателей»: «С кем вы, *подмастерья культуры?*».

К счастью, немало нашей интеллигенции пытается сохранить «связь времен», возвращает нас к «веховскому»³¹ пониманию её сущности, где доминирующей

оценкой является не столько интеллектуальная планка, но духовная, где российская интеллигенция определяется как «чувствилище»³² нации. Более века назад прозвучали слова «веховцев». Но и сегодня по-прежнему актуально их предупреждение всем нам, кто сегодня может утратить (да, что там, уже утрачивает) жизненные вехи на путях к высшим смыслам жизни.

Рассмотрение любых проблем политики невозможно без обращения нашего внимания к пониманию цены их решения, которое зачастую лежит в плоскости духовной деградации человека и общества. В забвении культуры, её гуманистического смысла мы подошли к опасной черте, за которой начинается процесс распада России как духовного и социального столпа мировой цивилизации.

В этой ситуации, было бы правомерно акцентировать внимание на то, что применительно к государственной власти необходимо ставить задачу формирования теории и практики управления государственно значимыми ценностями. Государство способно и обязано регулировать ценностные ориентиры народонаселения, конструируя и направляя развитие своих и общественных институтов. Важнейшее значение в этом направлении имеет институт выборов, к которому со стороны общественности предъявляются серьезные требования, требования обеспечения максимальной прозрачности процесса, исключения возможности подлога и использования административного ресурса.

К решению задачи формирования в массовом сознании одной из значимых ценностей — ценности справедливости в осуществлении процесса волеизъявления избирателей важно идти, обращаясь как раз к человеческому фактору. Здесь авторы подразумевают деятельность членов избирательных комиссий, которая имеет публичный характер. Обеспечить непредвзятость работы из-

бирательной комиссии возможно, если грамотно понимать роль и значимость профессионализации членов избирательных комиссий, являющихся проводниками, обеспечивающими связь между избирательной системой и избирателем. Полагаем, что ценность общественного согласия в части «правильного» восприятия выборов, их легитимности в сознании граждан, а также конечной целью возможно признать обеспечение достойной жизнеспособности страны.

Всегда ли власть готова услышать нелицеприятные оценки принятых политических решений, оскудняющих нашу жизнь? Практика показывает, что не всегда. Явно ошибаются те, кто считает, что говорящий правду не любит своего Отечества. Сладкоголосая ложь, угодливая полуправда не имеют ничего общего с патриотизмом. Только прямота и

искренность есть выражение доверия и уважения, есть проявление заботы о будущем своей страны, определяемом ясным осознанием пройденного пути как во всех величавых и героических его моментах, так и в его трагедиях и падениях. Знать надо всё, слепота только мешает движению вперёд, из прошлого в будущее через настоящее.

***

В своё время Н. В. Гоголь утверждал, что, мчащаяся словно тройка, Русь не даёт ответа. Нынче многие пытаются предложить ответы на значимые аксиологические вопросы в политике. Важно выбрать верный, основанный на истинных ценностях, ответ. И выбор этот за нас не сделает никто.

Не опоздать бы...

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Здесь и далее в толковании словесных конструкций автор будет следовать за Г. Шпетом (См. подробнее: Шпет Г. Герменевтика и её проблемы // Контекст. М., 1989.)
- 2 Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М., 1993. С. 71.
- 3 Фромм Э. Революция и надежды // Фромм Э. Психоанализ и этика: Пер. с англ. М., 1993. С. 285.
- 4 См.: Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей: Пер. с нем. М., 1994. С. 38.
- 5 Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 355.
- 6 Там же. С. 359.
- 7 Бернейс Э. Пропаганда: Пер. с англ. М., 2010. С. 93.
- 8 Цит. по: Ржевская Е. М. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 2004. С. 77.
- 9 Миллс Ч. Р. Социологическое воображение: Пер. с англ. М., 1998. С. 202.
- 10 Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М., 1993. С. 292.
- 11 Карсавин Л. П. Основы политики // Мир России — Евразия: Антология. М., 1995. С. 111.
- 12 См. подробнее: Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. Л., 1968. С. 3-5.
- 13 Булгаков С. Н. Религия и политика // С.Н. Булгаков Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 60.
- 14 Беляева Л. А. Социальная модернизация в России в конце XX века. М., 1997. С. 126.
- 15 Кочетков А. П. Россия на пороге XXI века. М., 1998. С. 13.
- 16 Опрос проводился под руководством З. В. Сикевич в 1996-1997 гг., квотная выборка в Санкт-Петербурге — 600 человек, контрольные выборки по 100 человек в городе Выборге Ленинградской области и в поселке Ижморский Кемеровской области (См.: Петербуржцы. Символы, ценности, установки. СПб., 1997. С. 19-39).
- 17 Думается, митинговая активность в столице и ряде мегаполисов в декабре 2011 и в мае 2012 гг. была спровоцирована тем, что политически активное меньшинство восприняло итоги федеральных выборов как обесценивание важной политической процедуры, как сбой в системе политико-правовых гарантий.

- 18 Цит. по: Европейская хартия о местном самоуправлении: Русская версия. Страсбург: Совет Европы. Отдел изданий и документов. 1990. С. 2.
- 19 Менегетти А. Система и личность: Пер. с итал. М., 1996. С. 80, 81.
- 20 Сахаров А. Д. Послесловие к памятной записке Генеральному секретарю ЦК КПСС 5 марта 1971 г. // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М., 1995. С. 236.
- 21 Этой проблеме был посвящён научный доклад одного автора статьи. (См. подробнее: Пеньков В. Ф. Об очередном этапе российского партотенза и социальной базе политических партий // VII Всероссийская научно-практическая Чичеринская конференция «Выборы в новой России: история современность, перспективы». Тамбов, 2012. С. 21-35).
- 22 Холодковский К. Г. Политические партии России на выборах 1995-1996 гг. и опыт Запада // Гражданское общество в России: Западная парадигма и российская реальность. М., 1996. С. 26.
- 23 См.: Рассел Б. Власть. Социальный анализ // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Том II. Зарубежная политическая мысль. XX в. М., 1997. С.160 — 166.
- 24 См.: Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы, мифы. / Отв. ред. Рябов А. В., Курбангалеева Е. Ш. М., 2003. 448 с.
- 25 См.: Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени: Пер. с англ. М., 1997. С. 26.
- 26 Цит. по: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 148
- 27 Авторы определяют это явление как «поколение «Дома-2» и «Comedy Club».
- 28 См.: Кичин В. Дефицитный Рахманинов. Почему страна великой музыки обречена слушать «блатную попсу»? // Российская газета. 2013. 25 июля. С. 28.
- 29 Шпенглер О. Закат Европы: Пер с нем. Ростов-н/Д, 1998. С. 182.
- 30 См.: Моррас Ш. Будущее интеллигенции / Пер. с фр. М., 2003. С. 39.
- 31 Речь идёт о сборнике «Вехи», вышедшем в 1909 г. и ставшим своеобразным манифестом российской интеллигенции начала XX столетия. (См. подробнее: Вехи: Сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1909.)
- 32 См. : Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи: Сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1909. С. 164.

Отпечатано в типографии «OneBook»
ООО «Сам Полиграфист».
129090, г. Москва, Протопоповский пер., д. 6.
www.onebook.ru